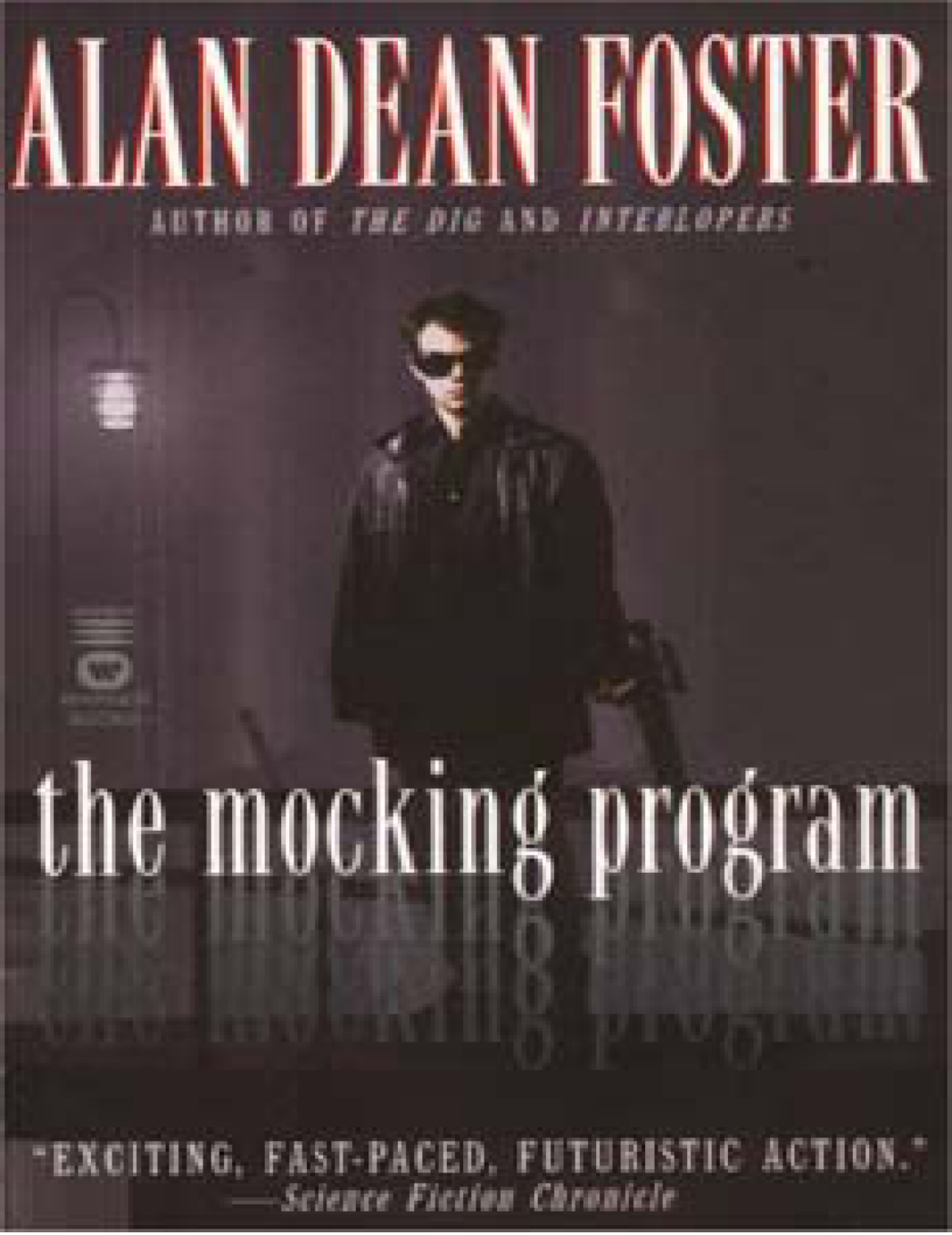
ALAN DEAN FOSTER

AUTHOR OF *THE DIG* AND *INTERLOPERS*



the mocking program

"EXCITING, FAST-PACED, FUTURISTIC ACTION."
—*Science Fiction Chronicle*

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

"Несмотря на недостающие части тела, в трупе не было ничего достопримечательного. Он был одним из многих регулярно находимых на улицах, неделю за неделей, месяц за месяцем, словно выброшенных с <американских горок> жизни по капризу какого-то лопнувшего ремня безопасности. Субъекты, лежащие растерзанными и разломанными, как этот неопознанный труп, у его ног, были скорее правилом, чем исключением. В буйных, бурных, бурлящих глубинах Полосы ничто не пропадало зазря. Об этом заботились уличные падальщики и пожиратели тины.

Эллен Ватубуа склонилась над трупом. Быстро просканировав тело и найдя что искала, она терпеливо копалась около оголенного левого предплечья. Там, среди порванных волокон мускулов и голубых капилляров, непосредственно под кожей находился миниатюрный фрагмент нерастворимого в кислотных средах пластика с впечатанной в него информацией. Она осторожно переместила наконечник экстрактора в свой спецспиннер и выпустила туда крошечную находку. Через несколько мгновений она уже читала вслух ее содержимое..."

- Алан Дин Фостер
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - ГЛОССАРИЙ ИСПАНГОНА
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68

Алан Дин Фостер
Програмерзость

1

Сперва у него отобрали связь. Затем карточки. А потом кто-то спер все его достояние. После чего стащили одежду. Далее какие-то подонки муй рапидо[1] проделали осмотр-изъятие, распотрошив его от шеи до паха. Почки, печень, легкие, яички и глаза отсутствовали. А вот сердце оставили. Спрос на сердца нынче невелик. Где уж там, когда рынок наводнили отличные дешевые искусственные модели. Хоть титановые, хоть поросячьи — выбирай на вкус. После этого жертву одракулили и раскостили, забрав то, что было пригодно для последующего использования: кровь и костный мозг. Жалкие остатки этого несчастного бедолаги были разбросаны под непрерывно барабанящим дождем, словно тряпки, не способные оставить на мостовой даже пятен крови.

Анхель Карденас стоял, уставясь невидящим взором на эти останки, и перед глазами у него плавало райское видение: парок над чашкой горячего кофе и по-домашнему уютные кабинки в некоем кафе. И стоя там, среди вспыхивающих «мигалок», собравшихся машин и ворчащих федералов, Анхель гадал, почему же он, черт возьми, не сделал так, как ему неоднократно предлагал шеф Пэнгборн и не ушел досрочно на пенсию. Фредозо Хаяки, помощник Карденаса, завершил запись малопривлекательной сцены и выпрямился. Хаяки был огромным полуяпонцем-полуперуанцем. Дружелюбный, экспансивный, с лицом, как у ребенка, массивный малый лет тридцати пяти, он внешне сильно походил на инкского Будду. Несмотря на космическую выпуклость живота, Хаяки отличался твердостью бетона. Выпрямившись и негромко крякнув, он сунул записывающее устройство в карман и подытожил обзор места преступления единственным кратким наблюдением:

— Осталось в самый раз, чтоб родственники могли предъявить права на останки. А, Анхель?

Карденасу в ответ пришлось повысить голос, чтобы его было слышно сквозь барабанную дробь юго-западного муссонного ливня. Крупные капли сверкали в резком свете ночных витрин ближайшего торгового комплекса, струясь с кончиков его вислых усов. Этот сладкий бодрящий дождь был на улице единственным, к чему не примешивалось никакой дряни или заразы. Хотя если верить химическим анализам, производимым фанатичными «зелеными-вердес» и им подобными, то и летний ливень не выдерживал испытания на чистоту.

Привыкнет ли он когда-нибудь видеть на улице трупы? Даже

после тридцати лет службы в Департаменте он не переставал поражаться изобретательности, которую проявляют люди, режущие своих сограждан.

«Ну почему я не уродился собакой, как Чарлибо? — сетовал он, стоя среди ночи и ее огней».

— Думаю, в полиции легче служилось в прежние времена, когда у граждан отнимали только деньги. — Он взглянул на напарника. — Ты почему весь промок?

В отличие от других мельтешивших вокруг трупа непромокаемых полицейских, Хаяки вымок с головы до пят. Дождь скатывался с его круглого лица, словно пот.

— Куртку забыл зарядить, — смутился напарник. А без энергии электростатический заряд, отталкивающий воду от дождевика полицейского, был не более чем невыполненным обещанием. Хаяки выделялся на этой темной глухой улице как… как единственный промокший федерал.

Хотя здоровяк, вероятно, ничуть не возражал против подобного душа. Муссонные дожди, неизменно омывающие эту часть севамериканского Юго-запада с июля и до конца сентября, образовывали желанную отдушину в жестокой жаре, царящей там все остальное время года. Карденас-то точно наслаждался, чувствуя, как дождь струится по лицу. Благодаря патентованным усилиям тихо гудящего дождевика, все прочее оставалось совершенно сухим.

Тут из ниоткуда появился реклам. Материализовавшись из ночи, он с жужжанием стал носиться вокруг Анхеля, словно назойливая пчела в поисках цветка, и все это время через направленный аудио громко превозносил достоинства Новейших! Свежайших! Вкуснейших! Чипсов «Постито» с Лаймом-и-Сальсой! Карденас раздраженно отмахнулся от него, и реклам улетел досаждать Герговичу из судмедэкспертизы. Мобильные атакующие рекламы формально считались противозаконными, но, подобно вездесущим настенным рекламным плакатам былых времен, стоило искоренить их в одной части Полосы, как они живо появлялись в какой-то другой, бесконечно повторяя свои надоедливые призывы, выплевывая бессчетные купоны и пытаясь вкрадчивыми речами выудить адреса у раздраженных прохожих.

Гергович выпрямился, стоя под дождем.

— Внезапный разрыв нервов, — пробормотал он, ни к кому конкретно не обращаясь. — С попыткой придать этому вид сердечной аритмии. — По служившим ему главным рабочим инструментом мед-очкам вереницей пробегали считываемые данные, мелькая за линзами, словно светляки. По частично затененному лицу медэксперта плясали мерцающие пастельные

радуги. Лишь когда он отключил внутренние сигнальные огоньки, Карденас разглядел сквозь сверкающие сенсорами максимально прозрачные линзы глаза коллеги. — По крайней мере, все произошло быстро.

Он без особого энтузиазма хлестанул по мобильному рекламу и промазал.

Протянувшаяся от Санхуаны до Масматамороса развернутая макиладора производств и сборочных заводов Полосы Монтесумы представляла собой огромный концентрат промышленности, торговли, сборки, передовой технологии и пороков западного полушария. Бедные иммигранты с юга столкнулись тут с деньгами на развитие с севера и инфольктехом отовсюду. В результате образовалась небольшая популяция очень богатых людей, живущих рядом и господствующих над людьми, надеющимися на лучшее, но зачастую очень бедными. Если ты не смог добиться успеха на Полосе, говорили в душевниках Буэнос-Айреса, Барреараса и Лимы, то нигде не сможешь преуспеть. Работа не гарантировалась. Те, кому не удалось преуспеть, превращались в мрачных, потом в отчаявшихся и, наконец, в хищных, которых так и называли — фералами[2]. Когда кругом плавало столько блестящего, манящего кредита, отчаявшемуся иммигранту было чересчур легко покатиться по наклонной. Если ты не мог произвести что бы то ни было, ты крал это и продавал.

Именно так и произошло с пользующимися наибольшим спросом органами этого бедолаги. Кто-то всегда нуждался в настоящей почке, а кто-то другой — в переливании незагрязненной крови. Продаваемая на черном рынке кровь была легко перевозимым товаром. Не вызывала трудностей и транспортировка глаз и жизнеспособных яичек. Карденас знал это лучше многих других. Его несообразно голубые глаза достались ему от донора. Вполне законным путем, их забиохирили ему в глазницы после того, как сбунговали его собственные окуляры… Но это дело давнее, древняя история, чиповая пена. В данный момент ему требовалось идентифицировать мертвого парня.

Присутствие федералов и бригады экспертов на этой сырой глухой улице не собрало никакой толпы. В торговой зоне инурба Кецаль никто не прогуливался под дождем. Карденаса и его коллег это вполне устраивало. Они не любили зрителей. Безлюдье предоставляло им возможность делать свое дело без помех в виде богатого ассортимента чужих глупостей. И что еще лучше — сюда пока не нагрянули СМИ. Как хорошо знал старший полицейский инспектор, вит-репортеры с места событий не любили дождя. Он здорово портил им прическу и макияж.

Несмотря на недостающие части тела, в трупе не было ничего

достопримечательного. Он был одним из многих регулярно находимых на улицах, неделю за неделей, месяц за месяцем, словно выброшенных с «американских горок» жизни по капризу какого-то лопнувшего ремня безопасности. Субъекты, лежащие растерзанными и разломанными, как этот неопознанный труп, у его ног, были скорее правилом, чем исключением. В буйных, бурных, бурлящих глубинах Полосы ничто не пропадало зазря. Об этом заботились уличные падальщики и пожиратели тины.

Эллен Ватубуа склонилась над трупом. Быстро просканировав тело и найдя что искала, она терпеливо копалась около оголенного левого предплечья. Там, среди порванных волокон мускулов и голубых капилляров, непосредственно под кожей находился миниатюрный фрагмент нерастворимого в кислотных средах пластика с впечатанной в него информацией. Она осторожно переместила наконечник экстрактора в свой спецспиннер и выпустила туда крошечную находку. Через несколько мгновений она уже читала вслух ее содержимое. Карденас и Хаяки подошли послушать.

Для коренастой судмедэкспертши среднего возраста голос у нее был на диво чувственным. Чуткий к подобным явлениям Лаззарио из отдела кадров не прекращал попыток перевести ее в диспетчерскую. Но Эллен нравилось работать в полевых условиях и заниматься анализом, да к тому же она предпочитала работать не с живыми, а с мертвыми.

— Джордж Андерсон. Тридцать два года, женат, проживает в Ольмеке, Вест-Миньеро-Плейс, четыре-восемь-два-два-три-шесть. — Она заколебалась, покуда спиннер продолжал работать. — Похоже, он чист, как зад младенца; за ним ничего не числится. Нет даже нарушений при поездках на работу и обратно. Группа крови… — Она подняла взгляд на вечно скорбного Карденаса. — Хотите, чтобы я чпокнула остальной пузырь, инспектор?

Карденас покачал головой.

— Это я прочту, когда доставят проверенный и исправленный рапорт. Есть что-нибудь особо интересное?

Экспертша совиными глазами глянула на показания спиннера.

— В архивах он числится «промоутером», но не говорится, промоутером чего, и не указано место работы. Только домашний адрес.

— Значит, он работает на дому. — Хаяки беспокойно переступил с ноги на ногу. Он уже уставал от дождя. — Тоже мне, оригинальный вывод.

Эллен улыбнулась возвышавшемуся и над ней, и над

Карденасом блаженному великану.

— У тебя как, не возникает запор, когда ведешь наблюдение?

— Проведите глубокое сканирование. — Не обращая внимания на их пикировку, Карденас пристально смотрел на тело, выглядевшее жалким и скукоженным в отраженном свете от высившихся поблизости массивных строений.

Экспертша недоверчиво уставилась на него.

— Да зачем? — Она сделала жест считывающим извлеченный имплант спиннером. — Вся жизнь этого невезучего гражданина вот здесь, где ей и надлежит быть, доступная для беглого просмотра. В *сухом* месте, — с нажимом добавила она. А когда на это не последовало никаких комментариев, предложила: — По крайней мере, давайте подождем, пока не вернемся с этим в лабораторию.

Инспектор едва заметно мотнул головой.

— Глубокое сканирование. Сейчас же.

Судмедэкспертша обернулась и крикнула своему начальнику:

— Эй, Герго! Инспектор хочет просканировать. На месте, прямо сейчас, хотя у нас есть идент-таблетка этого муэрто.

Гергович глянул поверх мед-очков.

— Интуит у нас он, а не я. Просканируй, Эллен.

Не скрывая своего недовольства, женщина сунула спиннер в чехол у себя на поясе и вынула из второй кобуры другой прибор. Включив его, она пробормотала себе под нос:

— А я думала у вас, чудил, не получается интуитить мертвецов. Не сочтите за неуважение, **инспектор**.

Тон Карденаса ничуть не изменился.

— Все так. Я не чувствую и не подозреваю ничего необычного. Просто хочу уйти отсюда, точно зная, что мы ничего не проглядели.

— Да, да; си, си, сеньор. — Сделав глубокий вдох, экспертша вернулась к работе. Карденас отвел взгляд. Извлечение подробной ДНК тела и последующий пропуск ее через Архивы займет несколько минут.

Хаяки крутился рядом; похожий отчасти на дворнягу, отчасти на грузовик, а в целом — на человека при деле. Но мокрого.

— А зачем сканировать-то, Анхель? Есть какая-то причина?

И в самом деле, зачем? Что заставляло его беспокоиться о мертвых не меньше, чем о живых? Желание добиться справедливости? Или тут всего лишь проявлялась профессиональная гордость? Он показал на труп и сказал, не оборачиваясь, не желая отвлекать от работы раздраженную экспертшу:

— Хорошие волосы — дорогой трансплантат. Нежная кожа.

Два регенерированных премоляра, а может, и больше. Сплошь хорошая работа. — И подняв руку, сделал жест в сторону окружения. — А это местечко никак не назовешь хорошим. Они не сочетаются. — Он оглянулся на помощника. — Зачем потрошить парня, не взяв то, что лежит снаружи?

Хаяки подумал.

— Одна почка стоит дороже, чем целый грузовик одежды.

— Да я не об этом. — Карденас прищурился, вглядываясь в отягощенный дождем мрак. — Я имею в виду: что, спрашивается, гражданин из такого приличного, чинного района, как Ольмек, явный чистяк, делал в таком грязном урбе, как Кецаль, в такую скверную ночь? Почему он не сидел дома с женой, любуясь дождем или матчем между «Арсеналом» и «Чикаго»?

Через пять минут, почувствовав за спиной движение, он обернулся. Как раз вовремя, чтобы оказаться лицом к лицу с Эллен. Никто никак не прокомментировал идеальную скоординированность его реакции. Если кто и мог привыкнуть к выбивающим иной раз из колеи поступкам интуитов, так это другие полицейские.

Прежнее негодование сменилось у нее неохотным уважением с примесью намека на благоговейный трепет.

— Как вы догадались? — прошептала она.

Карденас не извлек никакого удовлетворения из подобного доказательства своей правоты. Он просто выполнял свою работу.

— Насчет чего? — ободряюще отозвался он, хотя уже отлично знал, о чем речь.

— О том, что в иденте этого муэрто что-то не так. — Женщина умная и восприимчивая, она внимательно пригляделась к наполовину скрытому дождем и темнотой морщинистому лицу инспектора.

— Не знаю. Как я сказал, мне просто хотелось сделать все тщательно.

— Да, вердад. — Ее внимание переключилось на очень дорогой и очень мокрый аппарат, который она держала в руке. — Имплантированный в него идент гражданина настаивает, что он Джордж Андерсон из инурба Ольмек. А когда я соединила эту инфу с результатами сканирования ДНК и пропустила ее через Архивы, то показания прибора внезапно приняли такой вид, словно аппарат заболел корью. На моем красивом чистом экране повсюду высыпали сердитые красные точечки.

— Ну так и кто же он? — спросил Хаяки, соблаговолив снова проявить интерес.

Она подняла экран, давая им прочесть.

— Зависит от того чему верить: местному иденту или

национальному. Архивы утверждают, что на самом деле это некто по имени Уэйн Бруммель, из Большого Харлингена, штат Техас. И угадайте, что там говорится? Там тоже не указано никакого места работы, только домашний адрес. В Харлингене.

Карденас прищурился, глядя на маленький экран.

— Физическое описание совпадает. По крайней мере, совпадает с тем, что оставили эти пожиратели тины. — Он глянул мимо прибора на неинформативное, а теперь уже и какое-то зловещее тело. — Но остается все тот же вопрос: что же такой чистяк делал здесь в Кецале? Да еще с двумя личностями в одном теле. — Он передал ей свой спиннер.

Она соединила его со своим, выждала необходимую пару секунд, давая двум полицейским приборам обменяться требуемой информацией, а затем аккуратно убрала свой обратно в кобуру.

— Откуда мне знать? Это ж вы интуит. — Приставив ладонь козырьком ко лбу, она взглянула на небо. — А погода проясняется. Завтра будет очень жарко.

Поскольку дело происходило поздним летом в пустыне Сонора, ее замечание было явно излишним.

— Что теперь хочешь делать, Анхель?

Карденас поразмыслил. Он знал, что ему следовало предоставить заниматься этим Отделу Убийств. Да только… Национальные Архивы не ошибались. А они настаивали, что тело принадлежало Уэйну Бруммелю из Большого Харлингена. Подделать подкожные идены трудно. Идент же этого гражданина настаивал, что он Джордж Андерсон из Ольмека. И вместе взятые, они складывались в настоящий мьердяной магнит.

Он знал, что ему не следует лезть в это дело. Разбираться с такими делами — не его забота. Они с Хаяки просто по случайности оказались в данном районе, когда пришла «молния». При желании он мог спокойно уйти оттуда. Но вместо этого открыл свой спиннер и прошептал в микрофон номер, напечатанный на иденте мертвеца, записывая его на встроенный голком.

Хаяки это ничуть не удивило. Разочаровало, но не удивило. Он уже не раз видел подобное. Инспектор вцеплялся в противоречия как ремора[3] в акулу. Старший партнер теперь не уснет, пока не разберется с этим. А поскольку упорный начальник потащит с собой и Хаяки, тому тоже спать не придется.

И все же он попытался отвертеться.

— Поздно уже, Анхель. Может, она уже выключила телефон.

— А может, и нет. — Инспектор сверился с браслетом, покуда его спиннер набирал не внесенный в телефонную книгу номер. — Да, уже слишком поздно для светских визитов. Но еще не

слишком поздно узнать, что твой муж найден мертвым и ограбленным на глухой улице в гнилой части города.

Он слегка отвернулся от напарника, когда произошло соединение. Из спиннера раздался сонный женский голос. Экран же остался пустым: она выключила видеокамеру.

— Да? Кто это? Джордж?

Дождь уже почти прекратился. К завтрашнему дню порожденные редеющими тучами бесформенные лужи начисто испарятся под лучами безжалостного солнца пустыни. Все будет выглядеть так, словно этого ливня вообще не было.

— Миз[4] Андерсон? — отозвался Карденас.

На другом конце линии возникла пауза.

— Кто это? По этому номеру нет никакого Андерсона.

Хаяки скорчил гримасу. Выражение лица Карденаса не изменилось.

— Говорит инспектор Анхель Карденас из Севамериканской Федеральной Полиции. В настоящее время я нахожусь в торгово-промышленном округе Кецаль, где в данную минуту готовят к отправке в муниципальный морг Ногалеса тело мужчины, идентифицированного как Джордж Андерсон, из Вест-Миньеро-Плейс четыреста восемьдесят два-двести тридцать шесть. Это идентификация по подкожнику, который дает вместе с адресом данный номер. Если это не миз Андерсон, то не будете ли вы любезны сказать, с кем я говорю?

Снова пауза, а затем осторожный ответ.

— А откуда мне знать, что вы тот, за кого себя выдаете?

Теперь уж и выражение лица Карденаса изменилось.

— А кем я еще могу быть? И если уж на то пошло, откуда я знаю, что вы миз Андерсон?

— Нет никакой миз Андерсон. — Голос оборвался. — Как… как он умер?

Карденас прикрыл голком ладонью и шепнул напарнику:

— Паникует.

Хаяки лишь кивнул. Он-то не заметил в голосе женщины ничего намекающего на ее чувства, и уж определенно никакой паники. Но это ж был Карденас. Компетентному интуиту какая-нибудь выпавшая гласная, искаженная согласная говорили очень и очень о многом. А Анхель Карденас был не просто компетентным: он был фазом, самым лучшим. Муй дюробль.

— Этого мы не знаем. Пожиратели тины и скавы мало что оставили. Когда вы в последний раз его видели?

— Сегодня… сегодня утром, когда он ушел на работу. Вы уверены, что вы федерал?

— До крайности федерал, — заверил ее Карденас. — Так

значит, вы не миз Андерсон. Но вы знаете Джорджа Андерсона, проживавшего по этому номеру и адресу? — И снова шепнул в сторону внимательно слушающему сержанту. — Плачет.

Хаяки опять-таки ничего такого в исходящем из спиннера голосе не услышал. На сей раз он так и сказал. Карденас резко покачал головой.

— Внутри. Она плачет внутри. — А в голком сказал: — Пожалуйста, мэм. Это обычная необходимая процедура. Вы знали покойного?

— Д-да. Я его знаю… знала. Вы совершенно не представляете, что с ним случилось?

— Нет, мэм. Вы знали также и Уэйна Бруммеля? И хорошо, если вы назовете свое имя, так чтоб я мог перестать называть вас «мэм».

— Я не знаю никого по фамилии Бруммель. Мне… я хочу увидеть его. Джорджа. Мистера Андерсона.

— Тру… Его забирают в полицейский морг, отделение в Ногалесе.

— Хорошо… я понимаю. Но сейчас я не могу приехать. Просто не могу. Здесь моя дочь, и я… сперва должна позаботиться о некоторых вещах. Скажем… в одиннадцать часов завтра утром подойдет?

Шепот Хаяки гарантировал, что через спиннер его не услышат.

— А он никуда не собирается.

Карденас бросил неодобрительный взгляд в сторону помощника.

— В одиннадцать часов вполне годится, миз Андерсон. Уверен, нам всем не помешает немного поспать. Вы когда-нибудь бывали в участке?

— Н-нет, но у меня персональный транспорт. Уверена, моя машина сможет его найти. — Теперь она запиналась. — Это просто ужасно и я… я не знаю, что буду делать. Что мне следует делать.

— Тогда я увижусь там с вами в одиннадцать, миз?.. — Карденас опустил спиннер и поднял взгляд. — Отключилась.

Хаяки пожал плечами. Его тело под неработающим дождевиком слегка дрожало от ночной прохлады.

— Не удивительно. Ты же только что сообщил ей об убийстве мужа, или дружка, или любимого жиголо. Ей нужно привыкнуть к этому, порыдать всерьез.

— Хох, — кивнул Карденас. — Это было бы нормальным поступком. Вот только дело это выглядит все менее и менее нормальным. — Блестящие над усами несообразно голубые глаза,

принадлежавшие некогда прекрасной девятнадцатилетней француженке, пристально посмотрели на сержанта. — Почему она не подтверждает свою фамилию? Она ведь должна знать, что мы можем за пару минут вытащить ее из Архивов.

Хаяки поразмыслил.

— Хочешь отправиться проверять теперь же?

Инспектор поколебался.

— Нет, не сейчас. Поздно уже. Поверим ей на слово и истолкуем любые сомнения в ее пользу.

— Какие сомнения? — Хаяки козил собственный спиннер.

— Черт, да не знаю я. Считай, что какие угодно. — И Карденас, повернувшись, направился к поджидавшей патрульной машине.

Хаяки нашел, что искал, прежде чем дверцы официальной машины бесшумно разъехались в стороны, пропуская двух полицейских.

— Забавная штука. Согласно городским архивам есть некая Сурци Андерсон, проживающая по тому же адресу, что и наш Джордж Андерсон. Но она нам сказала, что никакой миз Андерсон нет. Не странно ли? Есть также некая Катла Андерсон, двенадцати лет, которая числится как проживающая в доме. Несомненно, не дочь Джорджа и Сурци. — Он сунул спиннер обратно в карман. — Что оставляет нас с вопросом, где же найти Уэйна Бруммеля.

— Явно на пути в морг, в безмолвном симбиотическом общении с Джорджем Андерсоном. Чистяком, у которого нет ни жены по имени Сурци, ни дочери по имени Катла. — Бормоча про себя, Карденас расположился на сиденье напротив Хаяки. Дверца за ним автоматически задвинулась. Двигатель загудел на полном заряде.

— Хочешь последовать за телом?

Карденас покачал головой. Он и так знал, куда отправят тело. И не очень-то любил посещать данное место, особенно глухой прохладной ночью. Он и так провел там слишком много ночей.

— Медэкспертам нужно время для завершения работы. Думаю, они вряд ли найдут еще что-то значительное. А я устал и сбит с толку. Давай-ка съездим в «Студеное».

Хаяки свернул на нужную улицу. Какой-то реклам попытался прицепиться к окну, остерегаясь, однако, загораживать обзор водителю. Текущий по стеклу статический разряд отогнал его, и реклам с визгом улетел прочь. Этот разряд, как и реклам, формально считался незаконным. Но работа полиции была достаточно тяжелой и без необходимости страдать от бесконечного парада летающих неоновых восхвалений

закусочных, вит-шоу, технозабегаловок, соче-услуг, спортивных событий и разнообразных приборов — столь же ненужных, сколь и замечательных.

Сержант медленно вел машину, вливаясь в поток уличного движения. Хотя огромная масса народа, ездящего на работу и обратно, пользовалась индукционной трубой с контролируемым климатом, на Полосе всегда присутствовало и независимое уличное движение. При сорока миллионах жителей плюс-минус десять миллионов незарегистрированных лиц, размазанных словно слой масла от Тихого океана до Мексиканского залива, иначе и быть не могло. Но сейчас, с приближением полуночи, проехать было сравнительно легко. Вечерняя смена макиладоры все еще упорно трудилась, работая на широко разбросанных производственных и сборочных заводах и сопутствующих производственных мощностях, а основная масса трудящихся в ночную смену тронется на работу еще только через час.

Полицейский автомобиль без номерных знаков скользил себе напрямик сквозь почти бесшумный поток машин. Правда, один нонконформистский «ладавенц» ухитрялся-таки реветь так, словно у него стоял не топливный элемент и аккумуляторы, а двигатель внутреннего сгорания, и издавал первобытный рык всякий раз, как прибавлял скорость, переходя с полосы на полосу. Хотя формально этот рев нарушал закон, запрещавший шумовое загрязнение окружающей среды, трое ехавших в машине ребят не злоупотребляли всерьез данной возможностью, и Карденас с Хаяки проигнорировали их.

Как только они выкатились из Кецаля, проехав под индукционной челночной станцией номер восемьдесят пять с ее непрозрачными поглощающими солнечную энергию стенками и терпеливо ждущими транспорта пассажирами, мрачные громады торгово-промышленного округа сменились архитектурной пышностью кодо-коплексов и закрытых торговых предприятий. Покрытые пленкой разнообразных полимеров, поглощающих солнечную энергию, эти пастельные здания подымали настроение своей гаммой цветов после утилитарной мрачности Кецаля. «Студеное кафе» располагалось в конце одного такого пешеходного коплекса, перед гаражом и зарядно-заправочной станцией. У последней стояло только две машины, дозаправлявшие за ночь свои аккумуляторы.

Выруливая на пустующее пространство для парковки, Хаяки объезжал парочки и семьи. Пешеходов на улице попадалось больше обычного: народ торопился насладиться принесенной дождем ночной прохладой. Завтра, когда солнце вновь утвердит свое вечное господство над этой иссохшей частью света, все

исчезнут в домах. Одна парочка чуть не налетела на Хаяки, когда двое полицейских приблизились ко входу в кафе. Глаза у обоих так и расширились, когда они охватили взглядом всю его массу. Сержант поспешил успокоить их одной из своих широких блаженных улыбок. Благодарная парочка проплелась мимо, двигаясь зигзагами более-менее в сторону ближайшего входа в торговую галерею.

Коллег окутал порыв более прохладного воздуха, когда дверь в заведение просканировала их лица. Не найдя в них соответствия каким-либо известным или подозреваемым антиобам, дверь разрешила им войти.

Карденас любил «Студеное». Это кафе с аляскинским декором в духе ретро-2040-х, мягким освещением и смешанным бразильско-севамериканским меню напоминало о добрых временах его молодости. Хотя женат он был всего раз, в те дни несколько девушек назначали ему свидания. Начинались отношения зачастую хорошо, да только заканчивались шоком и настороженностью, когда его партнерши выясняли, что он интуит. И объяснения, что мыслей он читать не умел, а всего лишь применял высокоспециализированную полицейскую подготовку, к которой у него обнаружилась особая предрасположенность, как-то мало укрепляли уверенность женщин в способности к финтам и уколам.

— Ты знаешь, что я думаю! — постоянно восклицали они.

— Да не знаю я, — неизменно возражал он. — Интуиты не умеют читать мысли.

— Но ты можешь предсказать все мои действия и все, сказанное мной. По тому, как я смотрю на тебя, по модуляции каждого изданного мной слога, по тому как я держу левую руку, то тому как я… — Примерно на этом они и замолкали, провозгласив напоследок: — Ты ведь знал, что я скажу все это, не так ли?

И без толку было заявлять о своей невиновности. Большинство женщин было убеждено, что свидание с интуитом равнозначно попытке прорваться с разбегу сквозь первую линию защиты московского «Динамо»: девушку попросту переиграют, прежде чем она сможет толком начать игру.

Правда, размышлял Карденас, когда они с Хаяки расположились в пустующей кабинке, одинокую жизнь вело большинство полицейских.

Витализируясь перед ним, меню вежливо спросило, не хочет ли он аннулировать аудио и спокойно прочесть, какие фирменные блюда предлагает заведение. Правильно приняв отсутствие ответа Карденаса за разрешение продолжать, оно

принялось перечислять особые ночные. Втиснувшись за столик на противоположной стороне кабинки, Хаяки раздумывал, заказать ли тамбаки с чипсами или фежоаду с барбекю из капибары[5].

Вскоре после того, как заказы обоих передали на кухню, появилась официантка с кофе «кеоки» для Карденаса и двойным «эспрессо» и молочным коктейлем для сержанта. Горячий и холодный для худощавого и массивного, размышлял инспектор, взирая полусонным взглядом на подымавшийся над чашкой парок. Путаница с отождествлением недавно попавшегося им трупа сталкивалась в его мыслях со странной реакцией жены-не-жены покойного. Тут и интуитом быть не нужно, и так понятно, что со смертью этого чистяка связано нечто большее, чем обычное ограбление-и-раскулачивание. Это дело быстро превращалось в самое натуральное безумие, невменяемость, напряжение мозгов, бред. Карденас такого не любил. Ему, как и большинству полицейских, нравилось, когда все складывалось прямо и просто. Четко и ясно уже на месте преступления. Лучше б сканирование покойного чистяка вообще не дало никакой идентификации, вместо того чтоб выдавать двойную.

Мелкая шайка нинлоков появилась раньше, чем заказанные блюда. Они вразвалочку миновали протестующую дверь, шедший впереди долговязый чифладо хлестнул ее спиннером, идент которого перекрутили так, что он теперь не информировал, а отражал. За чингаруном амбулала группа негов и позок, хотя определить с первого взгляда, кто из них кто, было трудновато. Хаяки оглянулся через плечо, крякнул и помечтал, чтобы им поскорее принесли заказ из впавшей в спячку кухни.

Хавку на подносе официантка доставила к другому столику. Один/одна из нинов, неопределимого пола, просвиристел/а ей, сопровождая свист неприличным призраком, сочащимся из губограммируемого стимстика у него/нее во рту. Душистая дымовая скульптура окутала не желающую такого украшения официантку, клубы бледной непристойности пристали к ней, словно клейкий воздух. Ей пришлось отгонять клочья, размахивая руками. Смеясь над ее стараниями сохранить достоинство, нины выгнали парочку студентов из-за особенно удачно расположенного столика. Совершенно запуганная молодая парочка уступила его без звука. Рассовав по карманам свои светящиеся виты, они поспешно выбежали из ресторана.

Один из негов грубо схватил спешащую мимо девушку за зад. Хаяки начал было подыматься, но Карденас сделал ему знак сесть. Нег подержал перепуганную студентку несколько секунд, прежде чем отпустить ее. Инспектор знал, что он отпустит. Этот антиоб выкаблучивал такую серию явных движений, какую мог

сынтуитить даже новичок.

Когда им принесли заказ, полицейские молча принялись за еду. Как и все прочие в кафе, они не обращали внимания на шумные и грубые выходки шайки. Коллективное хамство пока не являлось федеральным преступлением. Но создаваемая нинлоками какофония никак не успокаивала и без того смятенных мыслей Карденаса и не улучшала его пищеварения.

Почему та женщина не желала назвать им свое имя? Ведь она должна была прекрасно понимать, они и сами могли вскоре его узнать, и обязательно узнают. Почему она не признавалась, по крайней мере, в сожительстве с Джорджем Андерсоном? Или с Уэйном Бруммелем?

— Йолаолла! Си — ты — ты, с мерзкими усами. Который сидит вон там напротив эль гордо.

Не обращая внимание на это вмешательство, Хаяки продолжал доедать жареную рыбу. Да и все равно данный якк адресовался не ему, а Карденасу.

Инспектор оторвался от мяса бизона с яйцами. Вечно скорбные глаза смерили взглядом нагловатого нега. Метящий в чингаруны не достиг еще и двадцати лет, сплошное нахальство и бахвальство. Сколько ж он перевидал ребят вроде этого парня, занятых сжиганием своих душ словно спички? Время было позднее, он устал и проголодался и был не в настроении нянчиться со всяким отребьем. Он мог предоставить разобраться с ним Хаяки, но ведь всегда существовала надежда. Надежда, что небольшой урок зародит намек на понимание. Там, где это возможно, слова всегда бывали действенней ареста. В тюрьме-то ведь ребята обычно не склонны говорить с другими ребятами о ребячестве.

— Не делай этого. — Тон его был, как всегда, спокойным, но твердым. Возможно, сейчас чуть тверже, чем когда он заказывал ужин внимательному меню.

Подобного ответа нинлоко не ожидал. Это было заметно по быстрому взгляду, который он метнул на своих замерших в ожидании коллег.

— Кай-е, хомбер, нечего говорить ерунду. Якк здесь толкаю я.

Взяв нож и вилку, Карденас вернулся к еде.

— Просто не делай этого.

Наморщив лоб, нег подался к нему.

— Ты что, не слышал меня, хомбер? Просто смеха ради, чего такого «этого» ты не советуешь мне делать? — И выдал знающую ухмылку своим спутникам, а те улыбнулись остроумию своего заводилы.

Откинувшись на спинку стула, Карденас провел по губам

матерчатой салфеткой. Небольшой заряд в ткани мгновенно очистил их.

— Ну, дружок, раз уж ты спрашиваешь, то в первую очередь тебе нужно отключить нож в ножнах на лодыжке. Разве ты не знаешь, что оставлять такую штуку включенной крайне опасно? Предохранитель может сдвинуться, и ты останешься без ноги. — Он поднял взгляд, глядя мимо вожака шайки. — А рослому пареньку у тебя за спиной нужно забыть про потрошенье моего напарника. Хоть он и держит наготове фиску, Фредозо ему живо руку сломает. А вам, юные леди, — продолжал он, обращаясь к паре позок, широко раскрывших глаза и потерявших былую уверенность, — лучше оставить свою артиллерию в кобурах. И лучше б вам не видеть, где моя пушка, потому что я не выхватываю ее, если не намерен пустить в ход. Для вас же лучше будет, если мне не понадобится откапывать ваши пушки из тех мест, где они, по-вашему, надежно спрятаны.

Пустившийся во всю прыть в отступление, пусть еще не физическое, чифладо прожигал взглядом невозмутимого инспектора.

— Йола, хомбер, да ты спаззуешь, приятель! Нет у нас ничего такого, о чем ты треплешься. Мы просто хотели немножко поболтать, сабе? Всего лишь…

— Месмо, Тайпа, — перебила его одна из девушек. — Этот хомбер интуит! Он компит все твои ходы! — Она и ее спутница уже пятились прочь от столика.

Улыбаясь и по-прежнему жуя рыбу, Хаяки поднял левую руку. Рукав задрался, открыв синий браслет, так и кишащий мигающими LEDами. Один витализировал символ-морфу, остановившийся в нескольких сантиметрах от лица коновода. Глаза нинлоко расширились, когда он сфокусировал на нем взгляд.

— Да мы ничего такого не хотели. — Приобретя внезапно куда менее внушительный вид, рослый парень в мгновение ока превратился из хищника в желе. Он пятился с такой быстротой, что едва не столкнулся с двумя стремительно отступающими позками. Глядя на двух негромко говорящих мужчин в кабинке, благодарная официантка возобновила обход клиентов.

Набив живот рыбой, с выпуклыми щеками, придающими ему вид гигантского бурундука, Хаяки печально покачал головой.

— Ох уж эти ребятки! В прошлом веке дела наверняка обстояли получше, когда молодежной преступности почти что не было.

Карденас кивнул, соглашаясь с напарником, и сунул свой кред в приемник стола. Следуя инструкциям креда, стол отправит

стоимость заказа в бухгалтерию департамента в Ногалесе. Чаевые же Анхель, как всегда, оставил наличными. При таком способе владелец ресторана не мог отстегнуть ни креда в свою пользу. Кроме того, чаевые наличными несли с собой определенную ностальгическую ценность.

К тому времени, когда напарники вышли из кафе, а закрывшаяся за ними дверь вежливо поблагодарила их за посещение, единственный след шайки бесстрашных нинлоков состоял из слабого аромата духов позок, задержавшегося во все еще влажном ночном воздухе и теперь быстро рассеивающегося.

2

На следующее утро небо оказалось совершенно чистым. Карденас знал, что это верный признак грядущего под вечер ливня. Такова была предсказуемая ежегодная картина летнего юго-западного муссона, к которой он привык с детства. Говорят, июльско-августовские дожди нынче начинались раньше и длились дольше из-за глобального потепления. Для эскимосов это, может, и плохо, но вот для жителей Полосы — отлично. Невзирая на стремительные наводнения, лишних дождей в пустыне не бывает. Он вышел из индукционного челнока и зашел в штаб-квартиру отделения СФП в аркоплексе Ногалес.

Работа в последнюю смену прошлой ночью позволила ему нынче утром выспаться. Странное дело, но чем старше он становился, чем усерднее работал, тем меньше, казалось, нуждался в сне.

«Вот когда умру, тогда и буду готов уйти в отставку», — размышлял он, когда прибыл в морг. И знание, что накопившаяся у него пенсия обеспечит ему роскошные похороны, его почему-то мало радовало. Чудесная тема для размышлений, когда идешь извилистым путем к холодной мертвецкой. Туда, где в цилиндре из промышленного формагаза, предназначенного сохранять мягкие части тел, одновременно предотвращая разложение, содержались останки Джорджа-Уэйна Андерсона-Бруммеля, не тронутые скавами.

Одиннадцать часов наступило и миновало. А потом и двенадцать. Начался отсчет послеполуденного времени. И никто по имени Андерсон, или Сурци, или Бруммель не появился в морге Ногалеса, дабы опознать, оросить слезами, осыпать проклятьями или же как-то иначе ознакомиться с телом Андерсона-Бруммеля. Морг не был любимым местом, где можно убить время. Покуда Анхель Карденас ждал, его постепенно одолевало нетерпение, потом досада и, наконец, голод.

В два тридцать он чпокнул свой спиннер и запросил идент самозванной не-супруги Андерсона-Бруммеля. Никто не откликнулся. Это могло быть хорошим признаком, если молчание означало, что она на пути к моргу. Но могло быть и плохим, потому что дом должен был автоматически переадресовать звонок на то средство связи, какое она носила с собой. В суматохе и беспокойстве момента она могла и выключить его. Возможно, но маловероятно. Граждане теперь просто не путешествовали без постоянного контакта с остальной цивилизацией.

Однако всякое возможно, напомнил он себе. Особенно на

Полосе, где жизнь полицейского бывала самой разной, но никак не скучной. Поэтому он подождал еще полчаса, прежде чем интуиция и желудок выгнали его из морга и погнали через людодвиг в Административный отдел.

Для входа в командный центр СФП Ногалеса требовалось миновать несколько более строгую систему безопасности, чем при визите в морг — или, если уж на то пошло, в «Студеное кафе». Необходимость в сложных мерах предосторожности была вызвана отвратительно большим числом личностей и организаций, имевших зуб на полицию. Эти добрые люди периодически пытались дать выход своим чувствам, взрывая все подряд: от счетчиков на автостоянках до отдельных полицейских и целых городских кварталов. Шедшая последние сто лет во всех сферах цивилизации миниатюризация затронула и область взрывчатки. На тех, кто вполне мог стать мишенью таких обид, лежала обязанность свести к минимуму индивидуальный доступ для врожденно недовольных.

Поэтому Карденасу пришлось пройти через коридор, в котором находилось не меньше пяти постов безопасности, причем на первом и последнем работали живые люди, а на трех промежуточных — машины. У него проверили идент-браслет, измерили рост, вес и плотность тела, просканировали сетчатку глаз, измерили (и не нашли простой) кору головного мозга и должным порядком пропустили его в святая святых Севамериканской Федеральной Полиции, Ногалесское отделение.

За исключением болтовни переходящих из отдела в отдел полицейских и обслуживающего персонала из штатских, в просторном помещении было так же тихо, как в парке Сагуаро во вторник утром. В каждом открытом кабинете имелся свой глушак. В рабочее время все они были включены. В каждом из тесных кабинетов мог царить шумный хаос из брани ссорящихся полицейских, криков подозреваемых или тирад и бреда почти неуправляемых пьянчуг и психов. Но ни единого звука не вырывалось за пределы невидимых аннулирующих шум стенок, которые были намного действенней, чем тонкие перегородки из пластидосок, разделявших дежурный этаж на множество каморок.

Карденас шел через этот лабиринт извилистым путем мимо занятых делом техников, патрульных и бюрократов, огибая самодвижущиеся тележки с документами и подносы с едой, пока не оказался перед тем кабинетом, который искал. Прозрачная перегородка позволяла видеть Хаяки, увлеченно и оживленно беседующего с Дрози Семагарией. Хотя губы их шевелились, а Карденас находился не более чем в паре метров от них, до него не доносилось ни звука. Тем не менее, он мог без всяких усилий

уловить суть их разговора. Хорошие интуиты неизменно делались блестящими мастерами чтения по губам, что оказывалось чуть ли не побочным продуктом их основной тренировки.

Глянув мимо Хаяки, Семагария увидел терпеливо ждущего снаружи инспектора. Протянув руку к столу, он провел пальцем по синей контактной полоске, выключая глушак. И когда он вслед за тем открыл рот, Карденас уже расслышал его слова.

— Заходите, инспектор. Мы как раз обсуждали дело.

В действительности, как прочел по движениям их губ Карденас, они спорили, на какую команду ставить в матче нынешней недели между Чиуауа и Сент-Луисом. Указывать на это инспектору показалось недипломатичным, и он небрежно спросил:

— Что-нибудь узнали?

— Э, нет, сэр, — пробормотал Семагария, после того как бросил нерешительный взгляд на Хаяки. — Никаких новостей.

— А как держалась при виде тела потерявшая мужа вдова, или кем там она ему, черт возьми, доводилась? — быстро вклинился сержант.

— Не знаю. — Карденас опустился на невзрачный, но удобный стул «лантиль». Накачанные подушки тут же приспособились к очертаниям его спины и ягодиц. — Она так и не появилась. — Хаяки поднял брови, когда инспектор повернулся к стат-кранчеру. — Данный ею идент — фальшивка. Она просто не отвечает.

С облегчением ухватившись за занятие, позволяющее ему избегать взгляда инспектора, Семагария дал своим тренированным пальцам поплясать по вводам на столе. Щит приватности живо окутал тесный кабинетик покровом полутьмы, примерно так же, как глушак изолировал в нем звуки. Хотя они по-прежнему видели проходящих мимо сотрудников, никто из проходивших не видел тех, кто находился в кабинете. Стена на противоположной от стола стороне потемнела, стала туннелем, который заполнили данные.

— Номер в силе. — Когда Семагария работал, тон у него делался, как у какой-нибудь искусственной мембраны. — Набор. — Темный туннель обрамило бордюром из искр, указывающих на продолжение операции, но экран остался пустым. — Ответа нет. Соединение действует.

— Сделай проникновение, — проинструктировал его Карденас. И в ответ на удивленный взгляд спеца инспектор прореагировал весьма резко. — Нет, погоди, у меня нет ордера.

Семагария без энтузиазма кивнул. Он скинул запрос в отдел процедур. Последовала пауза в несколько минут. За это время

никто не проронил ни звука, лишь «Боливийская Лазурь» играла в настенных динамиках музыкальное сопровождение к «Инке». Через пять минут после подачи запроса прибыл должным образом одобренный, засвидетельствованный и зафиксированный ордер. Как только он присоединился к другим документам в досье Андерсона-Бруммеля, близ дна туннеля появилась маленькая светящаяся сфера.

Семагария мог работать с пультом и вербально, но если бы с ним кто-либо попытался заговорить, возникла бы путаница. Лучше отделять команды от разговора. В вытянувшемся перед тремя полицейскими туннеле, насыщенном энергией, заплясали изображения. После того, как прошло еще минут десять усиленного кряхтения, спец откинулся на спинку стула и сцепил пальцы на затылке.

— Чертовски впечатляющая система охраны для частной резиденции. Это ведь частная резиденция?

— Насколько нам известно. — Карденас изучил взглядом экран. — Скогай перемычку с отделом поиска и спасения.

Семагария живо выпрямился на стуле.

— Инспектор, я не могу этого сделать! Эти порты зарезервированы исключительно для доступа при чрезвычайных случаях.

— А это и есть чрезвычайный случай, — сухо уведомил его Карденас. — Мы здесь имеем дело с покойником.

— Это вердад, — добавил Хаяки. — И дело это зашло в тупик.

— Продолжай, — мягко призвал оператора Карденас. — Если какой контролер засечет соединение, я возьму всю ответственность на себя.

— Тебе легко аблать, хомбер. А в мясорубку соваться мне. — Но тем не менее спец подался вперед и отбарабанил ввод.

Туннель, казалось, не хотел допускать взломщиков. Нахмурясь, Семагария бросил в цель вторую полицейскую грамму, а затем и третью, весьма редко применяемую.

— Вот гадство — я трижды стукнул молотком по порталу, а он все сопротивляется. Последняя грамма прямиком из корпорации «Влад Тарга» и, по идее, достаточно острая, чтобы прорубить даже брандмауэр какого-нибудь кейрецу. — Судя по поднятому на Карденаса взгляду, любопытство в нем взяло верх над первоначальной опаской. — С защитой такого уровня сталкиваешься, скажем, в муниципалитете. Ее не встретишь на охране кодо какого-нибудь обыкновенного чистяка.

— Это не кодо, а дом, — поправил его инспектор, — но мысль твою я уловил. Попробуй еще.

— Да войдем мы. Это же всего лишь личный ящик. —

Семагария излучал спокойную уверенность. — Только крючкам потребуется немного времени на поиск нужного угла. Просто вы, на мой взгляд, должны знать, что кто-то потратил изрядную сумму на защиту своей частной жизни от чужих глаз.

— Для чего? — Взгляд Хаяки застыл, вперившись в глубины мерцающего туннеля. — Среднему гражданину такая обертка ящика не нужна. — Он бросил взгляд на напарника. — Что понадобилось скрывать какому-то законопослушному чистяку вроде Джорджа Андерсона?

Внимание Карденаса тоже сосредоточилось на туннеле. Покуда на заднем плане продолжалось зондирование ящика, туннель проигрывал трехмерные сцены из жизни семейства Семагарии в отпуске.

— Квиэн сабе?[6] Может, Уэйна Бруммеля. — Интуит в отличие от своего спутника не ерзал на стуле. Он привык оставлять машины в покое и предоставлять им выполнять свою работу.

Изображение на экране появилось лишь через двадцать минут. Карденас осознавал, что времени на это потребовалось на девятнадцать с половиной минут больше, чем ушло бы на стандартное санкционированное ордером электронное проникновение. И теперь, когда система связи постоянного места жительства находилась под прямым контролем полицейского уполномоченного, он внимательно глядел на интерьеры резиденции в Ольмеке, Вест-Миньеро-Плейс, 482236.

Зрелище было просто трогательным по своей банальности. Камера телефона показывала комфортабельную пустующую гостиную. Мебель, которую было видно, отличалась неожиданно высоким качеством. На стенах были заметны картины в рамах, подразумевавшие у отсутствующих Андерсонов более высокие доходы, чем предполагали соседи. Это могло вызвать интерес, но не обязательно подозрение, счел Карденас. Граждане, которые могли бы себе позволить жить в просторных домах и эксклюзивном окружении, зачастую предпочитали распределять свой доход внутри дома, а не снаружи.

На противоположной стене светился «литегский» портрет с выключенным аудиосопровождением. Многослойная кристаллическая скульптура Сваровского перескакивала с одного конца кофейного столика из дерева итапуа на другой и обратно. Но ими никто не любовался.

— Попробуй другие комнаты, — проинструктировал инспектор спеца. Семагария поработал полосками управления. Вид на задний двор включал в себя скромный плавательный бассейн, характерный пустынный ландшафт и впечатляющий

сверкающий фонтан, с калейдоскопическими макрочастицами, которые удерживались в великолепной коллоидальной взвеси. Семагария вновь переместился в дом, сперва в ванную, потом в несколько удобных, хоть и ничем не примечательных спален и, наконец, в подвальную мастерскую или склад. В доме на Вест-Миньеро-Плейс, 482236 не шевелилось ничего, кроме произведений искусства.

— Это тодос. — Оператор выжидающе посмотрел на Карденаса. — В доме есть еще два фиксированных терминала, но они не витовые. Только акустические. Я также отслеживаю три мобильных, но доступа к ним у меня нет.

— Отлично, — кивнул Карденас. — Тогда просто ротай аудио.

Метнув на инспектора взгляд, говорящий об убежденности в пустой трате времени, спец выполнил приказ. Туннель остался пустым. Из динамиков не раздалось ни звука.

— Каса наса, — провозгласил оператор с видом окончательного приговора. — Никого нет дома.

— Может быть, она наконец едет сюда, — предположил Хаяки. — А возможно даже, что ждет тебя в морге.

— Будь так, Мерриам отправил бы мне «молнию», — усомнился Карденас. Он уставился на туннель тяжелым взглядом, словно собирался взять лопату и раскопать какие-то ответы. — Ты уверен, что там ничего не шевелится?

Семагария еще раз проверил показания приборов.

— Все, зарегистрированное на этот номер и на эту фамилию, находится в доме. Если они путешествуют, то без личных средств связи или под иным идентом. — Спец показал взмахом руки на свой пульт. — Я показываю шесть зарегистрированных терминалов. Три стационарных, три мобильных. Пять статичных, один стертый.

— Вердад, — кивнул, вставая, инспектор. — Шестой номер Андерсон, вероятно, держал при себе, когда его распылили. Придоны наверняка первым делом стерли регистрацию на всей персональной электронике, чтобы ее не отследили при перепродаже. — Выгнув спину и потянувшись, он посмотрел на сержанта. — Ордер открыт. Давай-ка нанесем визит в этот дом. Мерриам даст мне знать, если эта не-миз Андерсон соизволит появиться в морге.

— Может, она пошла бакалею какую купить. — Хаяки пришлось повернуться боком, протискиваясь через вход в кабинетик стат-кранчера.

— На следующее утро после того, как ликвидировали ее мужа? — Карденас зашагал впереди по коридору. — У

большинства людей не было б тогда особого аппетита.

— У нее же ребенок, — вяло защищал свою версию Хаяки. — Да кроме того, он, по ее словам, не муж, а когда людей заталкивают в кризис, они делают много чего безумного.

— Безумной она не казалась. — Инспектор сделался задумчивым. — Судя по ее голосу, она насторожена, но не безумна. И мы договорились о встрече. Причем время выбрала она.

— Как я и сказал. — К сержанту вернулась убежденность. — В смятеньи женщина. Ей о ребенке думать надо. А кризис логике всегда помеха.

— Только без полицейских хокку[7]. — Карденас свернул в коридор. — Не надо этого перед обедом.

Покуда патрульная машина сама находила дорогу в Ольмек, двое федералов обсуждали возможные сценарии. Хотя все они не отличались особой вероятностью, полицейские не видели повода для излишней озабоченности. У них были на руках сбитая с толку и, возможно, ударившаяся в панику женщина и скончавшийся гражданин, с опознанием которого возникало странное противоречие. Такое сочетание несколько не дотягивало по масштабам до общенационального бедствия.

Дом, к которому они подъехали, ничем не выделялся среди опрятных высушенных солнцем жилищ, составлявших зеленый пояс района, тянущегося вдоль сухого русла реки. Хотя в пустыне Сонора «зеленый пояс» означал нечто меньшее, чем в иных частях страны. Тем не менее, смотреть на петляющую процессию благоустроенной природы, с ее вызывающими кактусами и борющимися за выживание паловерде[8], было куда приятнее, чем на еще один ряд типовых домов, какими бы привлекательными на вид не старались их сделать застройщики. Передний двор резиденции Андерсона мог похвалиться зрелыми, выращенными с помощью генной инженерии «царицами ночи» и окотилло[9]. Пара фигурно подстриженных пиракант застыла в приглашающих позах. Электронная охрана внешней стены без жалоб уступила полицейскому «сезаму» Хаяки, и напарники приблизились к дому.

Как знал Карденас, резиденцию такого класса должны защищать два-три индивидуальных сторожевых сенсора. Фирмы «Дженерал Электрик» или «Томпсон», а может и «Динамо», если у них хватало денег. Эти приборы должны быть скрыты среди декоративной каменной облицовки. Карденас ничуть не удивился, когда из дома их никто не окликнул. Семагария ведь сказал, что дом пуст. И двое полицейских пока не увидели ничего, противоречащего этому утверждению. Дверь в дом и гараж были заперты. Инспектор отошел назад, уступая место

своему напарнику.

— Открой.

Ни какого-либо видимого замка, ни дверной таблички, конечно же, не наличествовало. Хаяки поводил трассером по имитирующему дерево композитному материалу, пока не обнаружил верхний и нижний засов. Его трассеру потребовалось меньше минуты на расшифровку электронной комбинации и всего несколько секунд на открытие первого. Пока он водил прибором по двери, готовясь щелкнуть вторым, внутренний замок отворился. Из искусно скрытого динамика раздался приветствующий их голос.

— Извините, пожалуйста, за задержку. Я была в ванной. Не зайдете ли? — Дверь с негромким щелчком подалась на пару сантиметров внутрь. Хаяки отодвинул ее в сторону.

Как только Карденас закрыл за ними дверь, кондиционированный воздух заключил их в свои комфортные искусственные объятия.

— Я вышла, — объяснил голос Сурци Андерсон. — Одеваюсь. Чувствуйте себя, как дома. Я буду через несколько минут.

Полицейские проследовали от входа в открытый круглый кабинет. Сквозь полупрозрачный материал купольного потолка просачивался поляризованный свет. Карденас сразу узнал окружающую их обстановку: это была первая комната, подвергнутая Семагарией дистанционному обзору. Вит-фон «Мадрасинк», через который спец получил доступ, по-прежнему находился на своем зарядник.

Хаяки расположился на резной кушетке, сделанной наподобие груды красного песчаника.

— Мебель, сделанная на заказ. — Он похлопал ладонью по псевдокамню, рассеянно ища ярлык. — Чего б там ни промоутерствовал этот покойный бедолага, дело приносило ему немало настоящих зелененьких.

Карденас любовался произведениями искусства на стенах и под стеклом. При личном осмотре они производили куда более сильное впечатление, чем при обзоре через камеру вит-фона.

— Деньги могут быть у всякого. А у наших друзей Андерсонов есть к тому же хороший вкус. — И, повысив голос, обратился к остальному дому. — Можете не торопиться, миз Андерсон. Вы забыли о нашей встрече нынешним утром?

— Всего пару минут еще, — пришел ответ.

Карденас остановился перед пьедесталом на котором вращался в величавой прецессии мобайл[10] «Сери» подписанный «Франсиско». И одновременно что-то, услышанное в голосе Андерсон, не давало ему покоя. А Хаяки на кушетке раскрыл

хардзин и манипулировал кончиками пальцев проекцию содержания, налаживая ее так, чтобы можно было обозревать под разными углами. Уж его-то в прямом ответе и тоне женщины точно ничего не настораживало. Но впрочем, его и не тренировали замечать или подозревать самые мельчайшие вариации в модуляциях человеческого голоса, различимые, наверное, всего одной стомиллионной частью населения.

Дело заключалось не в том, что Андерсон не извинилась за неявку на встречу в морге, и даже не в том, что она не признала этого. Нет, что-то проглядывало в интонации, в тембре ее ответа. Все люди, конечно же, разные. Все по разному реагируют на моменты личного кризиса. Эксцентрик может ответить на него необъяснимой веселостью, какая большинству людей покажется отталкивающей. А в реакции Сурци Андерсон не наблюдалось ни ярко выраженной печали, ни оттенка раскаяния, ни проблеска ложного веселья. Вместо этого Карденас замечал лишь совершенно неестественную ординарность.

Отвернувшись от блестящих резных фигур из темно-коричневого дерева и не обращая внимания на их тихие мольбы задержаться и полюбоваться, он направился к выходившему в кабинет служебному коридору. Хаяки поднял брови, но остался на кушетке и не сказал ни слова. Никакие коридорные сенсоры или системы внутренней охраны не пытались преградить путь инспектору.

Он миновал открытую дверь, ведшую в спальню. Комната выглядела аккуратно убранной. Ничто не указывало на поспешный отъезд, не наблюдалось никаких признаков, что жившая в ней особа в замешательстве сбежала, куда глаза глядят. От мерцавших на стенах голограмм метазонных звезд до проектора одежды и безмолвного аудипузного генератора, выпускавшего плавающие в воздухе звуковые пузыри, в комнате все визуально пахло удовлетворенной жизнью девицей доподросткового возраста. Один аудипуз проплыл совсем рядом. Инспектор ткнул его пальцем, и тот лопнул, издав пятисекундный вой, сходивший в нынешние времена за популярную музыку.

Когда же он приблизился ко второй спальне, слышанный ими ранее голос заставил его остановиться.

— Я как раз кое-что надеваю. Подождите, пожалуйста, в кабинете. — Снова голос Сурци Андерсон. Успокаивающий, вежливый, дружелюбный, даже приглашающий. Глаза Карденаса едва заметно расширились. В этом голосе отсутствовал один важный обертон.

Озабоченность.

Судя по этому голосу, сегодняшний день не отличался от

любого другого. И обладательницу его ждали в этот день поход по магазинам, работа, поездка к дочери в соче, согласование даты визита в салон красоты, ленч с подругами. Что угодно, но только не опознание убитого может-быть-мужа. И, по-прежнему, никакого извинения за неявку на встречу в морге. Если уж на то пошло, она даже не попросила наведавшихся к ней назвать себя. А они с напарником вполне могли быть двумя бродягами, вышедшими на вечерний быстрый промысел.

— Миз Андерсон, это я, Рокко Санчес из борделя «Нободега». Вы опаздываете на работу.

— Минуточку, я еще не закончила макияж.

Круто повернувшись, инспектор сорвался с места в отчаянный спринт.

Выскочив из коридора он на бегу окликнул пораженного Хаяки и помчался к передней двери с разрывающимися от напряжения легкими. Увидев выражение на лице напарника, сержант так и взмыл с кушетки, где сидел расслабившись, раскидывая в разные стороны хардзин и арахис. Рука Карденаса потянулась к дверной ручке.

Никакой дверной ручки на этой двери не было. Когда они вошли в дом, он не посмотрел, есть ли она. В конце концов, было вполне естественным полагать, что с внутренней стороны двери ручка есть. Но ничего такого там не наблюдалось: только гладкий, оформленный под дерево композит. Не откликалась эта вставшая на его пути преграда и на изустную команду, равно как и на обеспокоенное давление рук. А позади них донесшийся откуда-то из отдаленной спальни женский голос пугающе объявил:

— Я почти готова. Надеюсь, вы не слишком заскучали, ожидая меня.

«Ожидая чего?» — со страхом гадал Карденас, лихорадочно сканируя края дверного проема. Он теперь был убежден лишь в одном: никакая Сурци Андерсон к ним не выйдет.

Отступив от двери, он выхватил пистолет и щелкнул им, активизируя пулевой ствол. Когда инспектор выстрелил, Хаяки отвернулся и закрыл глаза. В узком замкнутом пространстве входного коридора звук угодившего по двери заряда ударил по ушам исключительно громко. Когда разнесенный на мелкие кусочки композит разлетелся, в материале двери зияла дыра величиной с человеческую голову. К несчастью, по другую сторону дыры жестко блеснул сплошной металл.

— Интересная дверь для чистяка со средним доходом, — прокричал он и посторонился, давая место Хаяки. Бросившись на преградивший им путь барьер, сержант врезался в преграду всей

своей значительной массой. Та содрогнулась, но не поддалась. После второй атаки он погнул одну дверную петлю.

— Может, вместе сумеем, — немногословно проскрежетал он, тяжело дыша.

С третьей попытки двоим полицейским удалось-таки сорвать среднюю дверную петлю и наполовину выгнуть дверь наружу, хотя Карденас не ставил это достижение себе в заслугу. Протиснувшись через отверстие, он, спотыкаясь, вывалился на залитый солнцем стеклит ведущей к дому дорожки. Оглянувшись, он увидел, что Хаяки пытается пролезть в созданный ими проем.

— Тебе помочь?

Сержант не улыбнулся.

— У меня нет лишнего веса — я как тот кофе, который всегда пью, «Папуа Робуста».

А откуда-то позади него веселый и такой знакомый теперь голос отчетливо пропищал:

— Я готова — спасибо, что подождали меня!

А затем дом взорвался.

Служивший потолком кабинету центральный купол взмыл вертикально ввысь, полусфера из композитных, деревянных и металлических стройматериалов устремилась к небу. Раздробленные обломки дома по Вест-Миньеро-Плейс, 482236, градом посыпались и на участок с пустынным ландшафтом, и на безлюдную улицу, и на ошарашенных соседей. Сила взрыва вытолкнула вылезавшего Хаяки через проем в передней двери и вышибла вместе с ним и саму поврежденную дверь. А Карденаса она отшвырнула на пару метров и едва не вырвала из ботинок. Мотая головой и избавляясь от последствий сотрясения, он не без труда поднялся на ноги и, пошатываясь, подошел туда, где на декоративном дробленом граните, часто заменяющем на юго-западе газон, лежал его оглушенный и истекающий кровью напарник. Подойдя, он рассеянно отметил, что взрывом с сержанта сорвало половину куртки и большую часть брюк. Только предусмотрительно используемое во спасение от подобных случайностей легкое, но практически непробиваемое силбелье спасло Хаяки от разрыва на части осколками пригородного дома, неожиданно превратившегося в смертельную шрапнель.

— Вставай. — Он ухватил напарника обеими руками за правую подмышку и поднатужился, пытаясь поднять. Гора пошевелилась. — Вамос[11] своей знатной задницей, Фредозо!

Огромным волевым усилием раненый сержант поднял себя на колени.

— Со мной все в порядке, Анхель. — Он поднял руку и ощупал шею и затылок. Когда он отнял ее, мозолистая ладонь

сделалась сиропно-алой от крови. — Ну, может, малость стукнуло.

— Это вердад, компадре?[12] Давай — шунтуй. — Накренившись назад, Карденас пустил в ход весь свой вес, волоча напарника к улице. А позади них за оградой уже собирались соседи. На лицах у них преобладали пустые ошеломленные выражения леммингов, которые внезапно очутились средь непостижимой для них драки. А откуда-то из обрушившегося дымящегося центра дома раздался крик Сурци Андерсон:

— На помощь! Ради бога! Я ранена! Неужели мне никто не поможет?

Хаяки заколебался, сводя на нет попытку обеспокоенного Карденаса продолжать двигать своего массивного, как гора, напарника к улице.

— Мы должны вернуться. Женщина, она…

— Не там, — оборвал его Карденас. — Это запись. Шевелись!

Он продолжал тянуть Хаяки за правое предплечье, надеясь, что остальная туша сержанта потянется следом. А другой рукой он со щелчком открыл свой спиннер.

— У меня красный код на Вест-Миньеро-Плейс четыреста восемьдесят два двести тридцать шесть, в инурбе Ольмек! — рявкнул он в голком. — Ранен сотрудник. Повторяю, ранен сотрудник — требуется аэромед!

Все еще оглушенный, со слегка подергивающейся головой, Хаяки оглянулся, таращась на обрушившееся строение. Из поврежденных скрытых глубин, женский голос продолжал молить возможных слушателей о помощи. Хаяки неуверенно нахмурился.

— Запись? Анхель, ты уве?..

Они почти добрались до тротуара, когда дом взорвался по новой. На этот раз произошли множественные взрывы. Собравшаяся толпа любопытствующих соседей завопила. Те, кого не сшибло с ног, бросились бежать. Карденас почувствовал, как тяжелая рука взрывной волны шмякнула его на землю. Когда град обломков наконец прекратился, он попытался освободиться от завалivших его обломков стройматериалов и осколков разбитого окна. Хаяки лежал без сознания с сильным кровотечением из спины и затылка. Отпихнув в сторону объемистое тело бесчувственного напарника, инспектор принял сидячее положение, смахнул с глаз пыль и уставился на представшую перед ним картину.

Извилистая дорожка, шедшая раньше к удобному пригородному дому, вела теперь к дымящейся в земле яме. А нарастающий в вышине тяжелый гул приближающихся вертушек начинал заглушать подымающиеся вопли и крики ошеломленных

и раненых зевак.

Он никак не ожидал, что такое непритязательное жилище будет оснащено столь передовой системой безопасности типа «камикадзе». Вместо усилий оградить дом от вторжения непрошенных гостей, здесь вся идея состояла в том, чтобы впустить пришельцев в дом, а затем ликвидировать их. По ходу дела владелец также терял свой дом и имущество. Как мера безопасности такая техника была сокрушительно эффективной. Конечно, применяться она могла только раз. Чего же настолько сильно боялся недавно упокоившийся Джордж Андерсон-Бруммель, если данный страх побудил его превратить собственный дом во взрывной эквивалент скромного полевого склада боеприпасов? Зачем он предпринял такие сложные и дорогостоящие усилия попытаться поймать в западню и убить?

Но более непосредственный интерес для Карденаса, поудобнее устраивавшего у себя на коленях избитую, истекающую кровью голову лишенного сознания Хаяки и глядевшего, как выпрыгивают из снижающейся головной вертушки мрачные аэромеды, представлял вопрос, где же, черт побери, эти Сурци и Катла Андерсон?

3

Только когда инспектор получил заверения, что с его напарником будет все в порядке, и вертушка увезла Хаяки, он позволил аэромедам очистить раны ему самому и обработать серьезно поврежденные участки спрейкожей. Предложение покинуть место происшествия он отклонил, отказавшись отправиться в госпиталь на готовой подвезти его вертушке. Как и следовало ожидать, бригады СМИ оказались на месте почти столь же быстро, как и аэромеды. И когда, наконец, прибыла бригада экспертов, ей пришлось привычно прорываться с боями сквозь рой витяков, забросавших новоприбывших вопросами, на которые те не могли ответить. Полицейские и пара департаментских мелькарей из Комрела оцепили их кордоном, когда две команды приступили к работе на месте происшествия.

Природа разрушения объекта исключила естественные причины, вроде взрыва бытового газа, еще до того, как старательные оценщики получили возможность поговорить с Карденасом. Не обращая внимания на свои раны и стараясь выкинуть из головы упорно вставший перед глазами образ потрепанного лишенного сознания Хаяки, инспектор настоял на своем желании подключиться к работе экспертов.

— Произошла первоначальная детонация, являвшаяся в такой же мере приманкой, как и убойным зарядом, — рассказал он расспрашивающим его, — за которой последовал добавочный манок в виде воплей раненой женщины, зовущей на помощь. А потом целая серия вторичных взрывов. — Он пинком отбросил в сторону скрученную полосу металлической плакировки стены. — Кто б там ни кохонил эту касу, он хотел гарантированно убить любого и всякого, кто окажется в доме.

Экспертша стояла на коленях, водя сканером над все еще дымящейся выемкой в большем кратере, применяя высококлассный инфосос, которым так славился департамент.

— Довольно экстремальный способ разделываться со взломщиками.

— Зависит от того, какая у тебя страховка. — Бросив избранную горстку грязи и осколков в сопло прибора, похожего с виду на портативную ультразвуковую печку, ее напарник терпеливо ждал, когда тот выдаст внятные результаты. — Некоторые компании готовы оплатить замену всего уничтоженного, если домовладелец сможет доказать, что они экспиали двух или более непрошенных гостей. — Он натянуто улыбнулся. — Это, конечно же, в высшей степени незаконно, а

также нельзя оправдать с точки зрения морали. Но попробуй добейся в суде обвинительного приговора корпорации, оплатившей стоимость разрушенного. У массы чистяков есть сомнительные полисы с исчезающими дополнительными пунктами, которые касаются ликвидации взломщиков. — Он нахмурился и крепко хлопнул по печке.

— Вот мы и заработали, — пробормотал он, пристально глядя на быстро появившиеся показания. — Довольно шикарный набор ингредиентов. — Он бросил многозначительный взгляд на внимательно слушающего Карденаса. — По части умерщвления ваши подозреваемые проявляют весьма изощренный вкус. Объемники «Хеллекс», хлопушки «Тарифа» и желе «Джафна». Сплошь последовательно установленные и подрываемые микрами «Тайчуг», которые запрограммированы на реагирование в сочетании с манком в виде барышни, попавшей в беду. — Он бросил на интуита более долгий взгляд. — Я слышал предварительные замечания. Ваш открытый спиннер направил их в центр города. Как вы догадались, что это была запись, и в доме никого нет?

Карденас наблюдал за тем, как продвигается дело у других экспертов.

— Беспокойство в голосе показалось мне наигранным. Актриса она хорошая, но все равно ее слова — лишь игра.

Специалист кивнул и сделал жест в сторону развалин, среди которых копались его коллеги.

— Кто бы за этим ни стоял, он, безусловно, не хотел дать кому-нибудь выбраться.

— Или что-нибудь найти. — Опустившись на колени, Карденас что-то вытащил из мусора. Это была верхняя половина куклы со все еще влажными желатиновыми глазами, весьма похожими на настоящие. Отсоединенная, она автоматически уставилась на него прозрачными синтезированными окулярами.

Спец моргнул, вываливая содержимое печки в пакет с образцами.

— Что найти?

Инспектор не бросил, а осторожно положил кусок гомункулуса обратно на землю. Что-то в этих синтетических глазах заставило его поворошить ногой обломки, чтобы завалить куклу.

— Если б я это знал, мне не пришлось бы задаваться подобным вопросом. Но я все же знаю, что никто не превращает свой дом в такую изощренную бомбу просто с целью умуэрвить пару скраггеров.

Несмотря на раны, он настоял на своем праве

присоединиться к асессорам, которые работали на улице, опрашивая ошеломленных жителей дотоле мирного района. Двое департаментских мелькарей деловито массировали СМИ, изо всех сил стараясь убедить эту мошкару, что полиция никак не могла предотвратить данное разрушение.

Несколько проживающих поблизости граждан вышли, спотыкаясь, из своих жилищ, оснащенных индивидуальными системами безопасности. На их лицах наблюдалось ошарашенное выражение типичных чистяков, для которых повседневное существование состояло из относительно предсказуемых забот по поводу счетов, работы и семьи. Обыкновенных, повседневных проблем, не являвшихся вопросом жизни и смерти, какими те были для низших обитателей Полосы.

Карденас приблизился к глазевшей во все глаза пожилой женщине, одетой лишь в купальник и накидку. Очевидно, она отдыхала в плавательном бассейне на заднем дворе, когда дом Андерсонов прикладывал все силы к ликвидации двух зашедших в гости федералов. Несколько капелек воды все еще дрожало на ее ногах ниже колен, сопротивляясь испарению. Она слегка отшатнулась, когда к ней подошел инспектор.

— Бояться нечего, — успокоил он ее. — Вам незачем бежать.

— Я и не собиралась… ну, может быть, и собиралась, — пробормотала она. Не может быть, а точно, знал Карденас. Он не объяснил ей, что малозаметные движения тела и лица открыли ему намерения женщины столь же ясно, словно та высказала их вслух.

Он сверкнул своим идентом и увидел, как она слегка расслабилась.

— Обещаю, я не стану вовлекать вас. — Он показал на раскинувшиеся перед ними дымящиеся развалины дома, едва тлевшие теперь в огнегасителе, спущенном с парящей над руинами пожарной вертушки. — Вы знали живших там? Некоего мистера Джорджа Андерсона и…

— Сурци, — запинаясь вымолвила женщина. — Ее звали Сурци. У нее была дочь. — Глаза ее говорили о глубокой озабоченности. Не судьбой возможно уничтоженных соседей, а своей собственной и своей родни. — Что произошло?

— Пока трудно сказать. — Карденас не испытывал ни малейших угрызений совести, прибегая к успокоительной лжи. — Возможно, взрыв газопровода. А возможно, в доме было что-то взрывоопасное. — Он приложил максимум усилий, стараясь говорить так, словно не стряслось ничего необычного. — Такое то и дело случается.

— Но ведь здесь вы. — Она повела рукой кругом. — Полиции

тут, кажется, многовато.

— Обычное дело, — небрежно обронил он с доверительным видом. — Просто все зависит от того, кому случится быть поблизости, когда происходит что-то чрезвычайное. Дома никого не было, так что никого не умуэртвило. Вы знали Андерсонов?

— Очень мало. Знакомство типа «здравствуйте, доброе утро, как вы?» Здесь, в Ольмеке, люди ценят свою уединенность. — И платят за нее, не стала добавлять она, так как этого и не требовалось. — Они казались довольно милыми.

— Миз Андерсон работала?

Проявляя все признаки успокоения, женщина задумалась.

— Если и работала, то дома. Я не часто видела ее куда-то едущей. И она, казалось, всегда бывала дома, когда прибывал ее муж. Хотя она отвозила девочку в соче. Каждый день. И привозила домой. Правда, я в общем-то не обращала особого внимания.

Карденас кивнул, создавая впечатление, будто соседка сообщила бог весть какие ценные сведения.

— Вы случайно не представляете, какой соче посещала дочь?

Соседка покачала головой и поплотнее запахнула накидку вокруг голых морщинистых плеч.

— Нет. Мои дети уже давно выросли. — Взглянув направо, она показала на мальчика и девочку, стоящих перед гражданами помоложе нее. Все четверо недоуменно взирали на внезапно и шумно возникшие посреди их тихого района руины. Родители-то мало чего говорили, но их потомство оживленно болтало.

— Можете спросить у семьи Мартинес. Их мальчик примерно того же возраста, что и девочка Андерсонов, и я, кажется, слышала, что они ходят в один соче.

Все так, подтвердил мальчик Карденасу, хотя он занимался в младшей группе соче, куда ходила и Катла Андерсон. Поблагодарив, Карденас было повернулся уйти, но столкнулся с парой витяков. Он всячески уворачивался от тарахтящих мошек, пока не вмешалась Морган из Комрела, отогнавшая эту пару. Карденас скрылся в патрульной машине и стремительно унесся с места взрыва. «Надо бы мессануть мелькарке „грациас“ [13]», — сказал он себе, когда сцена с пригородными руинами осталась позади. Он чувствовал себя неуютно, имея дело со СМИ, особенно с теми представителями оных, которые угадывали в нем интуита или же знали об этом его качестве.

Спиннер патрульного автомобиля отследил увезшую Хаяки «скорую», и послушная машина доставила инспектора в Ногалесский Центральный, избранный госпиталь департамента для раненых при исполнении служебных обязанностей

сотрудников. Перехвативший его в коридоре четырнадцатого этажа мед-мелькарь уведомил Карденаса, что сержант все еще в операционной. Инспектор не стал давить на этого серьезного молодого человека, выпытывая подробности. Его тон и так вполне уверил Карденаса, что с массивным сержантом будет все в порядке. Инспектор по голосу определил, что мелькарь говорит правду, а не сочиняет удобную профессиональную ложь. Тем не менее остаток дня он провел в госпитале, пока ему не позволили наконец заглянуть в послеоперационную палату.

Лежа с закрытыми глазами, лицом вниз, Хаяки плавал в воздухе, обмотанный только-только приставшим эписпреем. Эта розоватая искусственная эпидерма постепенно сливалась с собственной кожей сержанта, зарубцовывая и исцеляя ужасающие ожоги, покрывавшие большую часть его широкой голой спины. Было невозможно определить, сколько у него осталось собственной эпидермы. Как и положено любой жертве серьезных ожогов, он плавал в подвешенном состоянии над койкой, паря в магнитном поле, которому предназначалось предохранять его серьезно пострадавшую кожу от любого контакта с твердой поверхностью. Даже самые тонкие и мягкие простыни могли умножить травмы жертвы сильных ожогов. Диамагнитные свойства человеческого тела, которые позволяли ему отталкиваться от магнитного поля, создаваемого больничным проектором Перкинса, были реализованы лишь в последние тридцать лет.

Из носа и таза сержанта тянулись трубочки. Сфокусированные на его торсе сканеры выдавали на экраны показания всаженных ему в тело в стратегических точках нанохиров. Карденас провел достаточно много времени в госпиталях («Слишком много времени», — спокойно думал он) и повидал в действии достаточно аппаратуры, чтобы научиться истолковывать многие из показаний датчиков. В целом они показывали, что состояние пациента стабильное, хоть и не дающее повода радоваться.

С той самой минуты, как Карденас покинул место преступления, в нем постоянно нарастал мрачный, тихий гнев. Тот факт, что обыкновенный, ничем не примечательный дом в инурбе попытался убить их с напарником, и так уже служил достаточной причиной для ярости. И то обстоятельство, что дом не проявлял разборчивости в своей смертоносной деятельности, всего лишь делало эту попытку намного более предосудительной. Представлялось очевидным, что данная система устанавливалась отнюдь не с целью защиты от такого повседневного преступления, как кража со взломом. Она была не только чересчур сложной и

дорогой, но и вдобавок едва ли с успехом могла сохранить имущество домовладельца. Ее спроектировали с расчетом принять непрошеных гостей с распростертыми объятиями — а потом уничтожить их, да так, что владелец системы готов был пожертвовать в этой попытке всем своим жилищем.

Если не воров и, по всей вероятности, вовсе не нанесших визит федералов, то кого же? В основе большинства систем защиты домов лежала ярость. А в основе этого, куда более изощренного устройства, которое чуть не убило его с напарником, лежал страх. Кого или чего приходилось страшиться вроде бы обыкновенной инурбной семье вроде Андерсонов, да притом до такой степени, что они решили превратить собственную резиденцию в самую сложную мину-ловушку, с какой когда-либо доводилось сталкиваться Карденасу? Он был уверен лишь в одном: это как-то связано с причиной, по которой покойному Джорджу Андерсону понадобилось две личности.

Плавающее в послеоперационной палате тело чуть заметно шевельнулось. Выражение лица Карденаса не изменилось. Он не мог интуитить лежащего без сознания. Но этого и не требовалось. Достаточно было просто посмотреть на парящее над койкой тело друга. С эндорфинной капельницей или без нее, Хаяки наверняка страдал от боли. Когда же сержант придет в себя и будет снова в состоянии чувствовать, станет еще хуже. Карденас ничего не мог тут поделать.

Но он вполне мог, черт возьми, сделать кое-что иное. Для начала ему очень сильно хотелось потолковать с этой бывшей миз Джордж Андерсон.

Ярость инспектора по адресу безразличного механизма, чуть не лишившего жизни его друга и напарника, начала понемногу спадать лишь ночью, когда он сидел в своем кодо с видом на благоустроенный пейзаж и искусственно проложенное с привязкой к рельефу русло реки Санта-Рита. Капельно орошаемая растительность смягчала суровый ландшафт по обоим берегам. Двигалась по этой озаряемой полумесяцем местности только одинокая любительница ночного бега трусцой, на обуви и кепочке которой светились голубые квантовые точки. Пояс бегуньи ритмично пульсировал, предупреждая потенциальных грабителей, что наряд девушки полностью заряжен и готов парализовать любого нападающего, у которого хватит глупости схватить ее.

За рекой виднелись огни Полосы, тянущиеся до самого Калифорнийского залива. Прошедший минувшей ночью ливень очистил воздух, открыв сияющие в небе звезды, взиравшие с полнейшим безразличием на незначительные изменения,

внесенные человечеством в древний ландшафт Соноры. Вид этой мирной панорамы помог ему успокоить свои мятущиеся мысли. Равно как и охлажденное «Дос Экис» у него в руке.

Сделав последний глоток пива, он поставил пустую бутылку рядом с ее тремя пустыми сестрами. После того, как бутылка опустела, вплетенная в стекло одноразовая индукционная спираль живо отключилась. Стекло сразу же начало нагреваться. Повернувшись на вращающемся кресле, Карденас негромко произнес несколько слов в свой вит. Настенный экран мигнул, оживая, и предложил на выбор для беглого просмотра подборку бессодержательных программ. Развалившись на кресле в одном нижнем белье, он уставился невидящим взором на медленно ползущие данные.

Медицинские предзнаменования выглядели отличными, но покуда Хаяки лежит в магполе, полагать, будто опасность миновала, никак нельзя. Если этот большой толстый ленивец умрет…

Не обращая внимания на предлагаемые юмористические и документальные передачи, он выбрал короткий успокоительный сон. И так же, как в другие бессчетные ночи, заснул в кресле.

Угнездившийся в тихом тупичке соче имени Мэри Энсон Картер представлял собой аккуратный автономный комплекс, спроектированный для наставления всем аспектам Реальной Жизни детей в возрасте от четырех до тринадцати лет. До-университетские академические дисциплины, конечно, уже с середины века преподавали не в школах. Этими предметами ученики намного лучше овладевали в мирной и приватной обстановке родной резиденции ребенка, с помощью домашних ящиков и подальше от отвлекающих действий детей одного с ними возраста. В четырнадцать лет подросток поступал на двухгодичные курсы аналитических исследований и в продвинутый соче, а в шестнадцать делался выбор между высшим образованием, программами профессионального обучения, государственной службой и уймой менее определенных взрослых вариантов выбора, таких, как военная служба.

В соче ребенок узнавал о психологии отношений между мужчиной и женщиной, свиданиях, институте брака, сексе, о том, как открыть счет в банке и производить операции с ним, как выполнить простой ремонт по дому, как иметь дело с кредитом, как купить жилище, управиться с адвокатами, проконсультироваться у врачей, составить планы на отпуск, приобретать товары и услуги, покупать и готовить пищу — словом, обо всех необходимых составляющих повседневной

жизни, о которых дети, как почему-то ожидали самодовольные предыдущие поколения, должны были узнать самостоятельно, чаще всего при посредстве совершенно неадекватных вариаций постепенного усвоения. Иными словами, в соче детей обучали всем действительно важным вещам. Биология и математика, география и словесность, история и литература, рисование и основы гражданственности — все эти предметы лучше изучались дома, через домашний ящик.

С восьми утра до полудня, четыре дня в неделю, дети собирались в своем местном соче обучаться тому, чего ожидало от них человеческое племя: как быть достойным человеком и выжить в мире, становящемся все сложнее не с каждым годом, а с каждым днем. Вот в этом-то бурлящем доподростковом вареве и числилась некая двенадцатилетняя Катла Андерсон, с которой очень хотел побеседовать Анхель Карденас. Та пожилая соседка, с которой он поговорил перед разрушенным жилищем Андерсонов, сообщила ему, что мать девочки всегда отвозила ее в соче и вновь привозила домой. Думая об этом, он показал свой идент вооруженному охраннику при входе.

— Комо се происходит? — небрежно поинтересовался он.

Скучающий караульный с заметно высовывающимся из кобуры на бедре автоматическим пистолетом и висящим на цепочке из жилетного кармана станнером подергал себя за бороду и пожал плечами.

— Нада[14] особенного, хомбер. Кого ты сюда заявился арестовывать? Учителя или нина? — Он чуть встрепенулся. — Надеюсь, что учителя. Соче этот тихий, и большинство нинов мне по душе.

Инспектор шагнул через деактивированные ворота. Как только он прошел, охранник снова активировал их. Тихое зловещее гудение указывало, что позади визитера подана энергия на микроволновой барьер, мощность которого вполне позволяла ему изжарить незваного гостя.

— Ни уно, ни отро[15], — объяснил Карденас. — Просто мне нужно поговорить с одной из учениц.

Повернувшись на вращающемся стуле, охранник просканировал биб безопасности.

— Это ведь не по поводу взрыва фургона, продающего мороженое, в прошлом месяце, верно? С тем делом разобрались. Наши нины не имели к нему никакого отношения. — Он неодобрительно фыркнул. — Виновата шайка антиобов из урба Миранос.

— Мне просто нужно быстро задать несколько вопросов. — Карденас говорил столь же терпеливым, сколь и намеренно

неинформативным тоном.

Охранник оставил попытки выудить из посетителя какие-либо данные.

— Личность учащегося? — официально спросил он.

— Андерсон, Катла. — Глядя за спину охранника инспектор присмотрелся к бибу безопасности.

Караульный кивнул самому себе.

— Да, я знаю это имя. Запомнил считай весь список посещаемости. Хотя не припомню, чтоб действительно доводилось разговаривать с этой девочкой. — Пальцы его не по возрасту живо пробежались по клавиатуре. В качестве меры безопасности с бибом оператор мог работать не через голком, а только вручную.

Снова мельканье пальцев. На бибе было двести шестьдесят три LEDa. Восемнадцать вспыхнуло красным, а остальные зеленым цветом. Охранник постучал пальцем по одному из красных указателей.

— Ее здесь сегодня нет. — Он откинулся на спинку стула. — Может, заболела. Но здесь ее нет.

Карденаса эта новость удивила намного меньше, чем охранника.

— А ее монитор не мог выйти из строя? Или оказаться заслоненным?

Охранник оттопырил нижнюю губу.

— Сдохнуть мог запросто. Или сигнал может не пройти, если она работает в лаборатории, хотя мы стараемся не ставить нинов туда, где это возможно. Правда на занятиях по кулинарии такое иногда случается в массовом порядке. Радиационные помехи. Когда они готовят птицу на праздник, может стать действительно худо. — Он поработал с клавиатурой. — Повидайтесь с Алисией Таварес; класс номер одиннадцать. Она в этом месяце курирует девочку. — Он повернулся со стулом и показал. — Прямо по входному коридору, вторая дверь налево, по другую сторону от заповедника дикой природы. Она сейчас преподает Продвинутые Постоянные Поездки.

Инспектор поблагодарил караульного и зашагал в указанном направлении, проходя мимо классов, где дети обучались навыкам, необходимым для выживания в обществе. Выйдя из главного здания, он побрел через миниатюрную версию знаменитого нью-мексиканского Хорнада дель Муэрто[16], в комплекте с пустынным ландшафтом, источником и копиями исторических образцов материальной культуры, появившихся посреди урбанизированной, индустриализированной Полосы с целью показать ее подрастающим гражданам, какой была некогда

жизнь, и какой по-прежнему оставалась в тех местах, где не понастроили ни индукционных труб, ни торговых галерей, ни игровых площадок.

Войдя в строение, он отыскал путь к классу номер одиннадцать. Его идент-браслет перебрал несколько тысяч муниципальных кодовых комбинаций, прежде чем через несколько секунд остановиться на одной, которая открывала дверь данного класса, разрешая ему войти.

Оказавшись в классе, он обнаружил, что его внимательно разглядывают две дюжины пар глаз. Лишенные окон стены из непробиваемого поляризованного стеклянного сплава были покрыты рисунками, двигунами и пейзажами, изображавшими разные виды современного транспорта. В данный момент класс рассматривал межконтинентальный сверхзвуковой транспорт в разрезе, но изучал не аэродинамику его очертаний и не физику его работающих на водороде двигателей. Для тех, кого это интересовало, подобные технические детали можно было куда лучше проанализировать дома. А дети учились этикету путешествий: как заказать еду, как есть, находясь на борту, как пользоваться ванной и туалетом, как разобраться с беспокойствами, причиняемыми другими пассажирами, — короче, как выжить и преуспеть в мире современных путешествий.

Наставляла их стройная темноволосая молодая женщина с тонким лицом, рабочую одежду которой в данный момент скрывала форма стюардессы компании «Юнайтед Вариг». «Юнайтед Вариг», конечно же, заплатила кругленькую сумму за преимущественное право столь широко демонстрировать свой фирменный логотип в учебном заведении. Нины, похоже, не возражали. Они были слишком заняты, пробуя друг на друге рекомендованные для путешествий фразы.

— Продолжайте упражняться в этих кратких диалогах, — приказала им Алисия Таварес. — Завтра будет устный опрос.

В ответ из рядов хорошо одетых младших граждан поднялся стон. Это тебе не бедный школьный округ, размышлял Карденас. В том урбе, где он вырос, у школ не было денег на такие легкомысленные штучки, как маскарадная форма.

— Чем могу помочь? — Она уловила мельканье его идента. — Боже, надеюсь, никто не попал в беду. То дело с фургоном, торгующим мороженым…

— Не имеет никакого отношения к моему сегодняшнему визиту сюда, — закончил он за нее. Когда он улыбнулся, кончики его вислых усов приподнялись на полсантиметра. Это действие неизменно вызывало ответную улыбку на устах всякого стоящего достаточно близко, чтобы заметить данное явление, и Таварес не

стала исключением.

— Рада это слышать. Что я могу для вас сделать… — она снова взглянула на его идент, — …инспектор?

— Вы в этом месяце курируете ученицу по имени Катла Андерсон.

Таварес кивнула, и выражение ее лица сменилось на озабоченное.

— Она ведь не попала в какую-то беду, правда?

— Мы пока не знаем. Если и попала, то не по своей вине. — Он посмотрел мимо учительницы на класс, состоящий из сытых детей.

— Здесь ее сегодня нет.

— Да.

— Похоже, вы не удивлены.

Она пытливо посмотрела на него.

— Вы очень наблюдательны, инспектор. Катла весьма способная девочка. В некоторых отношениях — просто блестящая. Но у нее возникла настоящая проблема с посещаемостью. Насколько я могу судить, родители ее в этом не виноваты. Но в иные дни она просто не появляется. Ее родители протестуют и утверждают, что поговорили с ней об этой проблеме, но та все равно остается. Действительно, очень жаль. Такая умная девочка.

— Ее родители не звонили сегодня сказать, что она не придет?

Таварес покачала головой.

— Насколько я знаю, никто из них с нами не связывался. Такие неожиданные отсутствия носят случайный характер, и поэтому я не думаю, что Катла пропускает занятия, участвуя в какой-то регулярной деятельности вне соче.

Карденас кивнул.

— Как она ладит с другими нинами?

— Довольно неплохо. — Ответив рефлекторно, учительница тут же сделала оговорку. — Хотя я замечала, что, когда она не занималась положенной по программе деятельностью, то предпочитала держаться особняком. Почему бы вам не спросить у каких-нибудь ее односочниц? — И, повернувшись, обратилась к двум девочкам, исследовавшим подносы с муляжами еды. — Малага, Роза, вы не могли бы подойти сюда на минутку?

Карденас оказался лицом к лицу с двумя двенадцатилетними девочками, одной кофейного цвета и одной — песчаного. Он улыбнулся, и его усы заплясали. С любопытством посматривая на него, более светленькая из пары подняла взгляд на учительницу.

— Это ведь не что-нибудь такое, о чем будет опрос, правда?

— Нет, — заверил ее Карденас. — Я просто хочу спросить вас

о вашей подруге — Катле Андерсон.

Первой ответила другая девочка.

— Вы хотите сказать, о гуфачке? — хихикнула она. — Именно так мы ее все называем. Потому что она впитывает в себя все окружающее, как губка, но когда спросишь о чем-нибудь, она в половине случаев лишь странно улыбается, словно знает ответ, но не уверена, как его тебе изложить.

— Точно, — быстро добавила первая девочка. Ее слова угрожали споткнуться друг о друга в обычной для двенадцатилеток манере речи. — Катла, си, она муй церебро, но все равно какая-то странная. Кабеса вареса[17], вердад?

Таварес скорчила недовольную гримасу.

— Малага, не забывай о манерах.

Девочка обиженно подняла взгляд.

— Хой[18], федоко же спросил!

— А мне все равно. — Девочка с кожей песочного цвета была ростом почти с него. — Катлы сегодня здесь нет.

— Нохо, — безразлично согласилась ее подруга. — Шунтанула, сабе?

— Ты не знаешь, где она может быть? — непринужденно спросил Карденас.

Девочки переглянулись, прежде чем та, что повыше, ответила:

— Никто не знает, где носится западный ветер. Вот это и есть Катла.

Он чуть улыбнулся и мягко произнес:

— Ты мне лжешь, Малага.

Она пристально посмотрела на него.

— А вот и нет. В иные дни Катла просто не нарисовывается.

— Я ведь спрашивал-то не об этом. — Он наклонился чуть поближе, буравя ее взглядом прямо в глаза. — Ты отлично знаешь, о чем я спрашивал. И знаешь, что я знаю, что ты лжешь. Пор фавор[19], не лги мне больше, Малага.

Девочка обернулась за помощью к подруге. Долгую минуту они молчали. Затем та, которую звали Розой, заговорила, хотя и явно с неохотой, не встречаясь взглядом с визитером.

— С Катлой иногда трудно говорить. И не оттого, что она хамит: просто молчит и все. Но иногда — иногда она принимается рассказывать нам, где бывает, когда не приходит сюда. — Еще не совсем женский голос упал до шепота, словно она боялась, что кто-то, здесь не присутствующий, может подслушать их разговор.

— Она любит тусоваться с отморозками.

Карденас тихо выдохнул.

— Катле Андерсон всего двенадцать. Она слишком мала, чтобы тусоваться с нинлоками. Захоти она примкнуть к ним, они бы просто посмеялись над ней. Она б замедлила их пульс.

— Только не подкоды, — замотала головой Малага. — Эти примут в компанию, если тебе одиннадцать. — Внезапно сообразив, что она, возможно, разгласила слишком много запретного знания, девочка поспешно добавила: — Во всяком случае, у меня ввод именно такой.

Инспектор выпрямился. Подкоды представляли собой слабо связанные, случайные группки антиобов, еще не доросших до вступления в настоящую шайку. Несмотря на сказанное девочкой, он никогда не сталкивался с допущением в клику одиннадцатилеток и ни разу не слышал о подобном случае. Но двенадцать — в двенадцать могли и стерпеть. Средний возраст подкода колебался от тринадцати до четырнадцати лет, после чего те шли дальше в настоящую шайку нинлоков, переходили в чистяки — или же заканчивали путь одиночками на Полосе. Или в могиле.

Подкоды были текучими бандами зрелых детей и незрелых подростков, лишенными какой-либо настоящей структуры или организации. В отличие от шаек нинлоков, члены этих банд бывали преданны только друг другу. Соединяющие их узы образовывались через дружбу и распадались столь же легко, как и завязывались. Вовлеченные в такие банды ребята редко совершали серьезные преступления. Большинство из них обращалось к антиобской деятельности не по убеждению, а от скуки. Они были скорее правонарушителями, чем преступниками.

Именно в таком возрасте их лучше всего было ловить, до того как они начнут спускать свою жизнь в сортир. Особенно такие толковые, явно многообещающие ребята, как эта Катла Андерсон.

Достав свой спиннер, Карденас запросил названия всех известных группировок подкодов, какие, по сведениям полиции, крутились в радиусе десяти киломов от соче. За пределами этого круга двенадцатилетка оказалась бы на чужой территории.

— Гобрески, — прочел он вслух, когда названия появились на экранчике. — Нарулас, Розовые, Хабаньерос, Терравиллас. Пропащие Перрос. Ветевенга. Сократиз. Конвирхил.

— Ветевенга, — пробормотала Роза. — Именно эта. Я не знаю, где они фокусируются.

— Есть еще что-то. — Карденас переключил внимание на девочку повыше ростом.

— Она… Катла часто упоминала имя одного антиоба. Парня. — Роза метнула на подругу предупреждающий взгляд, но та оставила его без внимания. — Комит себя Диким Дохом. Я…

мы… встречали его раз-другой. Его сюда никогда не зачисляли, но ему разрешили посетить несколько занятий. И всякий раз, когда он бывал здесь, они корешились с Катлой. — Подняв руку над головой, она направила кисть от себя, ладонью вниз. — Примерно вот такого роста, довольно тощий. Волосы обычно короткие и зеленые. С правой стороны на голове выбрит зачеркнутый вопросительный знак. Помнится, как-то раз он говорил, будто ему пятнадцать — но, по-моему, просто хвастался. Кожа и черты как у афрангло. — Она коснулась левого уха. — Когда не на сейшене, всегда носит музуху. А ноды сбывал, словно какой-то классный Нобуру-сан.

— Из них получалась отличная пара, — добавила все еще колеблющаяся Роза. — Он был еще более странным, чем Катла.

Инспектор записал всю эту инфу.

— Вы обе очень помогли. Спасибо. — И повернулся, собираясь уйти.

Тут чья-то ручка робко схватила его за рукав. Он оглянулся и увидел, что задержала его Малага, впервые сильно походившая сейчас на ребенка своего возраста.

— С Катлой — с ней все в порядке, правда?

— Надеюсь. Хотелось бы думать именно так. Если она случайно нарисуется где-нибудь неподалеку отсюда, вы ведь дадите мне знать? Меня зовут инспектор Карденас. — Номера ему давать не требовалось. Уж как иметь дело с властями и использовать их для своих надобностей, дети усваивали в соче на одном из первых же занятий.

Когда он покинул соче, на небе собирались тучи. Снова муссон, размышлял он. Снова дождь. Этот ливень внесет беспорядок в его день, но он не возражал. Только психи что-то имели против дождя в пустыне, безотносительно к тому, сколько очищенного обессола извлекали и перекачивали на север с мелей Калифорнийского залива.

Антиобы имели склонность вести в основном ночную жизнь. Подкоды не были исключением. Сообщив о своих намереньях через голком, он направился не в офис, а домой. Если ему предстоит всю ночь гоняться за подкодами, то не мешает немного вздремнуть.

4

Сап-Ата-авеню никогда не спала. Именно туда приходили играть жители окрестного куска пирога Полосы, когда бывали в настроении малость оттянуться. Чистяки и антиобы, граждане и нинлоки, админы, техи и ээ-уланы свободно смешивались между собой, временно оставляя в стороне свои социальные различия, связанные общим желанием погрузиться в сверкающее море современных нравов.

Ищешь малость незаконного развлечения? Попробуй Тексмекссексхекс. Развлечение стимулирующее, но безопасное. Одобрено Минздравом (хотя, возможно, и не «Хорошим Домоводством»). Чувствуешь потребность в скорости? Поуправляй миккинутой «Дисони» — личной индукционной капсулой на 100% безопасной полосе препятствий на скоростях, при которых губы будут шлепать тебя прямо по щекам. В настроении витализировать немного агро? Надень стимкомбез «Караш» и пробегись через любую из многих сотен искусственных сред, уничтожая по пути скверных инопланетян, скверные формы жизни, скверных плотоядных и, за тайный гонорар наличными, свою/своего супругу(а) (требуется пригодный для сканирования снимок 4x6; предпочтительно голографический).

Попробуйте кухню всех семи континентов, от триобриандских трохусов тортеллини до сент-джорджского крильоснова, от пломбира «Мамирауа купурусу» до мочаночавого коктейля «Голубой Гиацинт» (две доли кофеина с плато, три сахара из низин, и нельзя вкусить гуараны, пока не начнешь валиться). Выбирай себе южамериканское барбекю из грызунов: от куи до капибары[20]. Блюда, блюда, блюда, от иных худо, иные для блуда, а малость даже отсюда.

«Кстати, о выпивке, — зашептал со знающим видом на ухо инспектору раздражающе настойчивый подвижный реклам, когда Карденас брел мимо дорожки, идущей от главного бульвара, — пол-литра „ершей“ всего трояк за штуку в счастливую хору[21], проведенную в кафе «У Робусто», третий двор справа, его нельзя не заметить». Молотя одной рукой, он отогнал парящего в воздухе электронного зазывалу. Будь у него такое желание, он мог бы заграммировать свой браслет выдавать частоту, которая предупреждала бы всех таких досаждал держаться от него подальше, идентифицируя инспектора как находящегося при исполнении сотрудника СФП. Однако такая защита позволила бы определенным элементам населения засечь специфическую несущую волну и заметить его присутствие. И потому федералам,

предпочитавшим вроде него действовать под покровом сравнительной анонимности, приходилось страдать от того же избытка вездесущей рекламы, что и всем прочим гражданам.

Подобно любому популярному ночному логову, Отвод № 64 так и кишел рекламами. По-прежнему раскаленный воздух пронизывала музыка, состоявшая не сплошь из рекламной какофонии. Карденас поймал себя на том, что насвистывает популярную современную очаровалку. Из шикарного бистро, гордо похвалявшегося своей бирманско-каджунской кухней, выскочила и чуть не налетела на него смеющаяся молодая пара, опьяненная вином и юношеской любовью. Он снисходительно улыбнулся и посторонился, давая парочке пройти. Хихикая, юноша и девушка старались не слишком долго пялиться на превосходящего их возрастом мужчину с яркими глазами и внушительными усами, когда прошли дальше по улице. Инспектор надеялся, что счастливое состояние не покинет их вместе с похмельем.

Как всегда при подобных операциях он слился с толпой, став одним из ничем не примечательных присутствующих среди множества других, требующих внимания. Проделывал он это едва ли не лучше всех в департаменте. Со спрятанным под манжетой рубашки браслетом и без синей фуражки и блейзера, он был последним из ночных гуляк на улице, в котором прохожий опознал бы федерала, не говоря уж про старшего инспектора. Умение растворяться в среде всегда было одной из его способностей. Оно не принадлежало к числу тех, которые запросто измерялись при департаментских тестах на пригодность и мастерство. Тем не менее, начальники и коллеги одинаково высоко ценили этот талант. Да и вообще, многое из того, что мог проделать Карденас, не поддавалось количественной оценке. Это иногда беспокоило дотошных бухгалтеров, но не коллег-полицейских.

Перед салоном «Бледный ряд» ошивалось четверо ребят, надеясь увидеть, как кого-нибудь выкинут вон, чтобы помочь ему подняться. Ну а в процессе оказания помощи, возможно, очистить карманы дезориентированного бледного. Для прочих на улице все выглядело, будто они всего лишь стояли и болтали. Но «прочие» видели их не так, как Карденас. Их нацеленность, позы и даже запах их тел говорили ему, что они намеревались устроить маленькую свалку.

Самым старшим в группе был парнишка лет четырнадцати. Лицо его с обеих сторон обрамляли свернутые в спираль косички, а ермолку украшали древние символы, бросавшие в лицо вызов на древнееврейском. Равно как и вытатуированные арамейские

непристойности, покрывавшие большую часть его выставленной напоказ правой руки. Рука эта выглядела не особо внушительной — в четырнадцать-то лет. Но в ней проглядывало обещание дурного расцвета. Подвитованный, решил Карденас. Соискатель, нацелившийся присоединиться к одной из двух-трех организованных ортодоксальных банд нинлоков, кочующих по западной половине Полосы.

Одежда и внешность его спутников были менее броскими. Девочки обеспокоенно следили за подходящим инспектором. А паренек поменьше попытался компенсировать доподростковый недостаток в росте повышенной бравадой.

— Чем оборачиваешься, хомбер? — нагло осведомился парнишка тоненьким голоском.

— Йа, тебе это идет, — добавила одна из девчонок. Ее спутница захихикала. Их обоих еще можно спасти, решил Карденас. Но он не занимался профилактикой доподростковой преступности.

— Приятная ночка, — небрежно обронил он, завязывая разговор.

— Была, — прорычал парнишка повыше ростом, явный вожак бездельничающего квартета. — Пока ты не аррибал.

Рычание у него получилось не очень-то пугающим. Голос у этого подкода еще не сломался.

— И остается, — улыбнулся в ответ Карденас, не вынимая рук из карманов легкого плаща. — Я б не портажил такую фиску в заднем кармане. Погонит кто-нибудь не ту синус-волну, и ты, вероятно, потеряешь кусок задницы, эготиста[22].

Дерзость паренька улетучивалась, как водородное горючее из брюха «Геммера» дальнего радиуса действия, пока одна рука рефлекторно метнулась к единственному широкому карману, пришитому сзади к центру его штанов.

— Чингаринга! — воскликнула одна из девчонок. — Да этот хомбер — бомбер!

— Мне не нужно то, что у вас есть, — успокаивающе продолжал Карденас. — Мне нужно то, чего у вас нет.

— Аблай, — настороженно пробормотал парень. — Чего тебе надо, федоко?

Не обращая внимания на обтекающий их неровный поток смеха, болтовни и визга ночной жизни, Карденас сосредоточился на вожаке. Пар из этого подкода вышел уже основательно, и он даже не взглянул в сторону вышедшего из салона «Бледный ряд» одурманенного бланблана, или англосакса мужского пола. А две девчонки и другой паренек усиленно старались не впиваться взглядами в очумелого чистяка. Гражданин, пошатываясь,

удалился в ярко освещенную сонорскую ночь, не сознавая, что только-только избежал вероятной опасности.

— Я ищу ветевенгского подкода примерно твоего возраста по прозвищу Дикий Дох. Тощего афрангло с зеленым ежиком и выстриженным вопросительным знаком, торчащего от музухи. А также двенадцатилетнюю девчонку, нонсафадо, которая любит веть с ним. Катлу Андерсон.

Голос делавшегося то мрачным, то испуганным паренька упал до шепота.

— Не сабе такого подкода. И такой девчонки.

Карденас тоже умел понижать голос.

— Не пытайся гнать мне фак-якк. Вот сволокут тебя с фиской в центр, и проведешь в итоге пару ночес[23] в «обезьяннике». А ты знаешь, что там творится.

Когда паренек поднял взгляд на этот раз, на лице у него был написан настоящий страх. Одна из девчонок дернула было его за руку, но он стряхнул ее.

— Дикий Дох считает себя чингаруном, но он не настоящий нин. Просто ему нравится играть, а ветевенгас позволяют ему амбулать с ними. А девчонку я не знаю. Это вердад, хомбер.

Карденас знал это, точно также, как раньше узнал, что парень врет.

— Где мне его найти?

Тут наконец подал голос другой паренек, которому явно надоело сдерживающее присутствие федерала.

— Дох большой поклонник Нобуру. У него завершенный пояс и, может, с полдюжины нод при нем. Когда он не тусуется с нинами, то любит крутиться около «Мелариума». Ты знаешь «Мелариум»?

Инспектор кивнул. Это популярное место свиданий предлагало тысячу различных видов возлияний, во многих случаях законных; громкую музыку, иной раз законную; и танцы в магкомбезе для тех, кому хотелось скорей поплавать в воздухе, чем подержаться, и тут уж законность зависела от степени обоюдного согласия.

— Спасибо, — выпрямился он. — Вы все заработали по паре положительных очков. Может когда-нибудь пригодиться. — Он повернулся, собираясь уйти, но не раньше, чем наградил поувядшего вожака последним немигающим взглядом. — Гуляй ночью, если охота, но фиску я б на твоем месте выбросил. Именно настолько серьозо.

«Мелариум» был одним из самых популярных ночных заведений в Большом Ногалесе, столь же хорошо известным полиции, как и публике. Он являлся еще одним местом, где

могли смешиваться чистяки и труженики, где инженеры, маскохудожники и скромные сборщики могли общаться и разговаривать, не пребывая под бременем классовых предубеждений. В свете алкоголя и стимов все граждане были равны.

Он постоял некоторое время, наблюдая за шествием людей, втекающих в здание и выходивших, зачастую нетвердо держась на ногах. Ко входу подкатывали частные машины, работающие на водороде, высаживали своих оживленно болтающих пассажиров и проворно уносились на ближайшее доступное место парковки. Сборщики и другие работяги с окраин, слишком бедные, чтобы позволить себе личный транспорт, прибывали пешком с ближайшей индукционной станции. Но одеты они были столь же хорошо, а то даже и лучше, чем их более зажиточные сограждане.

Карденас позабавился, наблюдая и разнося по категориям изумительный диапазон жестикуляции и мимики. Когда с него хватило, он направился к главному зданию. Но не к главному входу, а к боковому, в стороне от толпы. Он искал соискателей, тех, кто слишком беден, или слишком мал, или слишком агро, чтобы их пустили в «Мелариум». Инспектор высматривал нинов, и поиск этот не занял у него много времени.

Своими татуированными черепами или сложно заплетенными волосами, своими иной раз клочковатыми, а зачастую откровенно-оскорбительными нарядами и, наконец, своим угрожающим снаряжением нинлоки без единого слова нагоняли страху на обыкновенных граждан. Они это знали, и поэтому, когда в их среду неосторожно забредал одинокий гражданин среднего возраста, им представлялось само собой разумеющимся, что тот либо спятил, либо пьян, либо обстимился, либо что-то еще. Но этот посторонний не вел себя, как псих, не пошатывался, словно пьяный, не нес невнятицу, как обстимившийся. Выходит, оставалось лишь Что-то Еще. И нины мигом заподозрили неладное.

Никто не удивился, узнав, что человек, столь смело разгуливающий среди них, был федералом. Но федералы были слишком умны, чтобы в одиночку погружаться в компанию нинлоков. А это предполагало, что у федоко вместе с его Что-то Еще упаковано и Нечто Большее. И наряду с ненавистью возникла неуверенность. Карденас воспользовался этим, чтобы задать вопросы.

Получив указание перебраться от бокового к заднему входу в «Мелариум», самое здание которого, казалось, пульсировало от бушующей музыки и энергии, инспектор засек взглядом Дикого Доха, как только тот попался ему на глаза. Этот перечеркнутый

вопросительный знак тут же выдал его. Да еще законченный пояс Нобуру, который паренек с гордостью носил на талии. Интегрированный распределитель соединял пояс с муз-очками закрывавшими изрядную долю лица парня. Его легкие широкие брюки «Страйкер» переливались от темно-лиловых до прозрачных в зависимости от того как падало на фототропический материал уличное освещение. Нижнего белья он не носил. Простой фильтрованный жилет светился серией вопросительных знаков, таких же, как выбритый у него на голове. Хотя вокруг такого выдающегося подкода вилось несколько девчонок, ни одна из них не походила на Катлу Андерсон.

Умиротворяюще воздействовали музухи или нет, Доху не очень понравился вид шагающего к нему усача. Окруженный взявшими его в плотное защитное кольцо юными Редкими Птицами, он дожидался, что принесут слова.

— Хойо, хомбер, — запустил он пробный шар из под очков. — Тут свободная улица, и мы никого не беспокоим.

— Ты из охраны? — Заговорившая девчонка показала на пульсирующую массу «Меларіума», до минимального возрастного предела которого ни она, ни ее спутницы не дотягивали.

Карденас покачал головой и, не обращая на нее внимания, сфокусировался на парне.

— Ты Дикий Дох?

— А кто интересуется? — осторожно ответил парень.

В качестве ответа инспектор поднял левую руку. Рукав задрался, открыв идент-браслет, мелькнувший намного более широкой, чем обычно, последовательностью LEDов. Карденас подправил их пульсирование до опто. Хоть парень и постарался не подать виду, увиденное произвело на него впечатление.

— Как я уже сказал, улица эта свободная. — Шагнув в сторону, он демонстративно посторонился, давая взрослому пройти. — Не наступите на какого-нибудь федоко.

Пара девчонок хихикнула.

Карденас оставил это предсказуемое малолетнее хамство без внимания.

— Как я понимаю, ты любишь веть с одной предпубкой по имени Катла Андер…

При упоминании имени девочки уверенный до той поры нин мгновенно и необыкновенно изменился. И толкнул ближайшую девчонку на Карденаса, который рефлекторно поймал ее, уберегая от падения. Одновременно жилет подкода взорвался, когда его владелец дернул за петельку, которая дестабилизировала вплетенные в жилет композитные

магнезиевые волокна. Ослепленный на мгновение светом, эквивалентным нескольким десяткам вспыхнувших разом доисторических фотовспышек, Карденас отшатнулся. Девчонки завизжали и лихорадочно терли глаза, тогда как Дикий Дох резко развернулся и рванул к высящейся рядом архитектурной массе «Мелариума».

Пытаясь избавиться от плавающих перед глазами тускнеющих лилово-желтых пятен, Карденас побежал следом за ним. И как же паренек собирался попасть в здание, гадал на бегу инспектор, и не находил ответа. Но подкод не удирал бы в том направлении, не будь у него на уме какой-то определенной крысиной норы. Любой другой на месте Карденаса оказался бы ослепленным вспышкой, гадая, в какую сторону удрал паренек. А Карденас знал, куда направлялся парень, так как тот за миг до взрыва своего жилета смотрел и кренился в сторону «Мелариума».

Подкод определенно поразился, увидев устремившегося к нему полицейского инспектора, пока возился со старомодным засовом, запиравшим заднюю служебную дверь. Прежде чем он смог провести по замку незаконным обессмысливателем, Карденас схватил его за плечо. Ожидая борьбы, или, по меньшей мере, какого-то вызывающего жеста, инспектор сильно удивился, когда парнишка расплакался. Слезы так и текли из-под музолинз. И боялся он не Карденаса — его до смерти пугало нечто иное. Вкрапленные миражовки рябили на тощей груди.

— Отколи! Я нада не сделал… я нада не знаю. Пор фавор, мадре, пожалуйста!..

— Не волнуйся, ниньо, все вакан. Успокойся. — Постепенно плач прекратился. Тяжело дыша впалой сложно изукрашенной грудью, Дикий Дох отключил музолинзы и неуверенно моргнул, глядя на удивительно сильного хомбера, крепко державшего его за руку. Не выпуская добычи, Карденас чуть отступил, пытаясь предоставить все еще испуганному пареньку как можно больше личного пространства.

— Ты… ты действительно федерал, так ведь? Вердад?

Медленно кивнув, Карденас выдал свою самую отеческую профессиональную улыбку.

— И ты не станешь меня трогать потому что… оттого что я сабе Катлу?

Инспектор мягко, осторожно отпустил руку парнишки. Потирая ее, Дикий Дох окинул его взглядом. Карденасу на мгновение подумалось, что подкод собирается снова задать стрекача. Но после того, как парень полыхнул своей вспых-рубашкой для дезориентации преследователя, его шансы скрыться сильно уменьшились, и он это знал.

— А с какой стати мне, или, если уж на то пошло, любому другому захотелось бы тронуть тебя только потому, что ты знаешь Катлу Андерсон?

— Чингаме, — пробормотал мальчишка. — Может, потому, что Катла разговаривает со мной, рассказывает мне всякое, а кто-то, может, боится, что я трындель, орикон.

— Трепач? — улыбнулся Карденас. — Это почему же? Ты и правда слишком много болтаешь?

Дох быстро замотал головой.

— Вовсе нет. Но есть люди, которые напрочь не верят на слово, сабе? Я умею держать язык за зубами. Но всегда есть те, кому охота помочь тебе в этом. — Страх его начал, наконец, таять, и он окинул Карденаса почти таким же взглядом, каким смотрели на него былые подруги Катлы в соче. — С ней все в порядке, с Катлой?

— Мы не знаем. Она не появилась сегодня в соче.

Дох медленно кивнул, словно наполовину ожидал этого.

— Я боялся — я всегда боялся за нее. Такая тихая Катла-клавиша. Милочка Катла. — Инспектор испугался, как бы парнишка снова не ударился в слезы. — Она, бывало, рассказывала мне о некоторых вещах.

От грохота, пульсирующего в глубинах «Мелариума», у Карденаса начинала болеть голова. Он не шибко уважал современную музыку. С его точки зрения, добавление к маримбе электроники, эховерба и тяжелого баса было путаным искажением прекрасной традиции. В этом он представлял собой исключение, прекрасно осознавая это. Большинство его коллег упивалось громовым усиленным пульсированием звука.

— Каких «вещах»? — поощрил он подкода по возможности деликатно.

К мальчишке стала возвращаться прежняя вызывающая манера держаться.

— А с какой стати мне тебе что-то рассказывать, федоко? Если ты вердад, то ничего мне не сделаешь. Ничего незаконного при мне нет. — Он постучал себя по тощей украшенной миражовками груди. — Я ничего не прячу.

Карденас показал на все еще обтягивающий талию парнишки броский пояс.

— Впечатляющий набор.

Слегка сбитый с толку такой сменой темы, Дикий Дох быстро оправился. Так как музолинзы по-прежнему оставались отключенными, инспектор заметил, что один глаз у парня голубой, а другой черный.

— Без тонтос[24], хомбер. Почти целый год собирал весь

комплект.

— Но кое-что пропустил. — Карденас показал на пробел с правой стороны пояса. — Могу достать тебе Седьмую Ноду.

Последние остатки настоящего страха в глазах мальчишки сменились алчностью.

— Чингуешь, федоко. Седьмую Ноду никто достать не может. Они пропали, умуэртвились, кончились, заэкспиались. Нобуру отправил всего несколько, прежде чем комиссио по безопу заставила их прекратить и демонтировать.

Карденас отвел взгляд, словно ему было совершенно безразлично все, что мог подумать Дох.

— Именно такое я и слышал. Знаешь, нам по ходу работы случается конфисковывать всякие незаконные материалы, которые люди пытаются тайком провезти через такие места, как Санхуана и Пеньяско.

— Ты действительно можешь заполучить Седьмую Ноду? — Карденас промолчал, а Дикий Дох помассировал ладонью левой руки недавно подсаженную миражовку и пробормотал: — Чего ты хочешь узнать, хомбер?

— Ты боишься за Катлу Андерсон, потому что она знает определенные «вещи». И боишься за себя, потому что она рассказывала тебе об этих вещах. — Карденас сцепился взглядом с подкодом и не отпускал его. — А теперь ты можешь передать их мне. Не волнуйся. Что бы там ни было, твое имя в деле фигурировать не будет. Я об этом позабочусь.

Дикий Дох медленно кивнул.

— Да уж, лучше позаботься, федоко, а то однажды найдешь меня в конце калле[25] со всеми семью нодами в зубах. Катла, она всегда болтала о своей семье.

— У нее были какие-то семейные проблемы?

— Только не у Катлы, хомбер, уж никак не у Катлы! — Паренек зажестикулировал, призывая к молчанию, и Карденас снова принялся слушать. — Она была отличная девчонка. Правда, отличная. Но, как я сказал, транкило[26]. Уже не девочка, но еще и не женщина. Но здесь… — он постучал себя по голове, аккурат там, где ее окружал ремешок музолинз и ниже зеленой изгороди из волос — …она была металл, хомбер. Металл и Музон, и желторотый ящик на плечах, сабе?

— Значит, она была умная.

— Не просто умная, федоко. Взять, к примеру, меня. Я, может, и антиоб, но у меня есть хороший кранч, понимаешь? В натуре. Но по сравнению с Катлой, и я и мои компадрес просто криль. А проблемас были не у нее. Они возникли у остальной семьи. — Подавшись вперед, он понизил голос до шепота, словно

поблизости могла таиться какая-то громадная, зловещая сила, следящая и слушающая. — Ты когда-нибудь слышал о хомбере по имени Клеатор Моккеркин?

Карденас с миг подумал и отрицательно покачал головой.

— Папаша Катлы. Настоящий характер фео[27], дурной хомбер, сабе? Вердад чингаринга. Во всяком случае, именно так говорила мне Катла. Он…

— Минутку. — Говорил Карденас по-прежнему сочувственным тоном, но, тем не менее, этот тон заставил подкода оборвать фразу. — Ты уверен? Клеатор Моккеркин?

Парнишка ничуть не заколебался.

— Эй, федоко, думаешь, я мог бы напутать с таким имечком?

— Она когда-нибудь упоминала о Джордже Андерсоне? — не отставал инспектор.

Лицо парня исказилось.

— Андерсон? Катла говорила, мол, это тот хомбер, который живет с ее матерью. Что ты о нем знаешь?

Как раз над этим вопросом Карденас немало размышлял в последнее время. И связанных с ним подробностей от этого дерзкого и все же напуганного парнишки ждать не приходилось.

— Неважно. Значит, Катла не любила своего папашу, говорила тебе, что он мало[28]. И что насчет него? Что она тебе рассказывала?

Дикий Дох с самого начала не казался особенно диким. Теперь же он выглядел просто обеспокоенным.

— То, что я обещал никому больше не рассказывать. Хой, знаю, ты можешь получить ордер на выкачку правды. — Глаза мальчика-мужчины впились в смотрящего на него следователя умоляющим взглядом. — Прошу тебя, хомбер, не делай этого. Не заставляй меня стучать на нее.

— Не волнуйся. — Карденас приложил все силы, пытаясь успокоить паренька, насколько любой федерал мог успокоить нинлоко. — Я прошу тебя помочь, а не давлю.

Дох устремил взгляд мимо инспектора, мимо нависающей, громыхающей массы «Мелариума», в ночь.

— Он богат, этот ее папан. Купается в динеро[29]. Держится особняком. Катла, она не так уж много и знала о его бизнесе. Так, слышала иногда, как он орал в голком. Скверные слова, хомбер. Мат-перемат. И не просто ругань, а угрозы, сабе? Она рассказывала, что он говорил страшные вещи, страшно угрожал, если думал, будто выходит не по его задумке. Как-то раз она долго не ложилась и прошла мимо его кабинета, и рассказала, что ей послышалось, будто оттуда доносились вопли. Вопли и громкие звуки.

— Какие звуки? — терпеливо спросил Карденас.

Дикий Дох на миг задумался.

— Примерно вот такие. — И, опустив правую ладонь, с силой шлепнул по гладкой мостовой. — Громкие, но приглушенные, словно по земле колотят чем-то мягким и тяжелым. До своей комнаты она добралась бегом. Этот Моккеркин, он дрался и с ее матерью. Сурци… — Инспектор кивнул. — Бил ее бывало не только руками, но и словами. По словам Катлы, мать говорила, что слова били больнее рук. Я пару раз встречался с ее мамашей. — Парнишка сделал бессознательный жест, означающий умеренно-непристойное одобрение. — Что за чудо, хомбер! — И поспешил сделать оговорку комплименту. — В смысле, для старой леди.

— Значит Моккеркин, бывало, бил мать Катлы. А может, и других людей. Еще что-нибудь? Как насчет самой Катлы?

Дох отвел взгляд.

— Я обещал не говорить, хомбер.

Карденас мог быть очень убедительным.

— Только мне, хомбер, — подался он к парню. — Обещаю, никуда дальше сказанное не пойдет.

И все же Дох колебался. Наконец, он придвинул рот вплотную к уху Карденаса. И от того, что он шептал, по коже инспектора пробежали мурашки. Карденас ничего не сказал, только выслушал и, когда дрожащий подкод закончил, выпрямился и серьезно посмотрел на мальчика.

— Она говорила, насколько часто это случалось?

Паренек отвел взгляд.

— Слишком часто. Раз в неделю. Иногда чаще. Она говорила, он называл это «дружничать». Говорила, ее трогали так, что ей тошно становилось, иногда она уходила в уборную и блевала. Но никогда не рассказывала. Никогда. Так что сам понимаешь, хомбер, — продолжал паренек, — почему она не очень-то обожала своего папана. Именно в этом все и дело, это-то и заставило ее мамашу свихрять при первой же возможности. Хотя, по словам Катлы, ее мамаша знала, что этот Моккеркин просто взорвется, когда выяснит.

— Так значит, они убегали. — Среди водоворотов мыслей инспектора начало смутно вырисовываться объяснение по меньшей мере нескольких ранее непроницаемых загадок. — От своего мужа и отца Катлы, этого типа Моккеркина.

Дох энергично закивал.

— По словам Катлы, ее мамаша больше года работала над их отрывом. Она готова была скорей умереть, пытаясь сбежать, чем хоть день еще прожить с тем хомбером. — Он знающе улыбнулся,

готовый поделиться еще одной тайной. — Конечно, им требовалось на что-то жить. Поэтому ее мамаша, говорит Катла, сротала немного деньжат мистера Моккеркина.

— Сколько? — уточнил Карденас.

— Нонада[30], — пожал плечами парень. — Не уверен, что и Катла знает. Больше миллиона, меньше миллиарда. В любом случае это в общем тодо[31], чего она мне рассказала. Лишь что их было много. Достаточно, чтоб заставить папочку Моккеркина взбеситься сильнее, чем разозлился бы, просто выяснив про вихренье его женщины и дочки. Как я миро[32], эта чика Сурци респирает его личную жизнь, его деньги и его решпект. Хой, случись вдруг нечто такое со мной, я сам мог бы стать малость чересчур, сабе? И еще одно: сделали они это не в одиночку. Катла говорит, будто у ее мамаши был друг, который им помог. Один из самых близких деловых помощников папаши, какими б там делами тот ни занимался. — Он покачал головой. — Если этот чингарун Моккеркин и так уже не взбесился, то уж рогов, которые наставил ему партнер с его же женщиной, должно было хватить, как думаешь?

— Значит, Сурци сбежала с одним из партнеров Моккеркина, его дочерью и его деньгами. Катла рассказывала тебе, кем был тот партнер? Держу пари, его звали Джордж Андерсон.

Дикий Дох глянул на него с недолгим, но тем не менее желанным видом превосходства.

— Неверно эзе[33], федоко! Что до меня, то я никогда не видел этого хомбера. Но вот Катла, она как-то раз упомянула про него. Сказала, он, мол, был верным другом ей и ее мамаше, прежде чем они захомутали этого хомбера Андерсона. Буммер… нет, Бруммель. Хой, именно так. Уэйн, по-моему. Уэйн Бруммель.

Изумительно, размышлял Карденас, как многочасовые раздумья над спутанной граммой приводят лишь к перенапряжению мозгов, когда для разъяснения всего нужно лишь слово-другое от дерганого подкода. Благодаря этому нервничающему пареньку инспектор теперь со всей определенностью знал, кем был Уэйн Бруммель, равно как и Джордж Андерсон. Они были одним и тем же человеком, двумя личностями, и оба покойными.

Это объясняло, почему Сурци Андерсон-Моккеркин так нервничала, говоря с Карденасом по голкому. И то, почему она так и не появилась в морге. Услышанное от парня рассказало ему, почему ее самый обыкновенный на вид, ничем не примечательный инурбный дом был превращен в сложную роботизированную бомбу. Страшилась она не полиции. И не взломщиков или бродячих извращенцев. На самом деле она до

ужаса боялась оставленного ею мужа.

Конечно, Джордж Андерсон-Бруммель мог просто свернуть сырой ночью не туда, лишь для того, чтобы его там распылила шайка болтающихся нинлоков, ищущих легкую дичь. Смерть его могла быть случайной, не более чем еще одним пунктом печальной статистики в вечернем полицейском подсчете. Сурци явно думала иначе. С дочерью на буксире она вихрянула, самбулала, сделалась нерасположенной к контактам.

И если Джордж Андерсон-Бруммель столкнулся с гуманоидами, каких мог нанять на долгий срок некто вроде этого Моккеркина, такое поведение было, вероятно, самым разумным. Выяснять, какая из правд ближе к истине, не входило в задачу Анхеля Карденаса, но он теперь слишком глубоко погрузился в обстоятельства дела, чтобы подать назад с неуязвленной совестью, не говоря уж о чувствах профессионала.

Он порылся во внутренних карманах пиджака. Выудив «вафлю», он пропустил ее через спиннер, совершая одну небрежную операцию. А затем отдал ее подкоду.

— Иди с этим в «Ногалесский Центральный». Или если у тебя, гм, есть причины не желать заходить туда самому, то отправь кого-нибудь другого отнести ее. Доставь ее в отдел «Контрабандных Операций», на третьем уровне. Скажи там, что эту штуку дал тебе я — идент на ней проставлен — и отдай ее дежурному полицейскому. И тебе живо доставят твою Седьмую Ноду из отдела Реквизита. — Когда уставившийся на него непонимающим взглядом парень никак не прореагировал, Карденас любезно добавил: — Для твоего пояса. Я держу свое слово. — И с этими словами повернулся, готовый уйти.

— Хой! — Оглянувшись, инспектор увидел таращащегося ему вслед ошарашенного подкода. — Ты уверен, что ты федоко, хомбер?

Карденас улыбнулся.

— Не все мы смотрим на вас как на мусор, Дох. Я лично твердо убежден, что в каждом объединении есть люди, которых можно спасти. — Улыбка его слегка расширилась. — И неважно, сколько миражовок им надо носить, чтобы выглядеть ваканно.

И снова зашагал прочь.

5

Еще более замечательным, чем извлеченная из уличного нина информация, стало известие, что Хаяки проснулся, бодр и шунтанут из ИЦ. Карденас застал его плавающим в гелевой ванне, похожим с виду на парализованного ленивца, застрявшего посреди гигантского пудинга. Хотя насыщенный лекарствами гель медленно пропитывал кожу и помогал исцелиться всему телу, подлинный смысл заключался в ускорении отрастания нормальной эпидермы под тонкой защитной пленкой искусственной кожи. Гель был прохладным и облегчал боль до такой степени, что на сторонний взгляд пострадавший сержант чувствовал себя почти комфортно.

Почти.

Подсоединенная паутина трубок по-прежнему подавала питание и удаляла отходы жизнедеятельности, одна, расположенная около головы, снабжала его ледяной водой и фруктовым соком, которые он мог теперь принять через рот. Когда вошел Карденас, Хаяки негромко произнес команду, и одна из питательных трубок вошла ему в рот. Инспектор подождал, пока его друг и напарник не закончит пить, и лишь тогда переместился в поле зрения сержанта.

— Я вижу, у тебя всегда найдется место для «Джелло»[34].

Тонкие, гибкие держатели не давали телу медленно погрузиться на дно ожогового чана, но Хаяки все же мог достаточно повернуть голову, чтобы сфокусироваться на говорившем.

— Он мне больше нравился с фруктами, хотя, похоже, плавать в нем лучше налегке. — И улыбнулся, хотя и не так охотно, как обычно. — Теперь я никогда больше не буду смотреть на Смоляные Ямы Ла Бреа[35] с той же беззаботностью. — Улыбка растаяла. — Что произошло?

— Резиденция Андерсонов была заминирована. И тебе в итоге досталась изрядная доля заряда.

— Дай-ка я угадаю. — Широкое тело едва-едва шевелилось в желатиновой ванне. — Ты сынтуитил, что именно должно случиться, вот потому-то ты и разгуливаешь, сверкая виноватой улыбкой, а я застрял в этой миске антисептического студня с крутейшим из всех загаров.

— Да, именно так, — отпарировал Карденас. — Я так сильно люблю взрываться, что решил подождать до последней минуты, желая хорошенько нюхнуть кордита. — Лицо его сделалось серьезным. — У тебя все нормально?

Лицо Хаяки отразило испытываемое им отвращение.

— Две тысячи триста шестьдесят два канала и ни черта такого, что стоит смотреть. Еще не нашел мать и дочь Андерсон?

— Нет, но выяснил несколько иных вещей. — И просветил сержанта по части результатов своего расследования. Когда он закончил, рослый полицейский хотел было кивнуть, но скривился от боли и остался неподвижен.

— Похоже, мотивом послужило нечто большее, чем обычная бытовая жестокость.

— Без тонтос, — согласился инспектор. — Если у этой мамаши Сурци такой богатый опыт по части умения скрываться от мужа, как кажется, найти ее будет нелегко. На Полосе затеряться не трудно. Особенно если ты достаточно обеспечен — и достаточно напуган.

— В соче она девочку больше не отправит. Во всяком случае, на какое-то время забудет об этом. После того дела с домом они зароются еще глубже, чем раньше. — Хаяки на мгновение умолк. — Надеюсь, ты разыщешь их раньше, чем ее бывший муж.

Карденас серьезно кивнул. У него возникло очень сильное ощущение, что если им не удастся найти мать с дочерью первыми, то, обнаружив их, они расстроятся еще больше, чем при виде некоего Джорджа Андерсона-Бруммеля.

— Жаль, меня не выпускают отсюда. Мне действительно хотелось бы помочь с этим делом. — Хаяки сверкнул той чудесной улыбкой Будды, которая очаровывала детей и успокаивала женщин. — Я не держу зла на мать с дочерью. Все это со мной сделал дом, а не они.

Инспектор наклонился над чаном.

— Никуда ты не пойдешь, пока не залечишь спину. Я буду держать тебя в курсе мессагами. — И повернулся к выходу.

— Хой, Анхель! — Карденас оглянулся. — Знаешь, что самое худшее, когда застрянешь вот так? — Инспектор покачал головой, и его напарник со скорбью объяснил: — Я терпеть не могу «Джелло».

Для получения доступа к информации о Клеаторе Моккеркине не потребовалось много кранча, и не понадобилось прибегать к услугам ящичного туннельщика. В файле конфиденциального макросье содержалось даже больше сведений, чем хотелось знать Карденасу.

Нынешнее его местонахождение оставалось неопределенным, хотя было известно, что он часто наведывался в свои резиденции в Большом Майами, Лале, Нолинсе и Харлингене. Это не очень удивляло. У такого человека, как Моккеркин, наверняка имелось

много врагов и никаких друзей, кроме купленных и оплаченных. По всем отчетам он был весьма неприятным типом. Список его приводов в полицию составлял обширный каталог антиобной деятельности, простирающейся от мелких краж в подкодном возрасте до мошенничества, поджогов по заказу, нападений со смертельным оружием и без оного, вымогательства, сексуального насилия и так далее, вплоть до трех арестов за убийство — одно прямое и два через наемников. Хотя он отмотал три отдельных срока в тюряге, ему ни разу не доводилось сидеть за те тяжкие преступления, в которых его обвиняли.

Интересное дело, его также обвиняли в незаконном приобретении оружия. Данное обвинение проистекало из его участия в парагвайских мятежах 69 и 71 годов. Благодаря многочисленным контактам в Центральной и Южной Америке он достаточно разбогател, чтобы откупиться или отделаться от самых серьезных соперников. И что еще хуже, он мог позволить себе это, не марая рук честных полицейских: адвокатов, чье судебное мастерство которых было обратно пропорционально морали, было предостаточно. Если верить списку приводов, ему бы следовало прямо сейчас сидеть в тюрьме.

Вдобавок к этому длинному стат-списку имелось и несколько вит-клипов. Уединившись в своем тесном кабинетике, Карденас вновь и вновь прокручивал их. Записи, сделанные при слежке и в зале суда, показывали высокого, весьма загорелого субъекта чуть моложе инспектора, с коротко стриженными очень белыми волосами, мускулистым торсом и маленьким ртом с плотно сжатыми губами, открывавшимся только для речи. Он никогда не улыбался, не хмурился, и вообще его лицо никогда ничего не выражало. Особенно интересны были виты, сделанные в зале суда. Моккеркин обладал одним из тех голосов, которые традиционно именовались «ядовитый язык». Даже его небрежные реплики «в сторону», предназначенные своим адвокатам или сторонникам, бывали пропитаны ядом. А его блиставшие удивительной эрудицией выступления на свидетельском месте отличались тем высокоразвитым чувством сарказма, которое сделало бы честь любому политическому доке из лагеря правых. Сразу делалось ясно, откуда у него взялось прозвище, одинаково популярное и среди блюстителей порядка и среди представителей преступного мира.

Карденасу на протяжении его карьеры довелось познакомиться не с одним антиобом. Он знал Маленького Наполеона и Типо Репо. А также Фрегадо Фредди и Асину Ноги, Марианну Молто и Джонни Полморды, «Молнию» и Гразо Карлоса. И к этому длинному перечню антиобов можно было

теперь добавить Клеатора Моккеркина — или же Моккера, Насмешника. Именуемого для удобства просто Моком. Подходящее прозвище, решил инспектор, вновь прокручивая витфайл. Столь отталкивающий антиоб, он действовал весьма успешно и представлялся опасно умным. Не из тех, кому захочешь встать поперек дороги. Сбежав с его женщиной, с его дочерью и его деньгами, бывший помощник Моккера Уэйн Бруммель проявил изрядное мужество.

Или исключительную глупость.

Сколько в этом плане было задумано Бруммелем-Андерсоном, гадал Карденас, а сколько Сурци Андерсон-Моккеркин? Если хочешь успешно избежать внимания такого субъекта, как Моккеркин, для этого потребуется время и хорошо разработанный план. А бывшая жена Моккеркина была по всем отчетам достаточно привлекательной и умной, чтобы сбежать без всякой помощи. Хотела ли она приобрести немного дополнительной защиты для себя и дочери или действительно была влюблена в несчастного Бруммеля? Ответить на этот вопрос могли только два человека. Один из них был убит, выкачан и одракулен, а другая серьозо завихряла.

Для уклонения от длинных рук и мастерства Мока им, вероятно, потребовалось изрядно поездить. Карденас подозревал, что, сверься он с записями налогового инспектора, обнаружилось бы, что семейство Андерсон не очень долго занимало свое недавно разрушенное жилище. Он пока не знал, сколько именно времени эта троица пробыла в бегах. Но узнает. И, несомненно, смена места жительства совпадала с соответствующим изменением личности.

Единственное, чего он не мог определить из доступной информации, так это характер деятельности покойного Андерсона-Бруммеля. Тот был промоутером, спору нет. И промоутировал он самого себя. Успешно промоутировался в доверие к Сурци Моккеркин, промоутировался в пропавшие деньги Мока и промоутировался, как минимум, в полдюжины противозаконных банков органов здешнего сегмента Полосы, где его разные спешно присвоенные части тела пойдут за хорошую цену. И, как знал Карденас, такой тип, как Моккеркин, не удовольствуется смертью одного лишь Бруммеля. Мок не успокоится, пока к нему не вернутся отсутствующие компоненты его беглой семьи. Если такое случится, то Катла Моккеркин, вероятно, останется невредимой. Во всяком случае, физически.

Инспектор не стал размышлять, чем такое решение вопроса может обернуться для Сурци Моккеркин. Он имел дело со многими субъектами вроде Клеатора Моккеркина и потому не

питал никаких иллюзий насчет того, как подобные люди поступали с предавшими их женщинами. Севамериканской Федеральной Полиции требовалось побыстрей найти эту Сурци и ее дочь, пока их не настигли приспешники Мока. Очень жаль, размышлял инспектор, что эти покамест неизвестные и неопознанные личности не вошли в покинутый дом Андерсонов, опередив их с Хаяки.

И мать с дочерью теперь снова в бегах. На сей раз они, надо полагать, убегают лишь вдвоем. Он сомневался, чтоб столь ловкая особа, как Сурци Моккеркин доверилась более чем одному постороннему. И раз теперь служивший им буфером мужчина исчез, ей придется делать все самой. Что же касалось Катлы, то в дополнение ко всем ее талантам, о которых Карденас уже узнал, он добавил такое качество, как способность быстро восстанавливать физические и душевные силы.

Покуда он предавался раздумьям, созерцая переливающиеся над противоположной стороной стола глубины ящичного туннеля, в нижнем правом углу его возникла записка. Его хотел видеть капитан. Карденас улыбнулся. От внимания Пэнгборна ускользало очень немногое. И чем выше профиль дела, тем больше свербело в заднице у начальника инспектора. А уж если он следил за ходом этого дела, то тогда, должно быть, чесался, как безумный.

Он сохранил пополненное макросье, закрыл вит и направился вверх по лестнице.

У Шона Пэнгборна был свой кабинет. Не тесный закуток, не подраздел сектора этажа, занятого многими разными службами, а настоящий кабинет. Благодаря его местонахождению на предпоследнем этаже штаб-квартиры Ногалесского Отделения Федеральной Полиции (верхний этаж окружала со всех сторон броня, и он отводился под отдел баллистики и подразделение быстрого реагирования), визитер мог видеть оттуда половину поперечного сечения Полосы, устремиться взглядом мимо одетых в зелень кодо и небоскребов с расположенными в них конторами, мимо деловито гудящих макиладор и торговых галерей и помечтать о прохладных водах Калифорнийского залива.

Инспектор расположился в кресле. К Пэнгборну он относился с симпатией, и симпатия была взаимной. У них было много общего помимо возраста и опыта. Хотя бы то, что ни тот, ни другой не были целиком изначальными. Оба щеголяли замененными частями: у Карденаса это были глаза, а у Пэнгборна часть уха и другие, более чувствительные участки, о которых все знали, но остерегались даже намекать в его присутствии. Оба являлись старшими федералами и одинаково понимали

справедливость и несправедливость и то, что иногда, наверное, можно сделать для устранения последней.

Однако ни тот, ни другой не относились к числу невинных младенцев. Они знали, что не могут уничтожить зло, а в состоянии лишь уменьшить его. На Полосе иногда хватало и этого.

— У меня есть для тебя траба-джоб, Анхель. — Пэнгборн изучал взглядом подвешенный в воздухе справа от него экран. С того места, где сидел Карденас, он не мог различить подробностей. — В Санхуане. Филиал «Макровенди ЕУ», Милан, — знаешь такую фирму? — орет благим матом, оттого что кто-то спаззует половину их новых моллисфер прежде, чем те успевают вставить в их новые чувственники. Поскольку их органические копатели ничего не нарыли, они пришли с протянутой рукой, моля о помощи низких федералов. — Он махнул рукой сквозь экран, временно исказив слаженную ауру. — Я подумал, что тебе, возможно, захочется провести несколько дней на побережье. Пораскапывай немного для «Макровенди», отыщи их компрометатора, запроси пару ордеров. Департаменту никогда не помешает немного хорошего пиара.

Карденас недоверчиво улыбнулся.

— Если тебе все равно, Шон, то я предпочел бы остаться здесь и разобраться с тем, над чем работаю прямо сейчас.

Пэнгборн, нахмурившись, велел экрану убраться. В ответ на устную команду паривший у него над столом информационный призрак исчез.

— Чинга, Анхель. Половина народу в Департаменте знает о задании для «Макровенди», и в последнюю пару дней они все как один целовали мне начу, пытаясь получить его. — Он экспансивно взмахнул рукой. — И вот я подношу его тебе на блюдечке, а ты мне в ответ, мол, спасибо не надо.

Карденас пожал плечами. Когда надо, он умел расходовать слова столь же скупо, как и креды из своего жалования.

— Это ни ответ, ни объяснение. — Раздраженный Пэнгборн вызвал экран на другой стороне стола. Отдавая ему команды, он, прищурившись, внимательно изучил взглядом результаты. Через пару минут снова повернулся к визитеру, так и не убрав занимающий виртуальное пространство сбоку от стола вызов.

— Скажи мне, Анхель: чего такого особенного в этом деле? Допускаю, в него вовлечено несколько интересных персонажей, но детали предполагают, что объяснения-то банальные. Жена сбегает, прихватив изрядную долю денег мужа, с одним из его партнеров и с их ребенком. — Он бросил короткий взгляд на экран. — Разумеется, учитывая послужной список этого куло

Моккеркина, было б очень даже неплохо пришить ему что-нибудь. Но это же работа и слежка для новичков, сбор новых сведений и простое сложение. С этим может справиться любой младший сотрудник.

— Тут имело место умерщвление, — указал Карденас.

Пэнгборн закатил глаза.

— Обыкновенное убийство из мести. Ничего неординарного. Судя по подробностям в досье на этого покойного Андерсона-Бруммеля, сомневаюсь, что соче-в-гранде[36] понесло такую уж большую утрату. С этим делом справится и кто-нибудь другой. Отправляйся в Санхуану, пораскапывай с недельку для «Макровенди», проведи некоторое время на пляже, миреясь с чиками. — Он заговорщицки понизил голос. — В бухгалтерии есть место для движения. Думаю, мы сможем устроить тебя в «Коронадо». А что до этой заурядной злополучности… — он указал на мерцавший внутри призрака файл только-для-чтения — …то я брошу на него Гонсалеса или Ратленда.

Карденасу не хотелось спорить с Пэнгборном. Капитан был одним из немногих в департаменте, кто почти понимал, на что похоже бытие интуита. Почти.

— Мне действительно хочется довести это дело до конца, Шон. Как старший инспектор я могу козить некоторое влияние.

— Полагаю, именно это и происходит, когда люди начинают стареть. — опечалился Пэнгборн. — Они тогда начинают страдать от приступов безумия; сперва слабых, постепенно развивающихся в помешательства, которые в конечном итоге начинают затуманивать им рассудок. — Он откинулся в кресле, которое оценивающе вздохнуло. — Либо дело в этом, либо ты проявляешь больше, чем типичное упрямство. Но впрочем, ты ведь знаешь, что я просто ругаю тебя и намерен предоставить тебе барахтаться в той грязи, которую ты сам выберешь. Не так ли?

— Конечно, знаю, — усмехнулся Карденас. И он не лгал.

Когда Пэнгборн поднялся с кресла, инспектор встал вместе с ним. Двое старших офицеров полиции прогулялись до двери в кабинет капитана.

— Прослужив в полиции тридцать лет, я усвоил две вещи. — Пэнгборн тронул себя за искусственное ухо, у которого протез не вполне сросся с изначальным хрящом. — Не пытайся взывать к здравому смыслу того, кто специализируется на остроумии, и никогда не играй в покер с интуитом. — Он положил руку на плечо инспектора. — Окажи мне одну услугу, ладно? Закончи это как можно быстрее и постарайся не дать себя распылить по ходу дела.

Карденас подошел достаточно близко к двери, чтобы та

среагировала на его присутствие, опознала инспектора и открылась.

— Постараюсь. Смерть всегда осложняет расследование.

— Не говоря уж о том, что добавляет возни с бумагами. — Пэнгборн отпустил его притворно-раздосадованным взмахом руки. — А в Санхуану отправлю Гонсалеса. Он может прихватить с собой свою новобрачную. Поселю их на несколько дней в «Коронадо», он с меня иконы писать будет. — Тон его сделался более серьезным. — Береги себя, Анхель. Обычные наемные головорезы меня не тревожат. Но прочитанное об этом Моккеркине — настораживает.

— Меня тоже. Спасибо, Шон.

Покидая этаж с кабинетом капитана, Карденас не испытывал никакого торжества. Только спокойное удовлетворение от того, что ему будет позволено продолжать заниматься той задачей, которую он сам перед собой поставил. Он чувствовал, что обязан это сделать ради Хаяки. Чувствовал, что это нужно для него самого. И по какой-то неопределенной причине он считал себя обязанным сделать это ради кое-кого, с кем пока еще не встречался.

Ради двенадцатилетней девочки по имени Катла Моккеркин.

Чем больше он узнавал о Моке, тем меньше ему нравился этот субъект. Имеющуюся информацию приходилось добывать из недр центрального севамериканского ящика макросье. В популярных СМИ не проскакивало почти ничего. Клеатор Моккеркин явно был одним из коварно-умных антиобов, что не испытывали ни потребности, ни желания видеть свой снимок мелькающим в вечерней передаче. Он ценил анонимность не меньше, чем могущество.

А могуществом он обладал немалым. За следующую пару дней Карденас связал с Моком финансовые звенья полусотни линий, опоясывающих весь земной шар. Вдобавок к незаконной торговле оружием во впечатляющих масштабах Моккеркин извлекал доход из торговли запрещенными лекарствами, сифонил кранч, добывал и продавал виды, занесенные в Красную книгу, а также запрещенные «вафли» и молли. Этот доход пополнялся деньгами с более заурядной деятельности, вроде вымогательства и похищения людей. Из этих денег не нашлось бы ни гроша честных, но все они были шикарно отмыты, и крутилось их достаточно много, чтобы ввести в искушение даже сведущего подчиненного вроде покойного Уэйна Бруммеля, которому уж точно следовало б знать, что к ним лучше не прикасаться.

Этот Мок был педантично разнообразным фелеоном. Самый

настоящий вердад скверный чингарун. Если его приспешники настигнут сбежавших Сурци и Катлу раньше властей, то, как знал Карденас, результатом будет отнюдь не ожесточенный спор, за которым последует ряд согласованных визитов к брачному консультанту. Насчет дочери инспектор ничего предположить не мог, но он серьезно сомневался что Сурци хорошо спится в эти последние дни.

После долгих часов, проведенных за просмотром инфы, он расслаблялся, прогуливаясь ночью по улицам Полосы, зыркая темными глазами из стороны в сторону и сбрасывая прогулкой накопившуюся за день энергию. Он не обращал особого внимания на броские выставки, на сверкающие муниципальные произведения искусства или на назойливых рекламов. Его интересовали люди; суетящиеся обитатели Полосы во всей их многообразной, колоритной этничности, попурри из разных цветов, размеров и форм. В этом коммерческом центре западного полушария случайный слушатель мог шнекнуть якк на нескольких десятках языков и диалектов, от азеров до зулусов, вдобавок к преобладавшим испанскому и английскому. А в основе всего этого лежал, подобно ряду разговорных пружинных матрасов, провинциальный суржик Полосы — нервное отрывистое гибридное арго, известное под названием испангон, испано-английский жаргон.

Карденас мог волубать с самыми лучшими из них. Его беглое владение речью любых групп часто удивляло нинлоков и пожирателей тины, с которыми ему нередко приходилось иметь дело. Чего он не мог произнести, то подразумевал — одна из выгод пребывания в интуитах.

Почему он не поймал Пэнгборна на его предложении? Ведь пляжи Санхуаны он любил ничуть не меньше любого другого туземца. Капитан был совершенно прав, говоря, что с делом странной цепочки Андерсон-Бруммель-Моккеркин могли разобраться и младшие инспектора. Уж не был ли Карденас и вправду этаким тайным мазохистом, как подозревали некоторые из его более молодых коллег? Ведь он не добивался какого-то повышения. За последние пять лет он отказался от полудюжины более высокооплачиваемых (и куда менее рискованных) административных постов.

Сегуро[37] разумеется, он любил Полосу, с ее шумом, своеобразием, сюрпризами и постоянным нескончаемым действием, которых недоставало в его собственной жизни. Но это не служило достаточным объяснением. Равно как и отсутствие стабильной домашней жизни, хотя его недавние отношения с дизайнером из «ДженДайна»[38] Ипатией Спанго продлились

дольше большинства подобных связей. Может быть, дело заключалось в том, что он расточал любовь, которую носил в себе, словно тщательно охраняемую ценность, на ребят вроде Живчика Г, Бак-а-рана, и, совсем недавно, Дикого Доха. Именно они-то и были его семьей. Там, где большинство федералов выдавали лишь повестки в суд, Анхель Карденас также дарил надежду. На Полосе обитали разные подкоды, нины и сироты, которых он еще даже не встречал, и все они, несомненно, заслуживали спасения.

И Катла Моккеркин, как представлялось не только возможным, но и в высшей степени вероятным, была одной из них. И он отлично понимал, что любые младшие инспектора, которым поручат это дело, вряд ли будут сообразовывать свои действия с данной возможностью. Карденасу не требовалось интуитить эту девочку для осознания, что ее стоит защищать. Для этого хватало и знания, что она была нормальной с виду двенадцатилеткой, имевшей несчастье угодить в жернова между двуличной, хоть и стремящейся защитить дочь, матерью и аморальным, пугающим отцом.

Он никак не ожидал, что кто-либо помимо внутреннего круга Мока и Севамериканской Федеральной Полиции будет интересоваться обстоятельствами, окружающими лихорадочно-поспешное бегство Сурци и Катлы Моккеркин из мирного окружения инурба Ольмек, не говоря уж о том, чтобы знать о них. И поэтому немало удивился, когда после ужина в патио ресторана «Чере-шери», расположенного чуть дальше по улице от его кодо, к нему приблизилась пошатывающаяся маска в человеческом обличье, выдавшая шепотом фразу:

— Следуй за мной, си, федоко, если все еще хочешь задокать Мока.

Тощая фигура не остановилась, а продолжала, кренясь, двигаться по пешеходной улице, словно некое неуравновешенное пугало, сбежавшее с родимой фермы.

Текучие очертания морфомаски подергивались рябью при каждом шаге закамуфлированной фигуры. Поспешно заплатив по счету, Карденас последовал за ней. Он не мог даже уверенно сказать, мужчина или женщина таится под этим постоянно меняющимся покровом. Когда фигура свернула в переулок, освещенный лишь рассеянным светом остатков фототропической краски, покрывавшей окружающие стены, инспектор заколебался. Пытаться сынтуитить намерения окутанного маской было достаточно трудно и без стараний проделать это в темноте.

Но кто б там ни плелся под этим фабрикуемым фасадом, этот некто знал о его интересе к Клеатору Моккеркину. А так как

данный интерес являлся не вполне общеизвестным, Карденас горел желанием узнать, откуда же о нем пронюхал его невидимый проводник. К тому же он обладал какой-то информацией, или, во всяком случае, утверждал, будто обладает ей. Следуя за фигурой все глубже в переулок, инспектор предоставил одной руке лечь на натку, которую всегда носил в правом кармане брюк. Натка эта могла вырубить небольшую толпу; он не сомневался в ее способности вывести из строя бредущую маску, каким бы там сумасшедшим ни оказался владелец данного камуфляжа.

Неподалеку от конца переулка фигура свернула. Она теперь приняла вид высокого, красивого юноши. На сцене царила такая тишина, что слышно было, как капает сконденсировавшаяся влага с артериальной сети трубопроводов, что обслуживали систему кондиционирования зданий. До земли никакой воды, конечно же, не добиралось. На Полосе случайное испарение повторно используемых водных ресурсов являлось преступлением наказуемым если не законом, то суровым посрамлением со стороны соседей.

Внезапно морфомаска вспыхнула, и изображение молодого человека превратилось в образ стройной женщины среднего возраста. Пальцы инспектора крепко сжали натку. Но эта демонстрация была прелюдией к диалогу, а не угрозой. Какой-то миг Карденас боялся, что его заманили в этот закоулок просто ради показа нескольких рекламов. Если так, то он невольно восхищался нахальством этого масочника.

Нет, этого не может быть, сказал он себе. Невидимый бродяга знал о его интересе к Моку.

— Ты намерен говорить, компадре, или будешь просто мелькать мне?

Владелец маски содрогнулся, хотя Карденас не мог сынтуитить, от чего именно: от воздействия искренья, дегенерации или от смеха. Юноша стал женщиной среднего возраста, та стала подростком-нинлоко, а потом святым в белой мантии. На глазах инспектора стремительно проморфировались множество личностей. Так как Карденасу уже доводилось видеть мельтешение морфомасок в действии, он проявил лишь поверхностный интерес к этой смене оболочек.

— Ты хочешь задокать Мока. Черепаха слышал.

По крайней мере, теперь у этой фигуры появилось имя, размышлял инспектор.

— Откуда ты знаешь?

Постоянно видоизменяясь, по маске пробегали волнами огоньки и ландшафты; вселенная камуфляжа. Невидимый владелец становился фонарным столбом, почтовым ящиком,

зарядной станцией, алтарем и, весьма характерно, мусорным бачком.

— Когда превратишься в тортугу, научишься слышать. Я много чего слышу в Полосовой глуши, да, многое. — Дрожащий голос стал громче. — И там говорят: «Тот интуит, который правильный, он хочет знать о женщине Мока». — Карденас слегка напрягся. — Твоя слава опережает тебя, федоко.

Инспектор оставил комплимент без внимания.

— Что тебе известно о Сурци и Катле Моккеркин? С ними все в порядке? Они еще на Полосе?

Маска стала мерцающим двуногим столпом из потрескивающих огоньков и вращающихся опто.

— Нынче карамба время, федоко. Тьемпо темпо. Время, когда всем черепахам пора найти нору, забиться туда и сидеть не шелохнувшись. — Дрожь усилилась. А вот эту реакцию Карденас уже мог истолковать: этот метящий в осведомители напуган. Сильно напуган, вплоть до самого подола его маски.

— Я не стану впутывать тебя в дело. Чего ты хочешь?

— За серию? Нада, хомбер. Но Черепаха вынес слишком много тампо тьемпо. Слишком много пробыл в тюрьме. — Фигура морфировала в весьма подробное изображение тесной зарешеченной камеры. — Когда я в следующий раз окажусь в доке, то, возможно, позвоню моему доброму компадре Карденасу-интуиту, и мне сбавят срок, сечешь? — Снова серьезное содрогание. — В перевоспитке напрочь лишают панциря!

Пытаясь представить себе, что же скрывалось под морфомаской, Карденас сообразил, что он по-прежнему не может определить, кто перед ним — мужчина или женщина.

— Ты всегда можешь найти меня через ящик СФП. Друзей я никогда не забываю. — Он придвинулся чуть поближе, пока маска, уподобившаяся теперь вставшему на дыбы пони, предупреждающе не дрыгнула передней ногой и нервно вспыхнула красным. — А как насчет семьи Мока?

— В Полосовой глуши ходит якк. — Под маской что-то шевельнулось. Возможно, она пожала плечами. — Тебе нужно повидать одного инфомана. — Голос слегка понизился. — Сабе галерею «У Моккеки»?

— Я знаю, где она, — кивнул Карденас.

— В заднем чане за пекарней. Поговори с Индейцем в квадрате. Он знает. — И повернувшись, неуклюжая фигура внезапно рванулась прочь из переулка.

— Погоди! — поспешил следом за ней инспектор. — Еще один вопрос!

Добравшись до улицы, он замедлил шаги. Несколько

любопытных пешеходов взглянули в его сторону. Их взгляды не задержались на нем. Карденас прогуливался не в форме. А без лазурно-голубого мундира СФП в нем было не так-то легко опознать блюстителя порядка. Это означало, что он мог быть блюстителем чего-то другого, и поэтому граждане на него не пялились. Ночью даже в той части Полосы, где хватало гуляющих, задерживать на ком-то или на чем-то взгляд было неосмотрительным.

Черепахи уже и след простыл. Он мог успеть перейти через улицу, или войти в ближайшее здание. Или же он/она мог(ла) стоять всего в футе от Карденаса. Морфомаска позволяла своему носителю сливаться с окружением. Морф был не столь изощренной штукой, как военный хамелеон-комбез «аль-Леви», но в городской окружающей среде он действовал достаточно эффективно.

Карденас сверился со своим идентом. Было еще рано, хотя время имело значение только для него. Игорные заведения оставались открытыми круглосуточно, и без всяких перерывов за хорошее поведение. Когда он направился на север, в сторону ближайшей общественной индукционной трубы, то поймал себя на размышлении о личности субъекта, назвавшегося Черепахой. Карденас знал многих индейцев. Но индеец «в квадрате»? С таким этническим описанием он пока не сталкивался. Что означало такое прозвище, внешний облик указанного субъекта или его душевный склад?

«Проклятая морфомаска», — пробормотал он про себя, удлиняя и без того широкий шаг. Сквозь эту проклятую штуку не поинтуитишь, получится ничуть не лучше, чем при попытке что-то увидеть сквозь панцирь черепахи. В чем, конечно же, и заключалось намерение обоих видов животных.

6

Торговая галерея Моккеки была лишь одной из пары десятков коммерческих точек, занимавших полуостров, что вдавался в мелководье названного застройщиками Лисьим озером водоема. Владельцев ничуть не волновало, что в песчаной впадине никогда не было озера, пока застройщики не заключили контракт на заполнение ее повторно используемыми сточными водами. Так было принято в игре умников-землеустроителей. Два искусственных острова в центре озера отвели под рекреационные цели и заселили роболисами, энергично охотившимися на робомышей. Решившие присоединиться к ним настоящие крысы проигнорировали своих не имеющих запаха механических сородичей и патрулировали берег в поисках головастиков, лягушек, рыб и остатков человеческой еды типа гамбургеров, которые в конечном итоге выбрасывало течением на берега островов. Ирония современной жизни заключалась в том, что упаковки гамбургеров и гренков, лапши и пиццы подвергались биоразложению быстрее, чем остатки приставшей к ним еды, чему настоящие грызуны, в отличие от электронных, не переставали радоваться.

Подобно другим здешним торговым галереям, галерея Моккеки представляла собой аляповатый, навязчивый архитектурный конгломерат из маленьких лавочек, спроектированных с расчетом привлекать и приезжих и местных. Внутри зданий мексиканской деревни и индейского пуэбло можно было найти причудливые кафе, ресторанчики типа «Макдоналдсов», торгующие одеждой бутики, торговые стим-автоматы, фирменные магазины, продающие выставочные образцы крупным дистрибуторам и, если знаешь, как и где искать, менее приглядные развлечения и товары.

Нескольких небрежных расспросов хватило, чтобы привести Карденаса к комерсио владельца, известного под прозвищем Индеец*2* . Причина такого необычного обозначения стала ясна, как только инспектор зашел в сувенирную лавку и представился владельцу. Стоявший за стойкой Машупо Мингас продемонстрировал снимки своей матери-индуски и отца-зуни. Он был не вдвойне индейцем, щеголяющим происхождением от двух племен, а индейцем в квадрате, происходившим от родителей с противоположных сторон мира. Подобный этнический фон был своеобразным, но не исключительным. Во всяком случае, не в нынешние времена массовых миграций людей из всех уголков всех континентов. Однако раньше инспектор с

такой комбинацией как-то не сталкивался.

Мингас остался сердечным даже после того, как Карденас назвался представителем СФП. Малорослый, но жилистый, он улыбался, указывая на приманки своего комерсио, от привлекательных полотен с юго-западными пейзажами, пылавших светом своих квантовых капельных красок, до дешевых устарелых традиционных туристских сувениров вроде вкрапленных в люцитовые пресс-папье скорпионов и тарантулов. Так как забирать с собой живых пустынных арахнидов запрещалось, эти создания были лишь бесплодными клонами, которых создавали исключительно для торговли сувенирами. Продавались также виты, карты-«вафли» и впечатляюще широкий набор региональных продуктов питания, отличающихся изрядной выдумкой и зачастую юмористической упаковкой. На небольшой веранде позади лавки стояла пара столов и стульев, где покупатели могли посидеть, потягивая напитки и глядя на отдаленные острова с их роболисами. Там и сейчас сидела хорошо одетая парочка индейцев, сосредоточивших свое внимание на озере.

Болтая с посетителем, Мингас уминал сэндвич «Филли». Этим деликатесом Полосы назывался филадельфийский сырный бифштекс, подаваемый с красным и желтым перцем «чили» вместо обычных луковиц и сыром «ялапеньо» вместо швейцарского. На самонагревающейся упаковке проступили пятна жира. Одна коричневая капля упрямо цеплялась за нижнюю губу лавочника.

— Итак, что же я могу продать вам, инспектор-сэр? Красивый снимок залива? — Выйдя из-за стойки, он показал на ряд имитаций зунийских ожерелий-фетишей. Вместо сплетенных из серебра, вырезанных из бирюзы, яшмы и других полудрагоценных камней зверей на этих гирляндах светились их пластиковые подобия. Каждое существо величиной с ноготок щеголяло крошечным светящимся LED-глазом. — Видите, — принялся превозносить свой товар Мингас, — когда до него дотрагиваешься, фетиш издает крик изображаемого им зверя. — И продемонстрировал это, мягко сжимая большим и указательным пальцами миниатюрного медведя. Через интегрированное в ожерелье звуковоспроизводящее устройство, медведь живо издал короткий, приглушенный рык.

— Очень остроумно. Беру. — Ответ инспектора вызвал на лице Мингаса удовлетворенное выражение. Ипатии оно пришлось бы по душе, решил Карденас. Разумеется, вещичка сугубо для туристов, но придумана остроумно и сделана довольно неплохо. Сработана, вероятно, здесь же, на Полосе, в одной из тех

гигантских мастерских сувениров, которые имели тенденцию собираться в промышленном подразделе Паленке.

Покуда Мингас пропускал коробку с ожерельем через машинку для подарочной упаковки, одевавшую ее в кокон из прозрачного пластика, Карденас забавлялся, изучая взглядом набитое голограммами вращающееся колесо.

— Я хотел бы купить еще кое-что.

В голосе лавочника прямо-таки сквозила нетерпеливая готовность услужить.

— Если у меня этого нет, сэр, то смогу достать в двадцать четыре часа.

— Один знакомый сказал мне, что такой пронырливый инфоман, как вы, может что-то знать о нынешнем местонахождении женщины и ее дочери по имени Сурци и Катла Моккеркин, — проговорил Карденас не отрывая взгляда от голограмм.

Мингас закончил заворачивать ожерелье и вручил его покупателю.

— Вот, инспектор-сэр. Платы не нужно. — Тон его сделался неестественным, а улыбка — натянутой. — Я твердо-натвердо верю в необходимость поддерживать свою местную полицию.

Тут Карденас оторвал взгляд от колеса с голограммами. И, вперив его в глаза лавочнику, отчеканил:

— Если ты что-то обо мне слышал, то должен знать, что я интуит. А это значит, что я могу определить, когда от меня что-то скрывают. У меня нет времени играть с тобой в слова. Двум женщинам грозит настоящая опасность, и я должен найти их раньше ее бывшего мужа. Один человек уже умер. Джордж Андерсон, он же Уэйн Бруммель. Мужчина, с которым она жила. И этот один — уже один лишний.

— Я ничего не знаю о том, про что вы говорите, инспектор-сэр, — отвел взгляд Мингас.

— Лжете.

— Это не преступление. — Мингас по прежнему держался вызывающе. — Если, по-вашему, один покойник — уже лишний, то учтите, что моя смерть заставит вас почувствовать себя вдвое хуже.

Карденас бросил небрежный взгляд через плечо.

— Здесь никого, кроме туристов и местных чистяков. Девочке всего двенадцать, и она не причинила вреда ни одной живой душе. Я хотел бы обезопасить и осегурить хотя бы ее.

— Я свои права знаю. Вы не можете арестовать меня за ссылку на неведенье.

— Да, не могу. Но могу кое-что иное. — Карденас принялся

извлекать свой спиннер. — Дайте только пару минут.

Это состязание воль лавочнику было суждено проиграть. Плечи у Мингаса опустились.

— Я люблю прислушиваться. К людям, рекламам, вит-клипам. Ко всякому. — Он оправдывался за свое вполне законное, но общественно спорное пристрастие. — Такое местечко, как Моккека идеально подходит для этого.

Карденас заплатил за ожерелье.

— Что ты слышал? У тебя есть хоть какое-то представление, где они могут сейчас быть?

Лавочник метнул взгляд в заднее окно. Молодая индейская парочка сидела за одним из столиков на веранде, сосредоточив все свое внимание на своих напитках, жареных змеях, виде на озеро и друг на друге. Они ни разу не оторвали взгляд друг от друга и не взглянули в сторону лавки. Но Мингас все равно понизил голос.

— Эта дама и ее дочь могут быть где угодно. Понятия не имею, где они, и живы ли они вообще. О них ходит слух, вот и все. Гляньтумань. Но тоймен этой женщины, покойник Андерсон? — Карденас ободряюще кивнул. — По слухам, он швырялся уймой кредита, и не всегда со своей дамой. Поговаривали, будто он был завсегдатаем полудюжины секстелей от Агуа-При[39] до Сонойоты. — Мингас подался поближе. — Ходит слух, будто в его конюшне была одна особенно сегуро[40]. Давалка по имени Кой Джой[41], которая теперь не перестает оплакивать свое счастье в зарегистрированной цитадели спаривания под названием «Коктэйль»[42].

— Я смогу его найти, — бесстрастно пробормотал Карденас.

— Найдите его сами, сэр. — Мингас убрался обратно за стойку, словно та могла каким-то образом защитить его от пронзительного взгляда инспектора. — Но как бы вы ни отыскивали, пожалуйста, не упоминайте ни обо мне, ни о моем бизнесе.

— Каком? — Карденас взял упакованное ожерелье и ушел так же тихо как и вошел.

Благодаря тому, что «Коктейль» был зарегистрирован, отыскать его не составило труда. Он являлся одним из десятка подобных заведений разбросанных среди баров, магазинчиков и ресторанов, содержавших и приватные кабинки с куда более изощренными аксессуарами, чем солонки или перечницы. Работала также и пара санкционированных глумеров. Последние своего присутствия не рекламировали, но те, кому требовались их особые услуги, знали, где их найти. Спроектированные для

обслуживания важных персон, они обеспечивали пользователей безопасным местом, где те могли предаваться своим пристрастиям, не боясь причинить вред самим себе или любым иным ни в чем неповинным гражданам. Клиент мог прийти с собственными принадлежностями или взять их напрокат. То же самое относилось к избранному пристрастию. В наличии имелись модельные смирительные рубашки всех размеров, или же они моделировались по требованию заказчика.

По сравнению с настороженной атмосферой, нависающей над глумерами, секстели дышали степенностью. Как было известно Карденасу, в индивидуальных или групповых номерах, испещривших, словно соты, более крупные заведения, царил совсем иной дух. Там воздух заполняли цвета, звуки и запахи, душившие чувства аурой несдерживаемого желания. Или же клиент мог раскрепоститься в окружении, отдававшем спокойной традицией. Чего б он там ни желал, секстели выражали полную готовность обеспечить этим. Были-таки некоторые вещи, размышлял Карденас, которые никогда нельзя будет симулировать, невзирая ни на какие граммы, ни на то, сколько кранча имелось в распоряжении твоего домашнего ящика.

Индукционная труба высадила его как раз перед сексзоной. По одну сторону от станции тянулся ряд макиладор, в организованных недрах которых все еще трудилась ночная смена. Выходя, рабочие могли отправиться домой, зайти чего-нибудь перекусить или предаться более сладострастным занятиям в соответствии с индивидуальными пристрастиями. Карденас направился в иную сторону от станции. Согласно его спиннеру, «Коктэйль» располагался в противоположном конце зоны.

Секстель работал во всю, хотя настоящий наплыв гостей произойдет, когда освободится смена на одном из близлежащих сборочных заводов. Лучше б найти разыскиваемую им женщину до того, как забронируют все ее рабочее время. И то при условии, что она сейчас на месте. Точно также, как заводы макиладоры, обслуживавшие их работников эротические заведения работали по двадцатичетырехчасовому графику.

Перед ним появился знак обходного пути. Следуя его указаниям, он свернул в боковой крытый проход. Инспектор прошел менее двадцати метров, прежде чем его осенило, что с его собратьями-пешеходами что-то не так. Никто другой бы этого, вероятно, не заметил. Но выучка интуита приводила к обострению всех чувств, а не только тех, какие обычно задействовались людьми.

Народ вокруг него двигался, наслаждаясь теплым вечерним воздухом, и все эти люди выглядели нормальными, вели себя

нормально, говорили нормально. Фактически отсутствовал только один компонент нормальности.

Ни один из прохожих не имел запаха.

Остановившись, он протянул руку и схватил за предплечье бредущего в одиночестве хорошо одетого старикана, шедшего в противоположном направлении. Пальцы его сомкнулись, встретив лишь сопротивление воздуха. Одновременно старик зло улыбнулся ему — и исчез. Равно как и пара, приближавшаяся сзади. Равно как и стены, и улица, и пылающие вывески, рекламирующие восторги тех эротических заведений, мимо которых он проходил.

Вот только он не проходил мимо хорошо освещенных общественных учреждений. Он находился не на обозначенном обходе, а в переулке, что шел не согласно плану департамента общественных работ, а направлялся по узкой «подсобной дороге», бывшей едва ли не просто щелью между зданиями. А обход был иллюзией. И притом очень ловкой, размышлял он, поворачивая и возвращаясь по своим следам. Не более, чем дорогая миражовка. Женщина, державшая только что выключенный ею проектор, сунула его в рюкзачок у себя за спиной. Серебрянно-ниобиевые серьги негромко забренчали, когда она откинула с лица длинные черные волосы. Рядом с ней стоял индеец, высокий мужчина. На его лбу была головная повязка, удерживавшая темные волосы и вспыхивавшая постоянным потоком легко узнаваемых трехмерных юго-западных символов. Подняв руку, он провел по краю повязки кончиками пальцев.

Безвредные туристические символы, обозначающие дождь, четыре священных растения (кукурузу, бобы, тыкву и табак), гром и молнию, Землю-Мать и Небо-Отца, внезапно сменились зловещей смесью из светящихся линий, изображающих молнию, скрещенную с ножами, копьями, лазерами, и со всех капала призрачно светящаяся кровь. Карденас мигом узнал эти символы. Эти мужчина с женщиной принадлежали к числу инзини, Юго-западного индейского эквивалента японской якудза или итальянской мафии.

Зародившись примерно в начале века как псевдо-религиозная организация, они распространили свое влияние по всему району Четырех Углов[43] и за его пределы, оседлав волну процветания и нелегальных прибылей, порожденных взрывным развитием Полосы. Пренебрегающие татуировками в стиле якудза, предпочитая им куда более современное и гибкое проецирование символов, они глубоко внедрились в незаконную иммиграцию, отмывание кредита, торговлю видами, занесенными в Красную Книгу, и полудюжину других разновидностей антиобной

деятельности. По существу не имеющие вожаков и вольные как ветер, они оказались исключительно крепким орешком, который СФП все никак не могла раздавить. Точное название на языке навахо звучало как хуган хазьангии нитьчи би иинизиинии, или «семья злых духов», но и друзья и враги называли их просто инзини.

Пистолет в руке мужчины был не столь многоцелевым, как носимый в наплечной кобуре Карденасом. Он не мог скрывать, маскировать или всаживать в цель наркотик. Начиненный разрывными патронами, он мог только убивать. И этот киллер был вполне готов применить его. Гадать инспектору не требовалось. О намерении и способности этого малого в избытке свидетельствовали все оттенки его позы, пота, взгляда.

— Дорогая игрушечка, — небрежно начал он разговор, подразумевая только что убранный женщиной портативный проектор. — Меня таким обычно не одурачить, но я был поглощен своими мыслями.

— Ни с места, — приказал индеец. — Подыми руки и положи ладони на макушку. Пальцы не сцепляй. Сунешь руку в пиджак или брюки — убью. Попытаешься дотронуться до пиджака или брюк — убью. Двигайся медленно и плавно. Не прикасайся одной ногой к другой.

Покуда он говорил, индианка достала собственное оружие. Подойдя к Карденасу, она тщательно обыскала его, отобрала сперва пистолет, а затем и спиннер. И продолжила проверку.

— Канал открыт, но передает только местонахождение. У него не было возможности что-то отправить, — сообщила она своему спутнику. На глазах у Карденаса она включила на приборе пара-сайт и воспользовалась им для набора инструкций. Закончив свою работу, она сунула прибор обратно в карман Карденасу. И даже не улыбнулась. — Весь следующий час введенная мной грамма будет сообщать твоему монитору в участке, что все в порядке. Именно так все и будет на самом деле, покуда ты сотрудничаешь с нами.

— Чего вам надо?

— Ты из СФП.

— Инспектор Анхель Карденас, — кивнул он. — Желал бы иметь возможность сказать, что рад с вами познакомиться, мистер и миз?..

Мужчина сделал жест в сторону настоящей улицы.

— Ты провел некоторое время, болтая с одним лавочником в галерее Моккеки. Мы только что оттуда, где немного… потолковали… с ним. — Упоминание о недавно посещенном лавочнике помогло Карденасу вспомнить. Теперь он узнал их: это

была та самая парочка, которая сидела на веранде позади лавки Машупо Мингаса.

Выходит, покуда он расспрашивал лавочника, они наблюдали за ним.

— Мы знаем, что ты возглавляешь поиски женщины по имени Сурци Моккеркин, которая вихряет вместе с дочерью. Расскажите нам, пожалуйста, что именно сообщил вам хозяин лавки. Если вы сделаете это для нас, мы вас просто уложим спать на полдня. Обычный нарколеп, ничего серьезного или создающего привыкание. — Он показал на здание слева от них. — Это вполне удобное место. Мы вам снимем номер на день и уведомим администрацию заведения, что вы хорошенько отсыпаетесь. Вас никто не побеспокоит. Когда же вы проснетесь, то почувствуете себя отдохнувшим лучше, чем удавалось за много недель, и без всяких вредных последствий. Мы к тому времени завершим проверку предоставленных вами сведений и отправимся своей дорогой.

Дуло компактного пистолета слегка сместилось.

— Если же ты не скажешь того, что мы хотим узнать, то мне придется начать отстреливать твои разные довески. В конце концов ты нам все расскажешь. Так почему бы не избавить себя от боли и физического вреда и не сэкономить мне боеприпасы?

Прекрасная речь, подумал Карденас. Она должна была успокаивать. Да только она была спокойно преподнесенной ложью. Едва они получат искомые сведения, как тут же убьют его. Не сделав ни малейшей попытки скрыть свои лица, они не могли оставить его в живых, ибо иначе он мог сообщить об их действиях и обличье. Его застрелят и оставят в переулке скавам, точно так же, как оставили Уэйна Бруммеля-Андерсона. Он определил все это по глазам парочки, по тому, как они держались и по самым тонким модуляциям в голосе мужчины.

Будь у него хоть полминуты, он мог бы изгнать из своего спиннера доминирующую грамму и вызвать подмогу. Поскольку прибор знал о его местонахождении в любое время, помощь прибыла б за считанные минуты. Узкая «подсобная дорога» не давала ни малейшей возможности куда-либо спрятаться, а стены были слишком высокими и слишком гладкими для восхождения. Переулок представлял собой тупик в разных значениях этого слова.

С руками на макушке он попытался тянуть время. Если б он смог как-то отвлечь их на достаточно долгий срок, чтобы коснуться спиннера или бросить пару слов в свой голком, — но женщина следила за его движениями столь же внимательно, как и ее спутник. Если он хоть дернется, они выстрелят ему в ту руку,

которая шевельнется. Это не давало ему возможности доложить о своем положении, но не мешало говорить. Притворная потеря сознания, как ему думалось, их не одурачит. Они будут и дальше мучить его, пока он не откликнется на их требования.

Пистолет снова переместился.

— Говори. — Индеец быстро оглянулся в сторону главной улицы. — И не ври. Если мне покажется, будто ты врешь, я что-нибудь прострелю. Ничего существенного — сначала. Ты мне кажешься довольно здоровым федоко. И, как мне представляется, вполне выдержишь шесть-семь тщательно нацеленных выстрелов, прежде чем отключиться. Убить они тебя не убьют, но чувствовать ты себя будешь все неуютней.

— Хотел бы я вам что-нибудь рассказать, но владелец лавки, о котором шла речь, мало что знал.

На сей раз ответила женщина.

— Выходит, тебе стало скучно, и ты решил наведаться в сексзону Поремас, просто желая расслабиться. Далеко ж тебя занесло. Да к тому же в рабочее время. — Выражение ее лица не изменилось. — Зачем ехать в такую даль и именно в эту сексзону? — Она указала на улицу у нее за спиной. — Чего такого особенного в этой зоне? Да и в любом случае ты с виду явно не из любителей «клубнички».

— Больше никаких задержек. — Опустив дуло пистолета, ее спутник прицелился в левую ногу инспектора. — С хромотой хорошо вызывать сочувствие, но не жить до конца жизни. Говори, федоко. И на этот раз выдай мне настоящий вердад.

Лишенный всяких вариантов выбора, Карденас слегка ткнул кончиком языка один из верхних зубов. И уже собирался настроить соседний, когда воздух наполнился глухим стуком. На лицо инзини наплыло выражение легкого удивления, когда он повалился ничком. Лицо его разбилось всмятку, ударившись о мостовую. На затылке у него, как с интересом заметил инспектор, образовалась такая вмятина, словно по нему врезали из пушки шаром для кегельбана. Кровь и спрессованные мозги разлетелись во все стороны. Карденас не без усилия придержал язык.

Круто развернувшись, спутница покойного инзини подняла собственное оружие. Когда она вскинула пистолет, некая сила вдавила лицо ей в череп. Зрелище вышло достаточно ярким, чтобы заставить скривиться даже федерального инспектора с тридцатилетним опытом. Безликое тело качнулось назад и рухнуло на неподатливую мостовую переулка. Из кармана ее рубашки торчал пистолет Карденаса, недействительный до тех пор, пока снова не окажется в радиусе досягаемости ключа-биочипа, имплантированного под кожу правой руки. Анхель не сделал ни

малейшей попытки вернуть себе оружие. Он вообще не сделал ни малейшего движения.

Из теней начали выступать силуэты. Двое из них сжимали в руках пистолеты, в то время как оставшаяся пара держала длинные извилистые предметы, похожие на ветки деревьев. Когда четверо незнакомцев приблизились, Карденас увидел, что те предметы, в которых он сперва заподозрил какие-то деревянные изделия, изготовлены из имитирующего древесину пластика. Трубки были украшены цветными изображениями животных и растений. На незнакомцах были комбинезоны, каждый из которых отличался иным узором из ярких цветных пятнышек и кругов. Светящиеся точки вспыхивали достаточно смелыми пуантилистскими узорами, чтобы вызвать колебания даже у французского импрессиониста.

Двое из новоприбывших были белыми и блондинами, в то время как кожа их спутников выглядела чернее, чем у любых других людей, с какими доводилось сталкиваться инспектору. Один из последних щеголял курчавой добела поседевшей бородой, которая придавала ему вид запыленной версии Древнего Морехода. Он держал одну из странных изукрашенных трубок, а куда более молодой белобрысый спутник — другую.

Перешагнув через изуродованный труп инзинки, второй блондин сунул пистолет в кобуру. Перешагивая, он постарался не обратить внимания на то, что недавно было ее лицом. А Карденас не мог этого себе позволить, несмотря на угрозу, которую она представляла для него.

— Мерзкое это дело. — Блондин ободряюще улыбнулся Карденасу. — Можешь опустить руки, приятель. — Когда Карденас так и сделал, новоприбывший кивнул на другого безжизненного инзини. — Эти идиоты больше тебя не потревожат.

— Спасибо за помощь, — осторожно ответил Карденас. — Я оказался в скверном положении. — Его язык переместился на второй коренной зуб, но не нажал. Пока рано.

— Струт[44]. — Блондин фальшиво рассмеялся. — Тебе повезло, что нам с ребятами случилось оказаться поблизости.

— Интересное совпадение, — уклончиво заметил инспектор.

— Куда как верно, приятель. Конечно, ты сейчас думаешь, что совпадение это было далеко не случайным.

— Такая мысль приходила мне в голову, — не стал отрицать Карденас. И показал на искусно изукрашенную трубку в руках старшего из них. — Что это за штука? И кто вы?

— Мы-то? — Блондин охватил своих спутников широким взмахом руки. — Да как кто, мы — озерники из страны Оз,

приятель. Навестив ваш великий Севамериканский Юго-Запад, мы едва не могли уехать, не посмотрев на этот выдающийся двигатель мировой торговли, Полосу Монтесумы.

— Вы следили за мной, — обвиняющее сказал Карденас.

— Вовсе нет, приятель, вовсе нет. — Блондин показал на два трупа, лежащих без движения на мостовой переулка. — Динкам, мы следили за этими дронго. Больше нам не придется этим заниматься. — Он снова прошелся пытливым взглядом по лицу инспектора. — Надеюсь, ни за кем больше не придется долго следить. Нам охота вернуться домой. Но сперва мы подрядились найти одну шейлу с ее дочкой и потолковать с ней. Ты случайно не знаешь чего-нибудь насчет того, как бы нам к этому подойти, а?

— Нет, не знаю. — Пытаясь соврать, ничего не потеряешь, решил Карденас.

Это не сработало. Сделав жест одной рукой, блондин подозвал к ним своего младшего коллегу. Этот тощий иностранец крепко держал обеими руками разрисованную трубку.

— Так вот, приятель, мы называем эту штуковину диджериду. Там, откуда я родом, это традиционный музыкальный инструмент аборигенов. Его никак не назовешь настоящим хайтех-комплексом, да уж. В один конец дудишь, а из другого выходит музыка. Однако вот эти две красавицы не простые, а усиленные. Когда они заряжены, то подудишь в один конец, и из другого выстреливает звуковым шаром. На самом-то деле это больше похоже на фигурную звуковую волну. — Он показал на заднюю стену ближайшего здания.

— Парень, который умеет с ней обращаться, может продуть дырку сквозь бетон. Зависит лишь от того, какой уровень усиления установишь. Когда он достаточно поднят, механизм становится более, ну… диджерубным. — Взгляд упал на мертвого инзини. — Кость выдерживает такое не шибко хорошо.

Он чуть кивнул, и спутник помоложе поднял трубку. Приставив меньший конец к губам, он нацелил другой в лоб инспектору.

— Мы б хотели сыграть тебе эту традиционную ру-тону, полисмен. И уж только от тебя зависит, сыграем ли мы ее на мостовой — или на твоей голове. Ты что-то знаешь о том куда сбежали те шейлы Моккеркин, иначе эти двое йоббо не шлепали бы за тобой. Скажи нам, и мы распрощаемся. — Когда Карденас продолжил колебаться, блондин одарил его улыбкой, которую всякий другой счел бы искренней. — Брось, приятель. Мы не собираемся причинять вреда этим леди. Это просто бизнес. И в отличие от этих валяющихся здесь недоносков, мы действительно

отпустим тебя. Нам без интересу распылять севамериканского фараона. Мы тебя никогда больше не увидим, а ты не увидишь нас. Как только мы поужинаем с шейлами, снова вернемся в свой Кенгуру-таун.

Однако одурачить Карденаса не удалось и блондину. Тот был хорош, но все же не настолько, чтобы одурачить интуита. Инспектор знал, что, как только они получат от него искомые сведения, убьют его столь же быстро, как любые инзини.

— Ладно, тогда скажу. — Он указал на типа помоложе. Вожак кивнул, и его спутник опустил зловеще зияющий раструб диджериду. Когда он это сделал, Карденас надавил языком на верхний коренной зуб. Подобно своему соседу, зуб в ответ слегка выгнулся наружу, к внутренней стороне щеки инспектора. Когда оба они внутренне отцентрировались, цепь замкнулась.

В материал плаща Карденаса были вплетены сотни незаметных нитей из металла высокой проводимости, которые соединялись с батарейкой из схожего материала. Перемещение пары взаимодополняющих композитных зубов в верхней челюсти позволяло Карденасу высвободить заряд, запасенный в этой гибкой плетеной батарее.

В результате произошла невидимая вспышка электромагнитного импульса, способного своей мощностью изжарить любую незащищенную электрическую цепь в радиусе десяти метров. Поскольку всякое современное оружие полагалось на электрический спуск, закодированный на биочип его владельца, имплантированный, либо носимый внешне, то эта бесшумная вспышка энергии сделала неэффективными не только пистолеты в руках противников Карденаса, но и их музыкальные инструменты. Кроме того, она разрушила любые имеющиеся у них средства связи, вплоть до наручных хронометров, музо-линз и даже простых часов. Вдобавок слабо освещавшие переулок лампы на зданиях живо разразились треском, заискрили и погасли. Волна электронного разрушения пощадила только пистолет и спиннер Карденаса, снабженные интегрированной полицейской защитой. Вставив в его спиннер иллюзионную грамму, ныне покойная инзинка сунула нейтрализованный прибор обратно во внутренний карман пиджака хозяина. К несчастью, его служебный пистолет остался за пределами досягаемости на ее трупе.

Внезапное наступление темноты во всем переулке вкупе с вонью, пошедшей от их «спекшегося» оружия и других приборов, настолько отвлек и дезориентировал озерников, что Карденас успел рвануть мимо них. Для прорыва мимо последнего, стоявшего между ним и улицей, ему пришлось с силой пнуть его по коленной чашечке. Тот застонал и рухнул, вцепившись в

поврежденное колено.

— Догнать его! Догнать проклятого легаша! — Сыпля проклятиями, блондин бросился в погоню за убегающим инспектором.

Быстро оглянувшись, Анхель увидел в руке иностранца что-то, отразившее свет. Это был очень большой складной нож. Несмотря на отчаянность минуты, Карденаса уловил иронию данной ситуации. Вот он, блюститель порядка, действующий в гуще современного окружения конца двадцать первого века, а за ним гонится человек с ножом. Хотя он еще точно не разглядел, инспектор подозревал, что в снаряжение спутников блондина тоже входит подобное первобытное приложение.

Если он хоть на мгновение задержится, чтобы активировать спиннер, то рискует сократить расстояние между собой и преследователями. В чем он нуждался сейчас, так это в паре минут передышки. Иначе они, вероятно, догонят его и порежут на куски, пока он будет кричать в голком, вызывая подкрепление. Он должен хоть ненадолго оторваться от них.

Вот теперь-то и начали окупаться все пробежки трусцой, которым он предавался в искусственном зеленом поясе, окружавшем его кодо комплекс. Несмотря на свой возраст, он находился в превосходной форме. Если он только сможет остаться вне досягаемости в этом спринта, существует вероятность, что на длинной дистанции ему удастся оторваться от погони. Будь они в каком-нибудь районе вроде Ольмека, прогуливающиеся чистяки могли бы вызвать ему помощь. Но это была зона наслаждений. Те граждане, которые видели погоню, переходили на другую сторону улицы и старательно избегали соваться не в свое дело.

Хотя Карденас тяжело дышал, чувствовал он себя по-прежнему хорошо. Оглянувшись, он увидел, что расстояние между ним и преследующими озерниками медленно, но заметно возрастало. Еще три квартала, и впереди покажется индукционная станция. Если он сможет добраться до нее, одного крика должно хватить для подъема по тревоге транспортной охраны. Прибытия одного-двух вооруженных охранников могло и не хватить для охлаждения пыла преданных своему делу заграничных профессионалов, но оно должно заставить их призадуматься. По крайней мере, у Карденаса появятся союзники в форме. Понимание, что местные власти подняты на ноги, могло побудить отступить его преследователей.

Осталось всего два квартала. Парочка в масках удивленно вскрикнула, когда он стремительно промчался между ними, а затем нырнула в дверной проем, стремясь избежать подбегавших

сзади. Впереди показались неяркие желанные верхние огни станции. По счастливой случайности, одно такси выгружало пассажиров, ехавших до зоны наслаждений, и принимало на борт тех, кто уже пресытился удовольствиями. Если ему удастся добежать до автотакси, прежде чем оно закроет двери, он гарантированно уйдет от погони. Не понадобится даже подымать на ноги охрану. Общественный транспорт умчит его прочь от опасности задолго до того, как подоспеют озерники. А коль скоро машина загерметизируется, он сможет спокойно корчить рожи преследователям, когда она рванет по улице. С выведенным из строя оружием они не смогут до него добраться.

Еще один квартал. А затем он падал, подскакивая, стукаясь о твердую мостовую, инстинктивно сгруппировавшись и покатившись по ней, чтобы уменьшить силу удара. Распрямившись и принимая сидячее положение, он увидел стоящего над ним младшего из аборигенов. Поднятый клинок в темной руке блеснул на свету, падавшем со станции, перед тем, как начать с размаху опускаться.

7

Карденас вскинул руку, защищая грудь, но блокировала удар не она. Его остановила конечность более массивная и состоящая более чем из десятка элементов, ни один из которых не был плотью. В рассеянном свете, льющемся от флегматичных уличных фонарей и пламенеющих вывесок, тускло блеснули чешуйки сваренного металла. Пластик вспыхивал всеми оттенками радуги, фрагменты раскулаченных механизмов лязгали и барабанили, подкрепляемые керамическим позвякиванием, а кусочки металлизированного стекла сверкали, словно гроздья алмазов.

Из расположенной поблизости ливневой канализации выкарабкалось нечто, похожее с виду на гигантского краба, сработанного из уличного хлама и промышленных отходов. Покуда одна рука блокировала потенциально смертельный удар озерника, вторая отбросила в сторону тяжелую пластиковую решетку дренажного люка. Карденас моргая откатился вправо на тротуар. Его пораженный противник нагнулся было подобрать выбитый у него из руки нож. Третья металлическая нога ударила его по затылку, заставив рухнуть наземь без чувств.

Завидев этот появившийся из под земли фантастический механический призрак, трое смертоносных спутников павшего озерника резко притормозили. Лязгающее создание не обладало гладкой внешностью орудия блюстителей порядка, но они были в Севамерике чужаками и ни в чем не могли быть уверены. Они знали лишь одно — эта хрень вмешалась, намереваясь спасти заваленного федерала. И связываться с ней без настоящего оружия было равнозначно попытке вскрыть танк консервным ножом.

Оставив потерявшего сознание товарища на произвол судьбы, они попятились, развернулись и удрали, швыряя назад только австралийские ругательства. Карденас глядел им вслед. Не сводя глаз с брошенного ими заваленного соотечественника, он медленно поднялся на ноги и принялся отряхиваться. Пока он занимался этим, механизм, гудя и лязгая, приблизился к нему.

Хотя машина втрое превосходила его размерами, шесть складных ног позволяли ей спрятаться в проеме меньшего диаметра, чем ливневая канализация, из которой она возникла. В ее моторизованных глубинах мелькали LED-ы, а когда кое-как подогнанные друг к другу части шумно скреблись друг о друга, раздавались электрические скрежетания и стоны. В центре клубка механических конечностей висела корзинка из желпроводов, обвивавшихся несколько раз вокруг укрытой в ее ядре

своеобразной фигуры. Этот полуголый мужчина с длинными лохматыми волосами, глубоко запавшими покрасневшими глазами, темной щетиной и покрытыми шрамами руками сильно смахивал на только что заметенного ночным патрулем алкаша. Вот только вел он себя отнюдь не как алкаш, и явно сам управлял охватывающей его машиной, а не наоборот.

В ответ на подергивание правой руки красноглазого, мощная клешня поднялась на шипящих сервомеханизмах и ловко смахнула грязь с плаща инспектора.

— Вы в порядке, офицер? — Карденас лишь миг спустя понял, что голос исходит от человека, а не из машины, на которой тот ездил — или которая его возила. Глядя на фантастическую массу всяких частей и членов, лома и утиля, определить это было трудновато.

— Спасибо, у меня все отлично. А откуда вы знаете, что я из полиции?

— Мы с друзьями прослышали, говори я. — Один глаз у длинноволосого страдал постоянным подергиванием — зрелище не для слабонервных. Но Карденас был способен выдержать такое лучше большинства иных людей. — Решил рвануть на подмогу, когда вы освободились.

— А почему не раньше? — Карденас проверил свой спиннер. Тот все еще работал под мертвящим воздействием инсталлированной инзинкой пара-сайтной граммы. Но если та не врала, то эта грамма через — он сверился с хронометром у себя на браслете — минут примерно сорок должна издохнуть.

— Не был заинтересован, заявляй я. — Этот отшельник в плаще из желпроводов проявлял чудное безразличие к возможной реакции инспектора. — Только после того, как вы вырвались на волю. Тогда решил помочь. Андаль, эй, мне аблают. Прикинул, что вы свою часть выполнили. Кроме того, четверо против одного — эт не по честному. — Он усмехнулся из-за и из-под проводов, выставляя напоказ желтые, почерневшие или вообще отсутствующие зубы. — Фералом Диком меня звать, а на налоги мне начхать. — Усмешка, к несчастью, расширилась. — Можешь называть меня Фералом, предлагай я.

— Ты сказал, что прослышали вы с друзьями. — Карденас бросил многозначительный взгляд на пространство позади верхового краба. — Я больше никого не вижу.

— Тэкс-тэкс — кто говорил о ком-то другом? Что в имени, кроме названия?

Вот тут они и высыпали из открытой ливневой канализации. Десять, двадцать, тридцать — настоящее множество. Карденасу лишь однажды довелось видеть столько, и паника, вызванная ими

среди захваченных врасплох футболистов и болельщиков, для которых и предназначалась, была достаточно реальной, пусть даже и неоправданной.

Бопсы.

Потомство того, что в конечном итоге за отсутствием лучшего определения и в агонии официального ошеломления, назвали беспроводными обслуживающими подземными системами. Бопсы были крошечными, изысканно сработанными, самовоспроизводящимися роботоидными формами жизни, чьи действия предполагали, пусть и без подтверждений, что они являлись компонентами общественной механизированной формы жизни, управляемой какой-то одиночной граммой искусственного интеллекта. Человечество, ожидавшее, что первый истинный ИИ возникнет из синтеза громадных научно-исследовательских проектов и углубленных университетских конференций, сильно поразилось при виде ИИ, когда тот наконец явил себя миру, приняв обличье механизмов величиной с кулак, а то и меньше. Первоначальные страх и паника при появлении бопсов вскоре сменились озабоченностью, затем неуверенностью и, наконец, досадой, когда тысячи крошечных устройств не выказали ничего похожего на стремление к какой-либо цели, не говоря уж о враждебности.

Бопсы большей частью избегали людей, прячась в огромной циркуляционной системе Полосы: в системе воздушного кондиционирования, в трубах водопровода и канализации, транспортных туннелях, в проводах оптоволокна и индукционных трубах. Подобно каким-то механическим тараканам, они чурались дневного света. Но в отличие от своих членистоногих подобий, они были чистыми и не разносили болезней. И равным образом они не часто проникали в личные резиденции и не трогали человеческой еды. Они просто воспроизводились. Как признали наконец инженеры, несколько лет пытавшиеся изобрести способ истребить их, людям, пожалуй, лучше привыкнуть к ним. Бопсы обосновались здесь всерьез и надолго.

Через некоторое время граждане таки привыкли к их присутствию, пусть оно и не стало для них вполне обыденным. Как выразился на начальном этапе «вторжения» один бопс, невзирая на чьи-либо желания бопсы существовали. Хотя ни один бопс не причинил никакого вреда ни одному человеку, люди постоянно разбивали, расплющивали, расчленяли и уничтожали другими способами элегантные маленькие автоматы. Но даже дети вскоре утратили свой страх перед ними. Нападения людей на бопсов не породили никакого возмездия, не спровоцировали никакого воздаяния. Параноики, убежденные в том, что бопсы

вознамерились захватить власть над миром, быстро остались почти без последователей, особенно когда стало ясно, что бопсы — не более чем мелкое раздражение.

Практически единственное обстоятельство, которое продолжало беспокоить людей, заключалось в том, что никто не мог понять, откуда же они взялись.

Они, похоже, расцветали в присутствии Ферала Дика, заметил Карденас. Он не отступил ни на шаг, когда у его ног закопошилась и стала взбираться по ним пара десятков миниатюрных машин. Несколько минут они ощупывали и обшаривали его, действуя мягко и, пожалуй, уважительно по отношению к его неметаллической персоне. Сенсоры и провода ласкали и щекотали, делая замеры ради каких-то невообразимых для инспектора целей. Затем, словно в ответ на невидимый и неслышный сигнал, они все как один слезли обратно на тротуар и исчезли в открытом ливневом водостоке. Среди этих миниатюрных чудес не встретилось и двух одинаковых.

Ферал Дик нежно глядел на провал в улице.

— Я люблю бопсов, а бопсы любят меня.

Карденас был искренне заинтригован.

— Вот потому-то ты и решил вмешаться и спасти меня? Потому что бопсы хотели меня изучить?

Ферал расхохотался из-под бесчерешковой мутовки желпроводов.

— Забавный легаш, смеюся я! Я не знаю чего хотят бопсы. Никто не знает. Сколько биглов белый бопс будет балагурить? — Он захихикал, процитировав детский стишок. — Но им, похоже, нравится веть со мной, а мне вроде как по душе их компания. Когда живешь под улицей, а не над ней, то принимаешь любую компанию, какую только сможешь найти, мрачнюся я. По крайней мере они не ворчат. — Он сплюнул в сторону. Карденас слегка удивился тому, что выплюнутое не лязгнуло о мостовую.

— Это все равно не объясняет, почему ты решил мне помочь.

Механическое крабообразное шмыгнуло боком в сторону зияющего отверстия ливневого водостока.

— Время от времени, замечай я, бывают случаи, когда феральу может понадобиться немного доброжелательности со стороны федерала. Верую в рассчитыванье на официальное дружелюбие, решай я. — Металло-пластико-стеклянная клешня поднялась, отдавая честь. — Вспомяните меня нежно в своих досье, офицер. — Желпровода не позволяли толком разглядеть эти запавшие, но не безумные глаза.

А затем механический мастер-наездник исчез в зияющем провале ливневой канализации так же стремительно, как и

появился. Подойдя к краю отверстия, Карденас расслышал едва доносящееся негромкое лязганье металлических ног сварганенной из разнородных частей машины, когда самодельный транспорт быстро удалялся под улицей. Настоящим антиобом Ферал Дик не был. Он по выбору стоял, или скорее шмыгал, за рамками обеих систем взглядов.

Инспектор сверился со спиннером. Тот по-прежнему пребывал в коматозном состоянии, но не сдох. Еще плюс-минус несколько минут, и Анхель вернется на линию опто, с полным доступом к ящику СФП. Если только, напомнил он себе, убитая инзинка не лгала. Никаких настоящих причин для этого у нее не было, поскольку она и ее равно покойный напарник намеревались заставить владельца спиннера сдохнуть куда буквальнее, чем его аппаратура, еще до того, как та вернется в строй.

Быстрый взгляд на улицу не обнаружил никого, кроме бредущих граждан. И никаких признаков наголову разбитых озерников из Оз. Он знал, что ему следовало бы воспользоваться общественным коммом и доложить о случившемся, по крайней мере, сообщить, что с ним произошло. Но без спиннера он не мог донести истинную картину нападения. А если он будет слишком долго ждать, то женщина, которую он искал, может уйти, закончив смену — или, того хуже, повстречать наведавшихся к ней инзини, озерников или каких-то гипотетических других, разделявших этот внезапный и неожиданно неудержимый интерес к местонахождению Сурци Моккеркин и ее дочери.

На кого работали те наемные убийцы-индейцы? На Мока, на себя, или на какую-то другую, пока еще не идентифицированную группу с острой заинтересованностью в Сурци Моккеркин и ее дочери? Чем больше антиобных команд проявляло смертельный интерес к этой паре, тем больше Карденас стремился ее найти — первым.

Если ему приходилось дожидаться возможности поговорить с Кой Джой, то он мог ничуть не менее эффективно делать это, одновременно проверяя тех, кто к ней наведывался. Развернувшись, он направился обратно по улице в сторону «Коктэйля». На сей раз он остался поблизости от группы заехавших гульнуть чистяков. А также обратил особое внимание на свое окружение и каждые несколько шагов присматривался к нему с целью убедиться в его реальности. Он совершенно не собирался снова забредать в еще одну обманную миражовку.

Найти «Коктэйль» не составило труда. Расположенный на главной улице, именно там где указывал Машупо Мингас, он втиснулся между «Перистым куполом» и «Калифорнийскими ночами». В отличие от некоторых работающих внутри сотрудниц,

все три заведения щеголяли образцово сдержанными фасадами. Внешнее освещение было приглушенным, а вывески скорее статичными, чем одушевленными, и никакие сладострастные рекламы не выпархивали из Медисонных эжекторов подлизываться к случайным прохожим. Хотя Карденас давно уж не работал в зоне наслаждений, он знал, что не все секстели одинаковы. Если основываться на том, что ему помнилось, три соседних заведения занимали нишу, рассчитанную на привлечение клиентов из верхнего слоя среднего класса или, возможно, нижнего слоя высшего класса.

По другую сторону улицы большую часть нескольких городских микрорайонов оккупировала «Рара Авес». Совместное севамериканское предприятие «Асакуса-Чубаско» похвалялось своими товарами столь же нагло, как и его работницы. Более дешевое, менее скромное и откровенно лас-вегасское по своей манере привлекать публику, оно щеголяло постоянным потоком посетителей, жаждущих принять то, что им предлагалось, и твердое и влажное. Вдобавок к удовлетворению сиюминутной похоти, наведавшийся в «Рара Авес» мог также провести ночь в одиночестве, сыграть в азартные игры и потребить предоставляемые заведением блюда и несексуальные развлечения. Универсальная международная сеть дешевых развлекательных центров для работников макиладор, она пользовалась прочной популярностью, и особенно часто посещалась «синими воротничками». Лицензированные «Рара Авесы» функционировали по всей Полосе, и каждое заведение почти ничем не отличалось от другого. На полках в Агуа-При лежал точно такой же товар, какой предлагался в Эльпасо-Хуаресе, или в Санхуане, или в Браунсвиле[45].

Хотя секс-торговля была на Полосе законной более полутора веков, там еще оставались граждане, которые по самым разнообразным причинам предпочитали анонимность, не говоря уж о более личном стиле обслуживания. Все это клиент находил в таких конфиденциальных заведениях, как «Коктэйль» и его соседи, так же, как в тех эксклюзивных учреждениях, которые обслуживали очень богатых. А рекламируемое снаружи зачастую вытеснялось тем, что перспективному клиенту предлагалось внутри.

В меблированной антиквариатом конца двадцатого века внешней приемной находилось, наверное, около десятка мужчин и женщин. Некоторые ожидали, так сказать, проникновения во внутренние структуры данного учреждения, в то время как другие расслаблялись и приступали к отдыху, следующему за завершением деятельности. Для определения, где которые, не

требовалось быть интуитом. Зайдя фланирующей походкой в заведение, Карденас привлек к себе лишь случайный взгляд-другой со стороны будущих и бывших клиентов. Его же особенно заинтересовала сидевшая на кушетке пара среднего возраста, весьма увлеченная вит-программой столетней давности. Цвет у программы отсутствовал напрочь, и проигрывалась она по виту размером с небольшое авто.

Ненавязчивое освещение имело нежно-розовый оттенок, словно какой-то сдвинувшийся физик нашел способ подрумянивать фотоны. Картины на стенах изображали пейзажи Европы и Южной Америки. Изображение какого-нибудь французского замка казалось заимствованным из стандартного туристического буклета, пока не заметишь происходящую во дворе замка оргию. Пейзаж с изображением южно-чилийского леса навевал воспоминания о визите в Скалистые горы, пока не присмотришься поближе и не увидишь, что творится среди деревьев. Не говоря уж о творящемся с самими деревьями. Карденас с интересом разглядывал картины. Сделаны они были очень остроумно и, в пределах своей темы, с удивительным вкусом. Пристально глядя на них, он ни чуточки не смущался. Это было не то место, где следовало смущаться.

Слева от него манила к себе богатая товаром лавка, предлагающая подношения, недоступные даже через частный ящик. Стол, к которому он подошел, ничем не отличался от того, какой можно встретить в каком-нибудь хорошо оборудованном отеле со средними ценами — если сбросить со счета искусно извивающиеся фигуры, которые составляли мастерски сработанную скульптуру, цепляющуюся за заднюю стену. Свидетельствуя об оживленности бизнеса «Коктэйля», клиентами занимались трое клерков: две женщины и один мужчина, одетые в форменную фототропическую одежду, делавшуюся прозрачной в разных стратегических местах при каждом движении.

Им занялась женщина лет так тридцати. Хотя выглядела она привлекательной, он по опыту знал, что наняли ее за способность передавать интегрированные услуги по вертикали; иначе эту особу не разместили бы в передней. Сбоку стоял, сложив руки на груди, безмолвный бледный монолит. Массивностью этот вышибала ничуть не уступал Хаяки. Как подозревал Карденас, он присутствовал больше для вида, чем для действия. Если б руководству часто требовались услуги субъекта подобных размеров, то оно не соответствовало бы своей должности. А с буйными клиентами легче разобраться попросту наводнив приемную или коридор нарколептическим газом.

— Добро пожаловать в «Коктэйль», сэр. Чем могу помочь? —

Она улыбнулась отработанной и профессиональной улыбкой.

Он улыбнулся в ответ. В таком заведении, как «Коктэйль», если не улыбаешься, то тебя никто не примет всерьез.

— Думаю, я в настроении для чего-то неординарного.

Девушка кивнула. Мигом уловив ритм, она подалась вперед и прошептала (неплохой, хоть и совершенно ненужный штрих, подумал Карденас):

— Значит, вам кто-то рассказал о нас. Вас направили правильно. «Коктэйль» заслужил свою репутацию умением удовлетворять всевозможные потребности. — Губы ее придвинулись вплотную, а духи источали синтезированные феромоны. — У вас на уме что-то определенное, сэр? Чего бы вы ни пожелали, если мы не сможем обеспечить этим тут же на месте, то пошлем за запасами. Можете положиться — мы в течении часа гарантированно рапидио доставим все, чего ни пожелаете, задействовав все ресурсы Полосы. Вы только скажите, чего вам нужно, сэр. — Он попытался, но она разошлась и гнала свою рекламную речь во всю прыть, и потому Карденас решил просто дать ей выговориться до конца.

— Вам что-то нужно, вам что-то требуется? У «Коктэйля» это есть или будет, как только пожелаете. Вас интересует секс с осязаемыми? Мы предлагаем новейшую военную технологию, приспособленную к нашим эксклюзивным спецификациям. Вы можете обусловить оттенки цвета, окружения, ароматов и звуков, от музыки до мурлыканья. Если вы предпочитаете нечто более громкое, не волнуйтесь — все апартаментос у нас абсолютно звуконепроницаемы. Как раз сейчас на линии несколько новых композиций из Чэнду, основанных на древних ханьских текстах. Первоначально, конечно же, фантазия, но с нашими омнифоническими проекторами все возможно.

Она продолжала улыбаться ему, ожидая ответа, пытаясь оценить его. Карденас ничем ей в этом не помог, дожидаясь, когда у нее иссякнут предложения. Она казалась достаточно милой для сводни, и если б он перебил ее хорошо отрепетированную рекламную речь, то это могло уронить ее достоинство в глазах нанимателей. Невзирая на преднамеренно уютное ощущение, навеваемое обстановкой салона, он ни на минуту не сомневался, что весь этот разговор демонстрируется на удаленном мониторе.

— Мы предлагаем полный диапазон стандартных морфов, — продолжала девушка, не устрашенная его молчанием. — Мужских, женских, звериных. У нас в штате состоят два зарегистрированных ээ-улана, готовых создать заказной морф для удовлетворения ваших личных надобностей. — Ее интимный

шепот сделался еще тише. — За определенную цену, я, возможно, буду готова обеспечить образцом, по которому можно будет смастерить детский морф. Полу-законный, гарантированно не дающий оснований для судебного преследования, обязательство записано нашим собственным юридическим отделом.

Отвращение инспектора должно быть отразилось у него на лице, поскольку она поспешно дала задний ход:

— Или вы традиционалист? В таком случае, несмотря на то, что вы мне сказали, возможно, вам придется больше по вкусу одно из наших родственных заведений. — Выпрямившись и опустив взгляд, она извлекла плавающий в воздухе список, очерченный розово-красными искрами. Неплохой декоративный штрих, решил Карденас.

И по прихоти спросил напрямик:

— А как насчет вас?

Позабыв про список, она подняла неуверенный взгляд.

— Боюсь, что я строго административный работник, сэр. — Она явно надеялась, что он не будет настаивать, чтобы начальство не приказало ей удовлетворить пожелание клиента. — Я польщена, но мне следует предупредить вас, что я более чем наполовину бионическая.

Карденас скопировал выражение, которое чересчур часто видел на лицах доставленных в участок преступников на почве секса.

— На которую половину?

Хотя ее лично данный ответ отнюдь не успокаивал, он-таки убедил девушку, что этот крепкий гость с густыми усами все же пришел куда надо.

— Если мой физический тип кажется вам привлекательным, сэр, то, наверное, вы могли бы позволить мне предложить?..

Утвердив свои верительные грамоты извращенца, он не видел больше никакой необходимости продолжать обсуждение.

— Я знаю, что мне нужно. А также знаю, кто мне нужен. Просто хотелось немного полюбоваться на ваш якк. Мне нужно два часа с Кой Джой.

Он пережил неприятный миг, когда она не ответила. Неужто Машупо Мингас с самого начала скормил ему неверные сведения? Если так, то Карденаса ждало довольно утомительное отступление.

Беспокоился он напрасно. Задержку у девушки вызвала лишь необходимость проверить, каков текущий статус его запроса.

— Вам повезло, сэр. Миз Джой сейчас возвращается с перерыва. Она будет доступна для вас через… — она сверилась со скрытым датчиком — …пять минут. На два часа, говорите?

Карденас изобразил на лице нечто похожее, как он надеялся, на порочную улыбку.

— Я хотел бы не спеша.

— Все мы разные, — пожала плечами женщина.

Они договорились о цене, которую Карденас заплатил специальной карточкой, выданной инспекторам для оплаты расходов не связанных с расследованием. Расплачиваясь, он пожалел, что не сможет увидеть лицо департаментского аудитора, который будет оформлять данный расход. Через несколько минут очень высокая, очень красивая и очень хорошо вооруженная женщина препроводила его по коридору в пустой апартаменто. Поскольку он не оговорил обстановку, его обеспечили тем, что было чистым и имелось в наличии.

В просторном номере наличествовали двухместный хлопчатобумажный шезлонг, мягкий волнистый песок в качестве пола, живые карликовые пальмы и еще какие-то мясистые растения, трехстенная голопанорама тихоокеанского пляжа и неба и автоматическая фауна: крабы, чайки, флегматичный пеликан, пара ящерок. Искусственное «солнце» над головой палило меньше, чем предполагала его проецируемая интенсивность, а лизавшая песок импортированная соленая вода была приятно теплой. Убивая время, он проверил содержимое ближайшего холодильника. В нем обнаружился хороший запас ледяных прохладительных напитков, игрушек и ассортимент как натягиваемых, так и напыляемых презервативов, все, несомненно, с ресторанной наценкой. Когда он рассеянно производил эту инвентаризацию, как подобает любому хорошему клиенту, пеликан неприлично заговорщицки подмигнул ему.

Такое несоответствие, как ванная, выходящая прямо на пляж, явно никого не волновало. Именно оттуда и появилась Кой Джой, которая как раз прихорашивала свои светлые, соломенно-желтые волосы. Под облегающим голубовато-золотым платьем из эрзац-шифона на ней ничего не было. Она оказалась стройнее, чем он ожидал, ростом чуть повыше него и не столь усталой с виду, как многие сильвы, которых он встречал. Хотя и совершенно лишенное всякого намека на наивность, ее лицо выглядело на удивление неиспорченным. Этот невинный вид, то ли настоящий, то ли липовый, несомненно, очень ценился многими клиентами. Он гадал, скольких она облегчила до его прибытия.

— Я Кой, — начала она без предисловий. — Мне приступать? Раз вы запросили меня, то знаете, чем я занимаюсь.

Хотя производимое им расследование не требовало от него дознания, чем же таким она занималась, ему было любопытно.

Кроме того, это могло ознакомить его с чем-то полезным, пусть на первый взгляд и незначительным, в отношении Уэйна Бруммеля-Андерсона.

— Разумеется. — Усевшись на песок, приятно теплый и электростатически обработанный, так что не приставал ни к коже, ни к ткани, он достал себе из морозильника холодную сервесу[46] и, для поддержания легенды, расстегнул рубашку. — Начнем.

Сексапильно улыбаясь, она подняла обе руки высоко над головой. Этот жест не только вытянул верхнюю половину ее торса, но и активировал всаженную грамму, заставившую ее одежду дезинтегрироваться. Аэрогелевый текстиль музыкально забренчал, преображаясь в волшебную пыль и плавно оседая на песок. Из скрытых динамиков полилась негромкая, томная и бесстыдно эротичная музыка. У него слегка расширились глаза, не оттого, что он увидел танец или услышал музыку, а из-за происходящего с телом Кой Джой. Теперь стало понятно, в чем заключалась ее «специальность».

Она была цветовым оборотнем.

Заметив, как изменилось выражение его лица, она с удовлетворением поджала губы.

— Нравится? — тихо спросила она. — Я нравлюсь тебе? Наверняка должна нравится, иначе ты не запросил бы меня. — Скользя под медленное пульсирование мелодии из невидимых динамиков, она провела ладонью по другой руке, а затем погладила той другую. — Обошлось мне в кучу денег, да, но хорошая генжинерия недешева. А каждой девушке нужна специальность. Эта потребовала большого труда, но в конечном счете она безопаснее, чем некоторые. И есть еще одна добавочная выгода. Я нравлюсь себе такой.

Завороженный вопреки себе, Карденас следил за представлением скорее с большим интересом, нежели с профессиональной отвлеченностью. Смена расцветки была лишь одной из тысячи приманок, доступных в секстелях Полосы. Хотя и поскромнее иных, такое действо требовало постоянной заинтересованности со стороны девушки. Он поймал себя на том, что гадал, что же толкнуло ее претерпеть долгий и сложный, хотя и не особенно опасный, курс обработки.

Кой Джой получила генжинерированные хроматофоры. Извлеченные из эпидермального слоя кожи представителей отряда головоногих, они были имплантированы ей и придали не только способность изменять цвет, но и создавать массу экзотических узоров, просто визуализируя их. Когда она плясала и описывала перед ним пируэты в ритме постепенно нарастающей пульсирующей музыки, ее стройная обнаженная фигура меняла

свой цвет со светло-бежевого на темно-коричневый, а затем на черный, и снова на бежевый. Все знакомые оттенки человеческой кожи. Но вот ярко-синий к ним не относился, равно как и цвет жженой умбры, или изжелта-зеленый, или мерцающий темно-бордовый. Любой из ее генетических предшественников, будь то спрут или кальмар, каракатица или наутилус, наверняка восхитился бы таким представлением.

Завороженный зрелищем, он наблюдал, как она стала двигаться быстрее. Откликаясь на соответствующую грамму, освещение в номере померкло. По мере того, как девушка все больше и больше углублялась в представление, испытываемые ею эмоции отражались на ее внешности. Быстрые смены цветов усиливались узорами, растекавшимися по ее коже словно свет, только они появлялись изнутри самого тела. Разноцветные узоры сменялись гладкой кожей, а та, в свою очередь, изгонялась изображениями лепестков. Появились красные полосы, имевшие вид следов от легких ударов кнутом, которые сменились тремя кругами света, вырвавшегося наружу из ее главных эрогенных зон, словно расходящаяся по глади пруда рябь. Соски у нее вспыхнули розовым, затем бордовым и наконец пульсирующим темно-алым. Появляющиеся круги мигали все быстрей и быстрей, не световые пятна, а настоящие изменения цвета, соблазняя и притягивая к ней, когда она простерла к нему руки. Ее разомкнутые губы пульсировали нежным неестественно-розовым цветом, какого не могла реализовать никакая помада.

Она теперь меняла цвет так быстро и так часто, что ее тело стало одним сплошным эротическим смазанным пятном — дразнящим, искушающим, настоящим живым водоворотом панхроматических кривых и палящего света. И все это находилось теперь очень близко, клонясь к нему, полуослепляя его затуманенное зрение. Почувствовав жар ее тела в такой близи от его собственного, он попытался сосредоточиться на глазах девушки — практически единственной ее части, которая не меняла цвет. Нагнувшись, она приблизила к его лицу свое. Накатывавшиеся из центра во все стороны малиновые волны темнели до пурпурных, приближаясь к краям. Ко всем ее краям. Загипнотизированный этим зрелищем, он с трудом сглотнул, когда она протянула к нему руку…

Сделав медленный глубокий вдох, он неохотно оттащил себя от края бездны, в которую в иное время, при иных обстоятельствах мог бы с радостью позволить увлечь. Подняв левую руку, он активировал свой идент-браслет и мелькнул им. Лицо ее встревожено вытянулось. И, словно внутри у нее выключили рубильник, эротическая пышность узоров и цветов

мигом исчезла с ее неприкрытого тела. Она снова стояла перед ним, стройная, обнаженная и брутально неукрашенная.

— У нас тут законный секстель, а у меня — полная лицензия, — гневно зарычала она. — Чего вам надо? Справка о состоянии здоровья у меня подтверждена всего месяц назад, и все свои налоги я заплатила. Кто-нибудь жаловался? Если кто-то жаловался, то вы не к той…

— Успокойтесь. Мне нужны кое-какие сведения. Ничего компрометирующего. Обещаю. И я заплатил за два часа, так что ваши комиссионные обеспечены, чем бы вы ни занимались — или не занимались. Рассматривайте это как перекур.

— Проваливай отсюда. Катись в жопу. Ничего я тебе не скажу, федоко.

Карденас вздохнул и отхлебнул еще самоохлаждающегося пива. Оно начинало переполнять его. Иногда любезность и вежливость приводят к результату, противоположному желанному. Ни ему, ни этой сильве они ничего хорошего не принесут.

— Мы можем заняться этим здесь или в участке. Сами знаете — для вас лучше будет здесь. Если же вы в итоге отправитесь со мной, то ваши работодатели не очень-то обрадуются, какую б там байку вы им ни поднесли.

Колыхнув грудями, она тяжело опустилась на песок и уселась напротив него. При этом она подчеркнуто осталась вне досягаемости его рук.

— Два часа. Надеюсь, у тебя, черт возьми, не набралось дурацких вопросов на целых два часа.

— Надеюсь, что нет. — Он тоже переменил позу, сидя на песке, и, миг подумав, достал себе из холодильника еще сервесы. Автоматический пеликан старательно игнорировал его. — Меня интересует все, что вы мне можете рассказать об одном из ваших постоянных клиентов. Возможно, он называл себя Джорджем Андерсоном, но вероятней разгуливал под именем Уэйн Бруммель.

Она резко вскинула голову и отвернулась.

— Если вы знаете одного из моих постоянных клиентов, то, вероятно, знаете о нем больше моего. А мне нечего сказать. Если хотите скипать меня в участок, то я сейчас откопаю какую-нибудь стабильную одежду, и мы отправимся, и к чертям администрацию. Если вы хотите узнать об Уэйне, то зачем приходить ко мне? Почему не поаблать с ним самим?

Тон Карденаса, как всегда, ничуть не изменился.

— Потому что несколько дней назад его кто-то ликвидировал.

Когда у нее расширились глаза, а нижняя челюсть заметно отвисла, все ее тело тут же сделалось ослепительно-белым, как слоновая кость. Здесь, сообразил Карденас, отводя взгляд, налицо свидетельство, для которого ему не требовалось быть интуитом. Скрыть от него свои эмоции она могла не больше, чем улететь на луну.

Хотя, посочувствовал он, она несомненно могла бы сымитировать такой полет.

8

Карденас знал по своему опыту, что шлюхи, как правило, не плачут. Но боль в глазах Кой Джой не вызывала никаких сомнений: куда большая, чем можно ожидать от сильвы по адресу умершего клиента, даже если тот был нежным, неизвращенным и щедрым на чаевые.

— Этот Бруммель был для вас больше, чем просто постоянным партнером?

Она кивнула, лицо ее скривилось, словно она пыталась заплакать, да забыла, как это делается. Продолжая отражать бушующие в ней эмоции, ослепительная бледность кожи сменилась светло-коричневым окрасом, испещренным мигающими пятнами неконтролируемой голубизны, которые расширялись и сокращались в ритме ее рыданий. Из-за этого двусмысленного чуда генжинерии Кой Джой вышла далеко за пределы простого неумения скрывать свои чувства. Они теперь так и бросались в глаза. Хотя было почти невозможно не смотреть на ее привлекательное обнаженное, насыщенное цветами тело, Карденас упорно старался сохранять профессиональное бесстрастие. Если ему это не удастся, он осознавал, что ничего не добьется от нее, невзирая ни на какие угрозы.

— Я понимаю вашу озабоченность и сожалею о вашей потере. Ваша реакция отвечает на мой вопрос, но обещаю, что к завтрашнему утру вам станет лучше.

Прижимая ладони к залитому слезами лицу с мягко пульсирующими индиговыми пятнами, она подняла на него взгляд и шмыгнула носом.

— Откуда… откуда вы знаете?

Не вдаваясь в подробности, он просто улыбнулся ей.

— Я умею определять. Бруммель был с вами добр?

Она с отчаянием кивнула.

— Он никогда не делал мне больно, всегда платил сверх положенного и даже ждал меня, когда мне казалось, что он закончил. Никогда не просил ничего ненормального.

Созерцая ярко-голубые завитки, усеявшие нижнюю половину ее тела и превратившие обе гибкие ноги в калейдоскопическое эхо древних столпов, Карденас гадал, а что же такая особа, как Кой Джой, сочла бы ненормальным.

— Он был… он сказал, что как только выгорит тот большой проект, над которым он работал, то он оставит женщину, с которой жил, и мы поженимся. Он много говорил о том, как мы уедем отсюда, уберемся с Полосы.

Ну что за очаровательный хомбер был этот покойный Бруммель, размышлял инспектор. Сурци Моккеркин решила сбежать с мужчиной, который начал их новую жизнь, обманывая ее. Несмотря на высказанные Диким Дохом предположения о домашних побоях, ситуация все больше и больше наводила на мысль, что миз Моккеркин и покойный Бруммель-Андерсон, вероятно, стоили друг друга. Карденасу не требовалось извлекать свой спиннер для записи разговора. Все относящееся к делу он заносил в собственную память.

— Куда уедем?

— Не знаю… в какое-то место которое он называл Дружба.

Карденас покачал головой.

— Никогда о таком не слышал.

— Я тоже. И он никогда ничего не говорил мне о нем, кроме названия. — Когда она попыталась улыбнуться, верхняя часть ее тела, от плеч до лба, запульсировала бледно-розовым оттенком.

Слезы снова потекли ручьем. Карденас дал им поструиться, любуясь поразительной игрой цветов ее кожи, прежде чем положить конец этому плачу новым вопросом.

— А как насчет этого дела, его большого проекта? Он когда-нибудь говорил о нем, упоминал когда-нибудь имена партнеров или что-то другое?

Опустив руку, она подобрала пляжное полотенце и вытерла им глаза и нос. За спиной у нее симулированное море омыло синтетический берег, наполняя апартаменто искусственным запахом выброшенных на берег водорослей и кристаллизующейся морской соли.

— Уэйн никогда не говорил о каких-либо партнерах. Полагаю, он не нуждался в них, потому что у него был доступ к деньгам этой другой женщины. Той, с которой он жил. У нее их явно имелось в избытке. Меня не волновало, что он, что мы берем их для себя, так как она, по его словам, сама украла их у своего мужа.

Карденас внимательно наблюдал за ней.

— Уэйн когда-нибудь упоминал об этом муже?

— Нет, никогда, — покачала головой Кой. — Только о дочери, девочке, с которой жили вместе. О ней Уэйн много говорил. Кажется, он считал ее чем-то особенным, хоть она была и не его.

— Неужели он не говорил о той женщине? — Карденас был озадачен.

— Нет, не о женщине. Он никогда о ней не говорил, если это не было связано с деньгами, которые он собирался забрать. Только о девочке. Ее звали Кати — нет, Катла. А особый проект?

Он ни разу не сказал о нем ничего по-настоящему ясного. Обронил как-то раз о том, что предпочитает держать меня в блаженном неведении. Все вращалось вокруг той девочки. — Она покачала головой. — Не спрашивайте меня, почему.

Карденас теперь был столь же заинтригован, как и сбит с толку.

— Большое дело Бруммеля вращалось вокруг Катлы? Вокруг двенадцатилетней девочки Катлы, а не Сурци? — Он сейчас не видел ни нужды, ни причины затрагивать имя Моккеркина.

— Именно так мне сказал Уэйн, — пожала плечами она. — Эй, я ж не выпытывала у него подробностей. Мне хватало его заверений, что мы поженимся и уедем в это место дружбы. Или в местечко Дружба. Когда он говорил о нем, взгляд у него делался совсем мечтательным. Рассказывал, что местечко это теплое, прекрасное и уединенное. Только не говорил, где же оно.

— Над каким же таким необычным делом мог человек вроде Уэйна работать с двенадцатилетней девочкой?

Поднявшись на ноги, Кой Джой принялась апатично натягивать новую одежду. Тело ее являло собой симфонию гибкого движения и приглушенного, генерируемого изнутри цвета. Кровяное давление у Карденаса снизилось наконец до чего-то близкого к норме.

— Без понятия. — Она привлекательно подняла одну ногу, разглаживая обеими ладонями на коже прозрачный материал. Создающая настроение музыка, продолжавшая играть все это время, к счастью, наконец умолкла. — Он говорил, что она техант, но в подробности не вдавался. Сказал, что она сделала массу работы для своего отца.

Так значит, робкая маленькая Катла Моккеркин была технологическим талантом, размышлял Карденас. Она работала со своим отцом, Моком. Хотя характер этой работы оставался тайной, Карденас начал понимать, почему Клеатор Моккеркин стремился вновь обрести опеку над своим угнанным потомством. Безотносительно к характеру той трудовой деятельности, интерес Уэйна Бруммеля явно привлекла именно она. Для человека, вовлеченного в сложные деловые операции, способности прирожденного техanta могли быть крайне ценными. У техантов, так же как, например, у интуитов, возраст не обязательно служил ограничительным фактором там, где дело касалось природных способностей.

— Он вообще не обсуждал с вами характер того дела?

— Я же сказала. — И, отражая ее досаду, на неприкрытых только что застегнутым платьем частях тела Кой появились сердитые красные звезды, похожие на кляксы. — Он со мной ни о

чем подробно не говорил, кроме как о нас, о наших отношениях, и об этом местечке Дружба. И никогда не говорил о деле помимо того, о чем я вам уже рассказала. — Она уткнулась лицом в ладони. — Да я и не хотела, чтобы он говорил о чем-нибудь, кроме нас с ним.

Сделав глубокий вдох, она успокоилась, насколько смогла. За исключением вспыхивающих иной раз сине-золотых пятен, цвет ее кожи вернулся к норме.

— Теперь этому конец. Конец всему. Ему, нам, Дружбе; всему. — Она бросила взгляд на искусно скрытый хроно. У вас еще осталось оплаченное время. Уверены что не хотите?..

Слова ее, произнесенные теперь, были столь же жесткими, столь холодными и лишенными чувств. Даже будь он склонен заняться с ней какой-то не полицейской деятельностью, ее тон напрочь убил бы любой интерес, который мог бы у него появиться.

— Нет. — Его ответ, когда он поднялся с песка, был полон эмпатии. — Вы сделали все, о чем я вас просил.

То, как она пожала плечами, осталось почти незаметным под материалом платья.

— Я рассказала все, что помню. Больше ничего нет. И теперь уж никогда не будет. — Несмотря на дрожащую нижнюю губу, она упорно старалась улыбнуться. — Если я вам действительно больше ни для чего не нужна, мне не помешает побыть следующий час одной.

— Почему бы вам просто не прерваться на ночь?

В ответ она скорей дернулась, чем рассмеялась.

— Да, верно, — ядовито ответила она. — Просто возьму и подойду сейчас к тому, кто там сейчас сидит за столом в приемной, и отключу свой таймер на остаток вечера.

— Могу вывести вас. — Данное утверждение инспектор сделал со спокойной уверенностью.

— Да зачем беспокоиться? — отказалась она раздраженным тоном, направляясь к двери, которая вела в ванную. — Я уже скогана.

И то ли из безразличия, то ли из-за правил заведения, не потрудилась закрыть за собой дверь.

Выходя, Карденас не забыл дать похвальный отзыв. Ничем другим он помочь ей не мог, поскольку она не позволила устроить для нее бегство на сегодняшнюю ночь. Никто не обратился к нему, когда он шагнул за порог «Коктэйля» и двинулся по улице к станции. Скоро выключат свет. Когда секстель остался позади, он был озадачен больше, чем когда-либо. Уэйна Бруммеля явно привлекло к Сурци нечто большее,

чем возможность пожить на уворованные денежки. Дело заключалось в ее дочери. Зная это, отсюда естественно вытекало, что именно двенадцатилетнюю Катлу на самом-то деле и хотел вернуть Мок.

В какое же дело она была вовлечена, эта тихая девочка, о которой так хорошо отзывались ее бывшие односочницы? Какую работу она выполняла для отца? Разносторонняя, способная техантка могла много чего делать.

В данный момент достаточно много, чтобы вызвать убийство других людей.

Несмотря на всю свою работу на улице и со спиннером, Карденас оказался не в состоянии нащупать единственную надежную, убедительную ниточку, ведущую к местонахождению Сурци Моккеркин и ее дочери. Если они прятались где-то на Полосе, то их личности не регистрировались ни на каком из обычных отслеживателей. Официальные запросы по обычным каналам ничего не дали. Мать с дочерью полностью исчезли из ведома общественности.

А это означало, что они где-то прятались. Если их уже не поймали приспешники Мока. Или какой-то другой заинтересованный картель вроде инзини, или озерников. Эта необыкновенная и неожиданная заинтересованность в Катле Моккеркин вызвала у инспектора еще большее стремление найти ее. Какого рода дело доверил заботам двенадцатилетней девочки человек вроде Мока, даже если та и впрямь была его родной дочерью и признанным техантом?

Чтобы убегать и прятаться от такого, как Мок, требовался интеллект, знание обстановки и уйма денег. Теперь стало очевидным, что у Сурци Моккеркин наличествовало и то, и другое, и третье. Избегая столь долгий срок внимания своего опасного и, несомненно, разъяренного мужа, она явно собиралась и дальше продолжать в том же духе. А тот факт, что конкретно от полиции она не пряталась, ничуть не облегчал работу по ее розыску.

По крайней мере, теперь у него появилось некоторое представление о том, почему она убегала. Подобное знание позволяло ему соответственно скорректировать параметры своих поисков. Но быстро становилось очевидным, что, если он намерен найти их раньше Мока, ему придется искать помощи за рамками официальных каналов.

Вот в этом-то и состояла одна из причин, по которой он отказывался от постоянно предлагаемой ему различной кабинетной работы. Приятные, безопасные поручения в

кабинетиках с контролируемым климатом позволили бы ему провести оставшиеся до отставки годы в сравнительном комфорте и безопасности. Приятные, серые, скучные поручения, которые не подходили ему ни по духу, ни по темпераменту. Дело заключалось не столько в том, что он любил улицу, сколько в том, что, похоже, не мог работать без нее. Полоса была у него в крови. Как тому и надлежало быть, поскольку он оставил на Полосе столько своей крови.

Вот потому он и шагал по неотмеченной на картах безымянной улице в углу Полосы столь же далеком от успокаивающих огней центра Ногалеса или Санхуаны, как галерея Моккеки от темной стороны луны. Двигался он не спеша, размеренным шагом. Если шагать тут со слишком целеустремленным видом, рискуешь сделаться мишенью. А покажешься заблудившимся, так тоже станешь мишенью. Но вот беззаботный вид оказывал нужное воздействие, и мозги, скрывавшиеся за глазами, что неизменно отслеживали из углов и щелей его путь, останавливались поразмыслить.

Глядя на него, они придут к выводу, что так шагает человек, излучающий уверенность. И потому, хотя некоторые, может, и желали бы освободить его от чистой одежды и скрытых активов, обитатели Костезоны хоронились по своим укрытиям и позволяли ему спокойно пройти мимо.

Костезона являлась для патрулей районом низкого приоритета, где выражение «низкого приоритета» означало в переводе с бюрократического языка «место, на которое налогоплательщикам наплевать». Карденас определенно не встречал никаких коллег-федералов, когда все больше углублялся в зону. Кучи эргономического мусора, неубранные, но вполне перебранные, переполняли рециркуляционные бачки и заваливали переулки. Бродячие кошки, лишенные имплантированных идент-чипов, рыскали и орали среди мусора органического, ежедневно извергаемого десятками продовольственных магазинчиков и дешевых многоквартирных домов. Квилки торговали прямо на улице самой последней электронной начинкой и приборами, зачастую законными, а иной раз не очень. Зачастую, хоть и не всегда, из-под полы торговали и неприятными, но пользующимися большим спросом принадлежностями, которым никак не полагалось попадать в частные руки.

О высоком качестве личины Карденаса свидетельствовало то обстоятельство, что его не засекли и не опознали в нем федерала. Лавочники, владельцы ресторанов, нищие и созерцательные, но настороженные скавы и пенкари принимали его за ветерана-

визитера со знанием и опытом по части обычаев зоны. Они открыто обращались к нему с зазывными речами, солиситируя, согласно своему положению, дело или милостыню, но в остальном предоставляя ему спокойно выполнять свою повестку дня. С непокрытой головой, сгорбившись, он шел, засунув руки в карманы, не улыбаясь и явно будучи погруженным в собственный мир. И не нашлось никого, готового рискнуть нарушить его сосредоточенность, в чем бы та ни заключалась.

Знай они его конечную цель, внимания к нему, вероятно, было бы еще меньше. В недрах Костезоны водилось много культов, и далеко не все из них отличались кротостью. По опыту профессиональных воров, из фанатиков обычно выходили плохие жертвы, да и в любом случае у них имелось мало такого, что стоило бы украсть.

Одно из немногих достоинств, какие можно было найти в этой зоне, заключалось в отсутствии докучливых мобильных рекламов. Не было никакого смысла просаживать неплохие деньги на рекламу для почти-не-граждан, у которых дела с избыточным доходом обстояло весьма плохо. С другой стороны, шум все-таки стоял: вездесущее гудение уцененной электроники, жужжание сенсорики, бессмысленная уличная болтовня и громкие, иногда излишне громкие, виты и музыка. Блокируя, по мере возможностей, это гудение, он сосредоточился на поиске пути через лабиринт улочек и проходов, где давно не видели никаких представителей окружного отдела общественных работ. Если данное местечко не перебазировалось, то спиннер мог привести его к намеченной цели напрямую. Но извлечение на свет полицейского спиннера было бы не лучшим способом сохранить ту анонимность, благодаря которой удавалось остаться целым, настолько углубившись в Костезону.

Дорогу ему перебежала пара собак. Они зарычали и потрусили дальше, скрывшись за темным апартаменто справа от него. У шнауцера были две искусственных передних ноги, в то время как его спутник коккер щеголял парой миниатюрных приемных тарелок на месте ушей. На обоих были радиопередающие ошейники, указывающие, что это отнюдь не бродячие псы. Кто-то пожалел их и вместо того, чтобы усыпить, отремонтировал собак, чтобы те могли выжить на улицах. В зоне с избытком хватало биохирных талантов, хотя большая часть специализировалась на процедурах, за которые дипломированный биохирург угодил бы за решетку или лишился лицензии.

Шагая, Карденас вернулся к размышлениям о значении слова «дружба», о котором поведала ему Кой Джой. Говорил ли о ней ее

любовник Бруммель метафорически или поминал какое-то реальное место? Проверка полосовых названий, как и тщательный поиск, охватывающий обширную территорию, не обнаружил в радиусе двухсот киломов ни одного урба, улицы или застройки под названием Дружба. Существовал городок Френдшип[47] в штате Пенсильвания и другой Френдшип, в штате Айова. И даже Френдшип в провинции Манитоба. Связь с местными регистрационными центрами в каждой общине не идентифицировала никого из недавно переселившихся, кого можно было бы принять за Сурци и Катлу Моккеркин. Если же Бруммель говорил о другом реальном месте, то оно находилось за границами Севамериканских Штатов.

Тот ли там проход, слева от него? Или нужный ему дальше? Он усиленно пытался вспомнить связующую улицу, выданную спиннером. И решительно свернул в первую же узкую улочку, какая подвернулась. Если он вспомнил неправильно, то худшее, что могло случиться, это отсутствие реакции. Это если кто-нибудь не распознает в нем федерала, ибо тогда он может оказаться перед уставившимся на него счетверенным дулом спиттера «Итака» или чем-нибудь равно неприятным.

Проход закончился у двери, которая выглядела созданной из деревяшек и металлолома, но на самом деле была цельным листом сплава холодной отливки, обладавшим достаточной прочностью, чтобы вызвать зависть у любого банковского сейфа давних времен. На двери не было никаких ручек, окошек или глазков и никаких видимых петель. Равно невидимым оставался и динамик, который, колеблясь, пролаял ему:

— Какое слово служит паролем, байт?

— Нет никакого слова, — ответил ровным тоном Карденас. — Есть лишь цифры, маскирующиеся под слова.

Скрытый вопрошающий не отозвался. Карденас представлял себе, как по другую сторону двери оживленно переговариваются дьяконы. Потребуется какой-то миг для того, чтобы известие о его присутствии передали дальше.

— Чего ты ищешь? — спросили наконец из-за двери.

— Орилака Мудрого, если он дома и не нездоров, — заботливо добавил Карденас.

— Ты федоко. — Тон был слегка обвиняющим. Инспектор не выискивал ни скрытых витов, через которые за ним наблюдали, ни оружия, которое несомненно, на него навели. Любую попытку убежать по узкому, тесному проходу между домами могли запросто пресечь.

— Я искатель истины, как и ты сам.

— Именно этого ты и ищешь у Мудрого? Истину? — хотел

знать голос.

— Ни у кого из нас нет доступа к истинной истине. Даже у Мудрого. Мы можем лишь искать ее. И я собрат-искатель. — Он улыбнулся невидимому собеседнику. — Мудрый ищет покоя, который лежит в изучении мест между человеком и машиной. Моя работа — обеспечивать покой первого. Ради этого мы уже обменивались сообщениями. Иногда в мой личный ящик прибывает информация, исходящая, как я знаю, от него. А иногда и у меня есть возможность помочь его Ордену. — Он слегка наклонился вперед. — Есть те, кому не нравится то, во что вы верите, и то, чем вы занимаетесь. Есть те, которые считают вас всех антиобами. Я не из таких. Я друг.

— И притом разговорчивый. — Дверь открылась, впуская его, но не отодвигаясь внутрь, а подымаясь и исчезая в притолоке. — Заходи, искатель.

— Я вооружен, — предупредил он, прежде чем шагнуть через порог.

— Мы знаем. — Дверь за ним закрылась.

Он оказался в очень маленьком коридоре, залитом голубым светом. Когда тот погас, его приветствовала с довольной полуулыбкой неожиданно пышнотелая молодая женщина, облаченная в цельную одежду, состоящую из расплавленных, раскатанных в тонкий блин и отлитых в новую форму забракованных электронных компонентов. На ее неудобном на вид костюме мигали и вспыхивали огоньки, но она, казалось, ничего не имела против того, что в платье то и дело происходили какие-то соединения и связи. При виде того, как у него разбегаются глаза, ее улыбка расширилась.

— Это держит начеку тех из нас, кто стремится узнать Путь, — объяснила она.

— И какой же это Путь? — спросил инспектор, когда она повернулась, чтобы проводить его, а он последовал за ней.

— Как какой, конечно же, Правильный Путь. Но если ты и правда искатель, как утверждаешь, а не просто еще один тупой федоко, то и так уже знаешь это.

— Голубой свет? — спросил он, когда они свернули за острый угол в коридор, лишенный отличительных черт.

— Мы не боимся обыкновенного оружия вроде того, какое у тебя при себе. У нас есть способы справиться с ним. Нас волновало, что ты мог, по собственной воле или чужой, принести с собой дисраптор. Это вызвало бы у нас озабоченность. — Оглянувшись на него, она блаженно улыбнулась. — Мы не можем допустить, чтобы вторгшиеся к нам чужаки гнобили наш кранч.

— Я считаю точно так же, — правдиво ответил он.

Коридор неожиданно привел их в большое затемненное помещение. Потолка не было, и ряды спиральных кресел свободно двигались между двумя этажами. Изрядную часть пространства заполняли пылающие экраны и голографические проекции. Перед этой поразительной массой дисплеев сидели или развалились две дюжины дьяконов Мудрого. Некоторые из операторов были подсоединены напрямую через контактные кепки, в то время как другие что-то бормотали в чувствительные голкомы или барабанили по клавиатурам. Плавные колебания голосов, шепчущих своим пультам устные команды, напоминали Карденасу приглушенное григорианское песнопение, хотя язык, на котором они говорили, имел столько же общего с латынью, сколько финский с фиджийским.

В центре всего этого на противоположной стороне помещения удобно расположился Орилак Мудрый, откинувшийся в шезлонге, вращавшемся в ответ на его негромкие команды. Седовласый и с сардонической жилкой, с бдительным взглядом и полным телом, он взмахом руки отпустил от себя женщину, которая только что закончила наполнять его полуметровую гликолевую трубку, и лениво выпустил в сторону Карденаса облачко ароматного дыма. Принюхавшись, инспектор идентифицировал вдобавок к маскирующему запаху по меньшей мере три различных усыпляющих вещества.

— Почему ты просто не глотаешь? — Он остановился перед шезлонгом. Если тому и предназначалось казаться троном, то дизайн его выглядел решительно бесцеремонным. Препроводившая его молодая женщина сложила руки на груди и осталась рядом с ними. Он не знал, какие сюрпризы кроме ее безусловно привлекательной фигуры таились под покрывавшим девушку с головы до пят мигающим электронным одеянием, но подозревал, что они могут оказаться смертельными.

Орилак Мудрый взмахнул трубкой, словно дирижер посреди болеро Равеля.

— Может быть, более действенно. Но в глотании таблетки нет ничего эстетически привлекательного. Так забавней, и я действительно думаю, что это повышает силу. — Он сузил глаза. — Ты интуит.

Впервые с момента появления в ведущем к двери проулке, Карденас удивился.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знал. Но я хорошо угадываю. Приходится быть догадливым, когда вынужден жить с моими физическими проблемами. — И, поморщившись, переместил свою массу на шезлонге.

— Это и есть истина, которую ты усвоил?

— Уж лучше поверь в это, братец. Никакая другая истина не сравнится с неисцелимой болью в спине. Все это связано с реальностью. Но, впрочем, реальность вся состоит из связанности с чем-то. Ты связан со своей работой, Камилла связана со своими предпочтениями. — Он сделал размашистый жест, охватывая помещение с занятыми дьяконами. — Все мы связаны с чем-то. Именно те немногие, кто понимает природу этих связей, и достигли в какой-то мере понимания своего внутреннего «я» и жизни. — Он снова пыхнул трубкой. Дым взвился спиралями, похожими на готовящихся ужалить полупрозрачных змей. — Будучи интуитом, ты и так уже это знаешь.

— Кое-чего знаю, — искренне ответил Карденас.

— Но не достаточно. — Орилак, закашлявшись, отложил трубку. — Иначе не был бы здесь.

Инспектор чуть заметно кивнул.

— Мне нужна твоя помощь. Твоя и твоих собратьев по вере.

— С какой стати нам помогать вам? — резко бросила женщина, заботившаяся о прикованном к шезлонгу священнослужителе. — СФП никогда для нас ничего не делала.

— Позвольте не согласиться, сеньора. Мы оставляли вас в покое.

— А, чудесное благо официального недосмотра! — хохотнул Орилак. — Федоко с чувством юмора. А юмор — это клин для достижения неохотно открывающихся истин. — Поднявшись в сидячее положение, он подмигнул гостю. — Часть работы священника заключается в умении отпускать краткие афоризмы.

— У тебя это здорово получается, — правдиво сказал ему Карденас.

— Нас связывает друг с другом еще кое-то. Полагаю, ты обязан задать мне несколько вопросов. Это не значит, что я отвечу на них.

— Тебе и не придется. Вопросы эти не о тебе или твоей секте. Я пытаюсь найти одну женщину.

Стоявшая рядом с ним Камилла негромко рассмеялась. При этом украшавшие ее одежду огоньки замерцали ярче.

— Тогда тебе нужно заглянуть в секстель, а не в Костезону.

Карденас смерил ее взглядом, полным терпения.

— Одну женщину и ее дочь.

Камилла выдержала его взгляд.

— Остаюсь при своем мнении.

Инспектор со вздохом переключил внимание на Орилака, выказавшего умеренное любопытство.

— Их ищут и другие. Некоторые хотят их допросить, а

некоторые — убить.

— А у тебя какие намерения? — хмыкнул Орилак.

Карденас сделал глубокий вдох.

— Я просто хочу выяснить, что же, черт возьми, происходит.

Выказав неожиданную энергию, священнослужитель резко поднялся в сидячее положение, да так проворно, что поразил свою заботливую сиделку. Закрыв глаза, он выставил руки перед собой и встал на колени, повернувшись к гостю. Лицо его выражало удовлетворение.

— Чудо из чудес! Многая хвала Универсальному Ящику. Федоко, у которого есть не только чувство юмора, но и намеки на мудрость. Кто б подумал увидеть такое. — Откинувшись назад, он снова взял трубку. — Это, друг мой, настолько близко к универсальной истине, насколько любое слышанное мной толкование. По крайней мере за последнюю неделю. Я не говорю, будто мы сможем помочь тебе, но что именно ты хочешь узнать об этих двух женщинах? И почему это другие хотят допросить их, или желают умертвить?

— Когда найду их, то обязательно у них спрошу, — ответил Карденас. Мудрый склонялся к поддержке его просьбы. Инспектор видел это.

— И связанные, и несвязанные все одинаковы, — вздохнул Орилак, — и они даже не понимают этого. — Отложив трубку, он взял толстыми пальцами голком. — Как их зовут?

Вместо ответа Карденас повозился со спиннером и передал священнику «вафлю», содержащую многое из того, что он узнал о Сурци и Катле Моккеркин.

Говоря прямо в голком, Орилак связался со своей паствой. И сразу же замигали, оживая, новые экраны, а сбоку и наверху запылали свеже заряженные голограммы. Прошло меньше минуты, прежде чем Мудрый потер пристегнутый к его правому уху крошечный приемник. Выражение его лица не внушало особых надежд.

— Никаких сведений об их текущем местонахождении нет. Они не связаны с общиной. Ты уверен насчет имен и внешности?

Карденас плотно сжал губы.

— Убежден. Я думал, у ваших людей есть доступ к закрытым ящикам.

Орилак чуть пожал плечами, и по облегающей его лопатки плоти пробежала рябь.

— О, да неважно, что ищешь, если внутри ничего нет. Если разыскиваемая тобой парочка находится в Севамерике, их присутствие нигде не зарегистрировано. Они, должно быть, хорошо и истинно спрятались. Наверное, даже прибегнув к

хирургии.

Нетерпеливый и разочарованный, Карденас покачал головой.

— У них хватало времени на бегство или изменение внешности, но не на то и другое.

— Сожалею, — оправдываясь, сказал Орилак. — Если б они существовали, мы бы знали. — Он снова окинул взглядом свое мигающее, светящееся окружение. — Люди-то могут спрятаться, но вот цифры — нет. Ты знаешь, что слово «нумерология», бывало, означало нечто совсем иное?

У Карденаса больше не было времени для философской болтовни.

— Вы не могли бы поискать их еще раз? В местечке под названием Дружба?

Орилак передал эту информацию своим. И почти мгновенно пришел ответ, что в недавнее время ни одной женщины и девочки указанной внешности не зарегистрировано ни в Пенсильвании, ни в Айове, ни в Манитобе.

Карденас отказался признать поражение. Сурци и Катла Моккеркин должны где-то да быть. По части «то» он уверен, и ему надо лишь точно определить это «где».

— Попробуйте лингвистические аналоги, — предложил наконец он.

— Которые? — спросил гостеприимный хозяин.

— Все. Самые близкие друг к другу физически и лингвистически.

Для данного поиска было задействовано столько кранча, что в помещении заметно потемнело. И где-то, знал Карденас, из вполне законных предприятий выкачивались, несомненно незаконно, кранч и энергия.

Пока шел поиск, Орилак Мудрый безмолвствовал, опустив подбородок на грудь, закрыв глаза. Теперь же он поднял голову, и Карденас с огромным облегчением понял суть того, что собирался сказать священник, прежде чем тот открыл рот.

— Есть. — Для священнослужителя, подумал Карденас, Орилак Мудрый мало склонен к нескончаемому догматическому разглагольствованью. Между хозяином и гостем материализовался голографический экран. Он показывал мерцающую запись цепочки путешественников, стоящих в очереди в таможню. Когда две фигуры прошли, Карденас узнал мать и дочь. Они изменили цвет волос и прически и надели платья, призванные замаскировать их физические черты, но основываясь на архивах соче, он бесспорно видел перед собой Сурци и Катлу Моккеркин.

— Когда и куда? — живо спросил он. Все виденное и

слышанное им фиксировалось его открытым спиннером.

Экран в ответ на команду Орилака сфокусировался на бланке, который внимательно изучал таможенник. Обзор длился всего секунду. Едва не войдя в красноватую голограмму, Карденас прочел название.

— Коста-Рика, — задумчиво пробормотал он. — Не удивительно, что поиск по линии СФП их не обнаружил. Они выехали за пределы нашей юрисдикции.

— Вашей юрисдикции, — указала с нескрываемым удовольствием сиделка.

— Ла-Амистад. — Карденас поработал со своим спиннером. — А в переводе — Дружба, национальный парк, тянущийся вдоль всей границы с Панамой. Самый большой нетронутый участок влажного тропического леса, оставшийся в Центральной Америке. — Оторвавшись от спиннера, он встретился взглядом с Орилаком. — Да, в таком месте хорошо скрываться от упорных преследователей. — Он сунул спиннер обратно в пиджак. — Меня зовут инспектор Анхель Карденас, и я перед вами в долгу.

— Искатели истин связаны друг с другом более прочными узами, чем долг, друг мой. Когда будешь в следующий раз глубоко в ящике, удели мысль тем из нас, кто посвятил жизнь поискам. И предоставь нам спокойно продолжать свои изыскания.

— Я так и сделаю. — Карденас повернулся к выходу. — Только постарайтесь, — попросил он с прощальной улыбкой, — не красть слишком много кранча.

— Кто, мы? — Орилак Мудрый указал на занятое кипучей деятельностью помещение. — Мы платим за все, что ты видишь вокруг себя.

— Вердад, — отозвался инспектор — но какой валютой?

— Ну конечно же, связующей валютой, — заверил его на прощанье гостеприимный хозяин. И добавил более серьезно: — Надеюсь, ты найдешь эту полусемью раньше, чем это сделают те, о которых ты говорил. Мне не по душе беспричинное убийство.

— В отличие от искреннего убийства?

— Мы мирный орден. — Орилак поднял руку. Этот жест был и благословением и разрешением удалиться. Карденас предпочел не указывать на смертельный аппарат, скрытый под благопристойным и хорошо освещенным платьем очаровательной Камиллы. Это было бы невежливым.

9

Вот из подобных-то озарений и складываются следовательские карьеры. За долгие годы службы в Департаменте Карденас выдал немало таких наитий. В конце концов, было вполне разумным предположить, что болтливый Уэйн Бруммель обсуждал свое потенциальное убежище и с женщиной, с которой жил, и с той, которую когал на стороне. И головой инспектор качал не из-за разговорчивости покойного, а из-за понимания иронии ситуации. Говоря с детства и по-английски и на испангоне, он ухитрился проморгать возможность использования языка дедов Карденаса каким-то англо вроде Бруммеля.

Согласно архивам, Мока столько раз привлекали к суду по разным обвинениям, что Карденасу и считать не хотелось. В большинстве случаев его отпускали, иногда в силу каких-то юридических формальностей, а обычно за отсутствием твердых улик. Согласно закону, жену нельзя заставлять свидетельствовать в суде против своего мужа. В отношении ребенка процедурные положения были менее ясными.

Кроме того, учитывая их нынешнее душевное состояние, ни Сурци, ни Катлу Моккеркин не понадобилось бы принуждать давать свидетельские показания — так считал Карденас.

Установление местонахождения обеих Моккеркин не гарантировало, что ему удастся не только добиться их экстрадиции, а даже просто увидеться с ними. Как кратко указала сердитая сиделка Орилака Мудрого, Коста-Рика находилась за пределами юрисдикции СФП. Хотя СШС заключили десятки договоров с Центрально-Американской Федерацией, те не простирались до официального разрешения блюстителям порядка обеих территорий открыто действовать в пределах границ соседа.

Но вот неофициальные набеги, размышлял он, выходя со станции индукционной трубы около госпиталя, были (как часто случается, когда речь идет о деятельности правоохранительных органов) совсем иным делом.

Хаяки ждал его, неудобно втиснутый в кресло-каталку рядом со столом выписки пациентов. Он выглядел сейчас менее похожим на довольного Будду и больше — на страдающую расстройством пищеварения гориллу, которую чересчур долго держали в небольшом упаковочном ящике. Когда подошел старший коллега, он скорбно глянул на инспектора.

— Официально меня не выпустят, пока за меня не распишется кто-то из Департамента, — проворчал он. — В такие времена я жалею, что холост. А то чувствую себя какой-то

чертовой посылкой, которая одиноко стоит на почтамте, дожидаясь, пока кто-то явится ее забрать.

— Значит, я могу поставить на тебя штампик «Отказ, вернуть отправителю»? — съехидничал Карденас. Хаяки ответил нехарактерным для него ругательством. Покуда Карденас расписывался на необходимых бланках, сержант не переставал обиженно ворчать.

Когда ему наконец официально дозволили покинуть кресло-каталку, он пнул его в подъезд перед приемным покоем. Пинок получился слабоватым, иначе кресло не пережило бы такого обращения.

— Как спина? — сочувственно спросил Карденас.

Спрашивать ему, конечно же, не требовалось. Он и так знал. Но после долгих скучных дней, проведенных в реабилитации, его другу требовалось поговорить.

Нельзя сказать, что Хаяки был особенно разговорчивым малым. Сержант лишь вкратце коснулся омерзительных удовольствий госпитального простоя, прежде чем вновь проявить интерес к делу, которое и привело его к вынужденному отпуску. Толкая свой якк и слушая ответы Карденаса, он часто встряхивал плечами или вращал торсом, словно его заново отросшая кожа была слишком тесной и сидела не совсем как надо.

— Коста-Рика, — пробормотал рослый сержант, когда инспектор завел патрульную машину. — Ла-Амистад. Странное место бегства для человека при деньгах. Можно б ожидать, скажем, Прагу или Петербург. Но уж никак не джунгли.

Карденас нырнул в пока не слишком бурный поток уличного движения, оставив бездействующей мигалку, лучи которой исполосовали верх официальной машины. Они не спешили.

— Очевидно, скрытость для них важнее комфорта. Если тебя распылят, то все равно, где ты валяешься, в пятизвездочном отеле или на автостоянке.

Хаяки потер щеку, мягко массируя новую эпидерму. Кожа у него не чесалась, но зудела. Для уменьшения симптомов госпиталь снабдил его спреем.

— Амистад, Амистад — по-моему, я уже натыкался на это название.

Его напарник включил сканер патрульной машины и приказал ему настроиться на станцию, передающую негромкую классику из лондонского Ист-Энда. Парящие мелодии ранней симфонии Брага-Сантоса создавали соответствующий интерьеру машины музыкальный фон.

— Это самый большой участок девственного влажного тропического леса гор, какой остался в ЦАФ. И конечно, Резерва

Амистад означает просто заповедник Дружба. Даже не верится, что я мог этого не заметить.

— Слишком много новых слов приходится усвоить, — улыбнулся сержант. — Когда живешь в таком местечке, как Ногалес, где каждый день обновляется словарь, твоему церебро легко упустить очевидное. — И постучал себя пальцем по лбу, подчеркивая сказанное. Отсутствие волос, улетучившихся при взрыве, уничтожившем жилище Андерсонов, сделало его более, чем когда-либо похожим на азиатскую версию Просветленного.

— Если они прячутся в самом центре ЦАФ, — заметил он, — то дело от нас уплывает.

Пальцы Карденаса погладили руль.

— Не обязательно.

— Ты это интуитишь, Анхель? — удивленно посмотрел на него напарник.

На лице инспектора появился намек на улыбку, слегка приподнявший кончики его густых вислых усов.

— Тебе причитается несколько выходных по болезни. А у меня накопилось время отпусков. С Пэнгборном я все обсудил. Похоже, есть обязанности официальные и обязанности неофициальные. И кроме того, есть обязанности полуофициальные. — Он посмотрел на друга. — Ты да я, да мы с тобой, нам предстоит отправиться в небольшое полуофициальное путешествие. Я уже запасся москитными антиферомами.

Хаяки скрестил руки на груди и погрузился глубже в сиденье. Колени загораживали ему обзор через лобовое стекло.

— Вот и весь мой небольшой послеоперный отдых и оттягиванье, — пожаловался он.

— Коста-Рика тебе понравится, — проигнорировал его жалобу Карденас. — Как я понимаю, там прекрасные пляжи.

Сержант снова посмотрел на него. Напарник сосредоточился на уличном движении.

— Ты же сказал, что отсутствующая миз Моккеркин и ее дочка направлялись в горный тропический лес. Никаких пляжей в горном тропическом лесу нет.

— Я сказал, что пляжи там прекрасные, — сухо ответил Карденас. — И не говорил, что мы едем туда.

Международный аэропорт Интель в Сан-Хосе угнездился между одетых в зелень гор и действующих вулканов, окруженный промышленными предприятиями и сборочными заводами, которые во многих отношениях не только подражали индустрии Полосы, но и поставляли для нее компоненты. Еще в конце двадцатого века энергичные тикос Коста-Рики признали, что

будущее заключалось не в выращивании бананов или копры, а в хайтехе и экотуризме и соответственно перестроили структуру своей страны. Теперь Коста-Рика была самым богатым членом ЦАФ, предметом зависти своих соседей и образцом для успешно развивающихся экономик в Панаме и Белизе.

С соблюдением всех формальностей, но вежливо их пропустили через таможню и иммиграционный контроль, а потом попросили зайти в кабинет с сильно затемненными окнами. Первоначальная неуверенность сменилась успокоением, когда их приветствовала лейтенант Корасон из полиции ЦАФ. Невысокая коренастая крепкая блондинка лет сорока с небольшим, она усадила их к своему столу, предложила прохладительные напитки из холодильника и заговорила, изучая голографический экран, содержимого которого ее гости не видели:

— Полуофициальный визит, не так ли? — заметила она на безупречном английском, отвечая на взгляд Карденаса недрогнувшим пристальным взглядом. Несмотря на ее невысокий рост, ему не хотелось бы пересечься с этой женщиной в бою. — У нас такие не часты. Я вижу, что вы пытаетесь отыскать одну севамериканку и ее дочь.

— Они скрываются от ее мужа и других заинтересованных антиобных сторон, — кивнул Карденас. — В деле замешана уйма денег, плюс какая-то конфиденциальная информация, которой, возможно, обладает дочь. Нам бы очень хотелось отыскать их и забрать домой. Там их можно будет поместить в программу надежной защиты. Мы считаем, что на данный момент они в панике.

— И вы убеждены, что паническое бегство привело их сюда?

— В Ла-Амистад. — Карденас положил ногу на ногу. Беседа могла быть и обычной, но вот лейтенант Корасон такой определенно не была.

— Для перепуганной матери с ребенком, они, похоже, действовали довольно неплохо. — Она вызывающе улыбнулась. — Им, например, удалось ускользнуть от ваших людей.

Карденас на такое не клевал.

— Мы узнали, где они, лишь после того, как обе давно уже убрались.

Лейтенант кивнула, заново изучая взглядом экран. Затем она тихо выдохнула и скомандовала ему отключиться. Внимание ее переходило с одного федерала на другого.

— Вам известно, что там во влажном тропическом лесу Ла-Амистад? Кроме кецалей, ленивцев, ягуаров и ормегас солдадос?

— Много влаги? — с ходу предположил Хаяки.

Она наградила его неодобрительным взглядом.

— Там находится Ла-Сьюдад-Симиано[48]. И только в нем есть санкционированные жилища. Все прочее оставлено диким, в соответствии с постановлениями правительства, ВФЖП, ОТИ и других признанных научных организаций, которые отвечают за сохранение здоровья и биоразнообразие заповедника. Если ваши леди в Ла-Амистаде, то они там с разрешения администраторов Симиано. — Тон ее посуровел. — А те могут плохо отнестись к визиту пары Севамериканских федералов.

— Мы с ними потолкуем. — Хаяки показал на своего друга. — Мой напарник умеет быть очень убедительным. У него есть подход к людям.

Обаятельная улыбка, которой Корасон одарила явно заинтригованного Карденаса, диссонировала с ее тоном.

— Оно и видно, — обольстительно пробормотала она. — К несчастью, как только вы вступите в Сьюдад-Симиано, то будете иметь дело уже не с людьми.

— Знаю, — улыбнулся Карденас.

Хаяки выглядел сбитым с толку.

— Ну а я — нет. Меня долго латали, а прилетели мы сюда довольно спешно. Я не такой гуру по части исследований, как Анхель. Что это за «Сьюдад-Симиано», и почему у меня такое ощущение, что он может представлять для нас проблемы?

— Все зависит от того, как вас воспримут местные обитатели. Я могу лишь информировать офис заповедника о вашем предстоящем прибытии. Если вам повезет, то вы получите доступ без всякого труда. Если же нет… — она откинулась на спинку кресла и пожала плечами — …тогда даже я и мое начальство не сможем провести вас. — И объяснила, в чем дело.

Короткий прыжок на самолете местной авиалинии до Сьюдад-Нейли, ближайшего городка с аэропортом около обширного заповедника Амистад, занял немного времени. В тропическом воздухе самолет тряхнуло всего в нескольких ямах. Помимо обеспечения их лучшей имеющейся машиной для поездки в горы — тягачом «4Х4» на аккумуляторной батарее со спальными и кухонными принадлежностями для двоих — дружелюбная, хоть и сомневающаяся лейтенант Корасон ничем больше не могла им помочь. В конце концов, они ведь путешествовали полуофициально. А это означало, что хотя местная полиция не станет вмешиваться в их деятельность, она равным образом не сможет и оказать официальную помощь. Двух федералов это не беспокоило. Они прибыли, ожидая скорее молчаливого согласия, чем помощи.

Дорога из Нейли была превосходной, но за пределами

горного городка Сан-Вито ее характер стремительно изменился. После Сабалито она быстро выродилась в горную тропу. Раскинувшийся на протяжении свыше миллиона гектар, обширный Резерва де Биосфера Ла Амистад был самым большим нетронутым участком тропического леса на севере Южной Америки. И те, кто отвечал за его целостность, явно намеревались и в дальнейшем сохранять его таким. Тащась на восток, постоянно подымаясь все выше и выше, федералы оказались окруженными со всех сторон одетыми в зелень горами. На севере над всем этим регионом высилась Фаброга, вышиной в 3336 метров. Хотя спутники и не видели ее, они не чувствовали себя обманутыми. В окружающей их местности и без того хватало и тревожно-крутых склонов и драматических, пронзающих облака пиков.

Сверхмощные аккумуляторные батареи «4Х4» они перезарядили в Прогрессо, последнем городке перед въездом в дебри зоны Лас-Таблас. Заповедник продолжался в соседней Панаме, но граница оставалась неотмеченной. Несмотря на высоту над уровнем моря, пот с обоих спутников лил целыми литрами. Они привыкли к сухой жаре Полосы, а не к знойной влажности джунглей.

— Собираетесь повидать симианос? — спросил на запинающемся английском служащий станции комплексного обслуживания.

— Если мы хотим проехать в зону Лас-Таблас, то у нас нет иного выбора. — Хаяки хорошо запомнил слова любезной лейтенанта Корасон.

Старик кивнул, отключая водородный наполнитель и загерметизировав бак машины.

— Локо народ эти симианос. Держатся особняком. За границами Резервы их особо и не видно. Так-то оно и лучше, си?

Карденас улыбнулся. Старик не боялся симианос; его безразличие светилось, как тусклая лампочка.

— Сколько мы вам должны?

— Севамериканос! — пробормотал про себя служащий, пропуская через аппарат карточку инспектора. — Вечно они испытывают пределы. Вечно они искушают судьбу.

Тем не менее он пожелал им удачи. В конце концов, они ведь были туристами, и в качестве таковых их присутствие в его маленькой общине следовало ценить. Тикос хорошо усвоили уроки конца двадцатого века.

За пределами Прогрессо дорога вскоре выродилась в насыщенную влагой вязкую кашу, в которой изредка, подобно кусочкам фруктов в пудинге, попадался гравий. Периодические

тропические ливни продолбили в тропе овраги, похожие на параллельные надрезы в торте. Сидя за рулем прокатной машины, Хаяки страдал от постоянных подскоков и провалов на рытвинах и ухабах больше, чем его спутник, поскольку его череп едва не касался крыши. И словно путь был недостаточно труден, начался еще и дождь.

По мере того, как дорога делалась все более скользкой, им вскоре пришлось измерять продвижение в таких категориях, как метр соскальзывания вбок на каждые два пройденные вперед. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, уступив место серо-белым облакам, которые набежали с изумрудных горных вершин, словно привидения. Один раз огромная птица с когтями и клювом, сплошь в черно-белом оперении, взмыла прямо перед машиной, резко вереща, пытаясь убраться с пути приближающегося «4Х4». Хватило и короткого взгляда: было видно, что размах крыльев у этой птички больше двух метров. Пораженный Хаяки вдарил по тормозам, вынудив Карденаса схватиться обеими руками за приборную доску, чтобы его не бросило вперед. К счастью, ни один из окружающих его шести защитных мешков не надулся.

— Сожалею, — извинился сержант. — Она застала меня врасплох. Я следил за дорогой и не видел, как она подлетела. Что это вообще за тварь, черт возьми? Эта проклятая штука выглядела, словно дельтаплан.

— Гарпия. — Внимательно прислушивающийся Карденас снова различил пронзительный крик. Он доносился теперь издалека и затихал. — Тебе и не полагалось увидеть, как она подлетает.

— Откуда ты знаешь, что это была именно она? — неуверенно поглядел на него напарник.

— Часто смотрю виты про природу. — Он кивнул на развернувшуюся перед ними разбитую дорогу. — Ставь ее на низшую передачу и малую скорость, когда включается сцепление. Нам ни к чему слишком сильно загружать сенсоры и уж совсем ни к чему застревать здесь. Топать обратно в Прогрессо далеко и сыро.

— Знаю. — Хаяки ворча потянулся к ручке переключения скоростей, чтобы переключить машину обратно на привод. Передняя передача была, конечно же, только одна. А когда требовалось переключить двигатель на более низкую передачу, бортъящик машины чувствовал это и соответственно снижал мощность.

Из леса слева от них появилась спотыкающаяся вниз по склону фигура. На ней был простой дождевик, раскрашенный в

цвета местного флага. Если не считать этого самого дождевика и хайтех-трости в руке, персонаж мог сойти прямиком со стелы майя. За ним следовали молодая женщина с ребенком на руках и еще двое мужчин, выглядевших заметно моложе шедшего впереди. Эти трое остались ждать на обочине дороги, которая под воздействием беспрестанных ливней стала почти неотличимой от центра проезжей части. Патриарх группы, опираясь на трость, проковылял к работающему на холостом ходу «4Х4». Хаяки опустил стекло бокового окна.

— Прошу прощения, сеньорес, — обратился старейший из компании на сносном английском, — но мы с семьей сегодня угодили под ливень. — Слегка повернувшись, он показал на топи проезжей дороги. — Наш грузовик, который вез продукцию с фермы, сломался на обратном пути из Резервы. Мы очень устали, а ребенок моей невестки замерз и проголодался. Вы не могли бы подвезти нас в Сьюдад? А уж оттуда мы сможем устроить доставку нужных частей для починки грузовика.

Карденас внимательно посмотрел на говорившего.

— Разумеется, будем рады помочь. — Он сунул руку во внутренний карман. — Вот кое-что для ниньо.

Когда он извлек на свет пистолет и направил его в лицо подошедшему, Хаяки вжался в сиденье, насколько позволяла его спинка, и, пустив в ход левую руку, заставил ее откинуться еще дальше. Глаза местного в дождевике расширились, когда он уставился на дуло крошечного, но смертоносного пистолетика.

— Назад. — Голос Карденаса был ровным, даже успокаивающим. Но когда ему хотелось, он мог вложить в него достаточно холода, чтобы нейтрализовать и соус «хабаньего». — Держи руки на виду. Никаких резких движений. Фредозо, двигай нашу тачку.

— О да, — напряженно пробормотал сержант. По-прежнему откинувшись назад, он маневрировал своей массой до тех пор, пока не смог дотянуться до ручки переключения скоростей. «4Х4» тронулся вперед, интегрированные показания сенсоров на шасси и подвеске сообщали, что ходовая часть в полном порядке. Коробка передач откликнулась, как положено.

Когда они поползли вперед и покатили мимо крошечной семейной группы, молодая женщина вскинула обе руки и с размаху бросила спеленатого ребенка прямо в лобовое стекло. Карденас с криком резко открыл дверцу на своей стороне и выбросился из машины. Хаяки сделал то же самое, совершив жесткую посадку в усеянной гравием грязи. Заметив отсутствие водителя, машина сразу же выключила двигатель и начала становиться на дополнительный тормоз. Сделать это она не

успела.

Ударившись в лобовое стекло, узел отскочил от изолирующего прозрачного материала, прежде чем приземлиться на капоте. Не содержащий ничего органического, он разразился сильнейшим электрическим разрядом. Во влажном воздухе резко запахло озоном, когда из капота, кузова и шасси «4Х4» во все стороны посыпались искры. Спроектированный для мгновенного поражения электрошоком всех, кто находился в машине, узел в итоге изжарил лишь ее электрическую систему.

Откатываясь прочь, инспектор вскинул оружие и повел им кругом, когда что-то горячее и очень быстрое пропахало в земле борозду как раз там, где он лежал всего миг назад. Швырнувшая сверток молодая женщина отбросила дождевик и как раз занималась наведением многоствольного барстера на Хаяки, когда второй выстрел Карденаса прорвал ей насквозь правое плечо. С исказившимся лицом она выронила барстер и схватилась за предплечье. На другой стороне дороги Хаяки скатился в кювет и теперь непрерывно стрелял.

Под прикрытием огня, который вел старший член липового фермерского квартета, двое мужчин помоложе подхватили свою раненную сообщницу и полууволокли-полуунесли ее вперед по дороге. Один из выстрелов сержанта угодил отступающему главарю по ребрам и освободил его от грудной полости. Когда он рухнул ничком в грязь, трое его отступающих коллег прибавили ходу. И меньше, чем через минуту исчезли за ближним поворотом дороги.

Двое федералов осторожно приблизились к неподвижному телу человека, просившего подвезти его с семьей. На землю начал опускаться густой туман. Никаких признаков его спутников не наблюдалось. Кровь и дождевая вода перемешались и собрались в лужи, которые скоро впитаются в пористую тропическую почву.

Хаяки убрал оружие в кобуру, оглядываясь на пройденный машиной путь.

— Думаю, остальные не вернутся. Что это было такое?

Опустившись на колени рядом с убитым, Карденас задрал ему рукав, выставив напоказ татуировку, изобилующую свернувшимися змеями, перьями и письменами майя.

— Сенсемайя. Банда, действующая в основном в ЦАФ, но известная своими рекогносцировками на севере вплоть до Четырех Углов.

Сержант провел массивной ладонью по обрастающей волосами голове и шее.

— Я о них читал. Как ты узнал, Анхель?

— Что они сенсемайя? — Он выпрямился, стряхивая

приставшую к брюкам грязь. — Я и не знал, вплоть до этой минуты. Но точно знал, что они отнюдь не простые фермеры и что им нужна не просто попутка. — Хаяки понимающе кивнул. Уж он-то лучше, чем кто-либо другой, знал способности своего напарника.

— Позы у них были совсем не те, — пояснил Карденас, глядя на труп. — Не смиренные, а одеревенелые. Не усталые от долгой ходьбы, а напружиненные. Да и женщина держала «младенца» не так, как надо. А те двое агро с ней выглядели не исполнившимися надежды, а напряженными и настороженными. — Нагнувшись, он подобрал упавшую трость и повертел ее в руках, с интересом изучая устройство.

— У этого дедули были самые лучшие зубы и самые гладкие руки, какие я когда-либо видел у фермера. Что же до его трости, то это прекрасный образчик маскировки, хотя исполнение не совсем идеальное.

Повернувшись, он направил верхний сегмент трости на джунгли и провел пальцем по углублению сбоку. Последовала вспышка и переломанное посередине ствола дерево приличных размеров с шумом опрокинулось на окружающий лес. Хаяки с уважением поглядел на оружие.

— Что думаешь, Анхель? Матарос, посланные Моком перехватить нас? А может, ребята работающие с инзини или какой-то другой командой?

Карденас сомневался.

— Может, эти ребята и не фермеры, но выглядели они как местные. Да и вели себя тоже. Если верить тому, что я прочел, прежде чем ехать сюда, округа эта по прежнему очень дикая. Здесь в горах прячутся всякие бандитос и скавы, которые нападают из засады на неосторожных путешественников. — Он показал на машину, из которой продолжал валить дым. Огонь встроенная в машину система пожаротушения уже погасила. — Вероятно, приняли нас за туристов или, может, за едущих в Сьюдад исследователей. Легкая добыча, малая вероятность сопротивления, не говоря уж о серьезном отпоре и уйма кредита и ценного снаряжения. — Он с сожалением покачал головой. — Не было даже времени показать им идент. Правда, они и тогда не обязательно бы передумали.

Они обсуждали скрытые свойства трости, осторожно приближаясь к своему «4Х4». Его внутренние системы наконец погасили пожар. Вместо полыхающего пламени из-под капота машины, как и из приборной доски подымался черный дым. Брошенный женщиной, а теперь расплавившийся и неподвижный узел лежал на капоте. Полностью разрядившийся, он стал

совершенно безвредным.

Им не требовалось открывать капот, чтобы догадаться, с чем столкнутся, заглянув под него. И все-таки они его подняли. Открывшиеся их взглядам опаленные провода, превратившиеся в шлак чипы и тлеющие компоненты подтвердили то, о чем их и так уже уведомил подымающийся дым: эта машина никогда больше не поедет на собственной тяге. Дав крышке капота с грохотом рухнуть на сломанные опоры, они перешли к обследованию салона. Из закопченного центрального багажника и все еще горячего бардачка были извлечены лежавшие среди прочего новообразованного мусора два комка закопченного и опаленного снаряжения: полицейские спиннеры. Когда Карденас дал бесполезным ныне комьям упасть на влажную землю, Хаяки оперся массивной ручищей о композитный корпус разрушенной машины и мрачно поглядел на окружающую зелень.

— И что теперь?

С трудом протащившись по грязи к заднему бамперу «4Х4», Карденас откинул задний борт.

— Раз не можем связаться, так придется прогуляться. Мы намного ближе ко входу в Резерву и Сьюдад-Симиано, чем к Прогрессо. Кроме того, я не для того проделал весь этот путь, чтобы возвращаться.

— Я тоже проделал весь этот путь не для того, чтобы извазюкаться в грязище и промокнуть до самой своей новой кожи. Но, по крайней мере, здесь не холодно. — Нагнувшись рядом с другом, Хаяки принялся собирать те скромные припасы, которые уцелели при недолгом, но интенсивном внутреннем возгорании машины. Их багаж, содержащий большую часть одежды, оборудование и запасные спиннеры, стоял целым и невредимым в комнате, которую они сняли в Посада-Прогрессо.

Карденас скорчил гримасу, созерцая затянутое тучами небо.

— Подожди до полуночи. На такой высоте даже в джунглях делается холодно.

— Спасибо за уведомление, — язвительно отозвался Хаяки. — Честно говоря, я был бы счастливее, прозябая в неведении.

10

Им удалось одолеть меньше пары киломов, когда снова полил дождь. Запихав целиком в рот плитку из злаков и фруктов, которая составляла половину уцелевшего пайка, Хаяки мрачно передвигал ноги, скрестив голые руки на груди. В одном из карманов у него болталась фляжка с водой. Собираясь прибыть в Резерву уже к вечеру, они не особо запаслись провизией.

По крайней мере, им не приходилось беспокоиться об экономии воды. Хотя прохладный дождь заметно добавлял дискомфорта, для утоления жажды его хватало. Собирать воду было не во что, кроме сведенных чашей ладоней, если, конечно, не считать промокшей насквозь одежды. Как и почти все прочее, водоотталкивающие плащи погибли при пожаре, поглотившем «4Х4».

Вот таким удручающим манером они и тащились по грязи, промокшие и несчастные, дожидаясь попутки, которая так и не возникла.

— Этим путем едет не слишком много туристов. — Карденас попытался опознать ярко-красную птичку, клюющую какой-то фрукт на нижних ветках ближайшего дерева. — Ла-Амистад — это не Монтеверде или Корковадо.

— И не Ногалес. — Выбранные Хаяки ботинки были хороши для прогулок и пока оставались сухими. Он оглянулся на пройденный ими путь. — Ведь здесь же наверняка должен регулярно ездить грузовик с припасами или патрульная машина лесников?

— Уверен, что они и ездят. — Инспектор осторожно перепрыгнул через глубокую наполненную водой рытвину. — С ними те фелеоны постарались бы не встречаться. Полагаю, мы не похожи на лесничих. — Он оглянулся на напарника. — Ладно. Нет худа без добра. Возможно, в следующий раз те, что уцелели дважды подумают, прежде чем напасть на первый же проезжающий «4Х4».

— Жаль, что не подумали в этот раз. — Рослый сержант поморщился. — Мне нужен бифштекс.

— Представь себе, что ты городской патрульный полицейский двадцатого века. — Карденас нагнулся и, подобрав деревяшку длиной с руку, бросил ее другу. — Вот тебе дубинка.

Хаяки отбил ветку в сторону; только кора да капли полетели.

— Я предпочел бы бифштекс. На паре свежих тортилий. — Он взглянул на низко нависшее небо. — Темнеет.

Карденас, прищурясь, посмотрел на небо.

— Возможно дождь уйдет вместе с солнцем.

— Ты действительно так думаешь? — В голосе сержанта звучало столько надежды, что у Карденаса не хватило духу ответить отрицательно.

Удивительное дело, когда свет в мире растаял, дождь действительно стих. Он не совсем прекратился, а преобразился из ливня в липкий, всепроникающий туман. В то же время, температура с наступлением ночи поднялась. Итогом оказалось увеличение надоедливой влажности, сведшее на нет любые блага, которыми они могли насладиться от прекращения дождя.

Оставшегося света хватило, чтобы заметить, как дорога впереди расходилась в трех направлениях. На трехсторонней развилке был установлен первоклассный недавно отштампованный погодостойкий дорожный знак. Только теперь он был сбит набекрень, делая любые напечатанные на нем указания столь же бесполезными, как титьки у борова. Усталые и обескураженные, оба спутника принялись подыскивать место для лагеря.

— Нельзя идти дальше в темноте, — указал без надобности Хаяки. Последняя пара часов пути по раскисшей дороге убедила его, что грязь у них под ногами насыщена собственной жизнью и умышленно ползет вверх по его ногам. — Жаль, что я не курю.

— Это почему? — Карденас высматривал дерево с достаточно густой листвой для защиты от непогоды.

— Потому что тогда у меня была бы зажигалка, и мы смогли бы развести костер.

— Не будь слишком суров к себе. Оглянись вокруг. — Инспектор показал на переувлажненный тропический лес. — Где тут найдешь чего-нибудь, способное загореться?

Рослый сержант обвел взглядом быстро темнеющие окрестности.

— Это не мой стиль, Анхель. Я привык гоняться за нинами и сумкодранами по закоулкам Агуа-При и Сонойты. А выживание в дебрях стоит в самом низу моего резюме.

— И моего тоже, — признался Карденас, принимаясь собирать опавшие листья для сооружения лежанки. — Возможно, как ты сказал, кто-то да проедет по этой дороге. Если же нет, завтра пойдем дальше.

Вытащив из кармана вторую и последнюю фруктово-злаковую плитку, Хаяки помахал ею перед другом и скорчил гримасу.

— По крайней мере, не приходится беспокоиться о завтраке. Он уже готов. Хотя я и предпочел бы на завтрак пару бурритос с сыром, чорисо[49] со сметаной и, может быть, бок…

— Заткнись, — оборвал его Карденас. — Для остального мне

и интуитом быть не надо.

Дождь, по счастью, не возобновился, когда они уселись рядом под массивным стволом большой кекропии, чтобы дожидаться утра. Усталость компенсировала отсутствие постели, и спали они, несмотря на промокшую одежду, на удивление хорошо.

И им не потребовалось беспокоиться о том, как бы не заспаться.

Карденаса разбудило ощущение, похожее на бегущие по телу мурашки. Подобное он прежде испытал дважды, лет двадцать назад, когда занимался наблюдением за мотелем-ловушкой в худшей части Тусона. Нынешние мурашки были покрупнее, но ощущение было тем же самым.

Вскочив на ноги и не обращая внимания на одеревенелость суставов, он принялся хлопать себя по всему телу. Те, что разбудили его, отбивались, кусаясь и жаля. К счастью, под одежду пролезли немногие. Наибольшему нападению подверглись лицо и кисти рук, вот на них-то он и сосредоточился в первую очередь.

Хаяки сонно моргнул, а затем вытаращился на пострадавшего друга.

— Ты под какую мелодию танцуешь, Анхель? Поделись, а то мне тоже не помешает… — Внезапное понимание заставило и его резко вскочить.

И вот они уже вместе запрыгали, молотя по вторгшимся в одежду муравьям. Карденас знал решительно все о злоупотребляющих стимстиками, о кранч-мастерах, о жизни на, над и под Полосой. Но проживание на огромных просторах пустыни Сонора не подготовило его иметь дело с тропиками. Будь он более сведущ в местной экологии, то знал бы, что деревья рода цекропия давали приют самым разным видам тропических муравьев[50], которые в них и жили и питались, весьма плохо относясь к незваным чужакам.

Минут двадцать им пришлось хлопать по себе, сшибать насекомых щелчками и проверять, не упустили ли какого-нибудь муравьишку, прежде чем у обоих появилась уверенность, что они избавились от своих крошечных, но свирепых гостей. Теперь они окончательно проснулись — и снова устали.

Покорившись судьбе, Карденас потащился по дороге, бывшей, как он надеялся, правильной, учитывая бесполезный теперь угол единственного дорожного знака. За верхушки деревьев все еще цеплялись клочья влажного тумана. Скрытые от взоров птицы захлебывались навязчивыми криками. Под пологом леса невидимые обитатели двинулись по своим утренним делам. Если б их спиннеры не изжарились в превращенном в барбекю «4Х4», то федералы могли бы вызвать машину.

— Сколько, по-твоему, до границы заповедника? — Хаяки обнаружил, что гадает, где же располагалось ожидаемое лесничество: на краю Резервы или же глубже внутри.

Карденас плелся рядом со своим высоченным спутником.

— Не помню, чего там было на карте. Не обратил на нее особого внимания. Предоставил все навигационной системе машины.

— Моя навигационная система чихает и кашляет. — Сержант с тоской поглядел на тропический лес, ярко представляя висящие на манящих ветвях зрелые тяжелые бананы.

Но невзирая на этот стоящий перед глазами образ, он не меньше напарника поразился, когда перед ними приземлились три уакари[51]. Оба спутника в шоке остановились. С яркими розовато-красными безволосыми мордочками и длинной белой шерстью, эти обезьяны величиной с собаку больше всего на свете походили на трио миниатюрных йети. Кроме неожиданности их появления поражало, что в руках у каждого из новоприбывших было по простому, но, безусловно, действенному ножу, а за плечами — по рюкзачку.

Люди и обезьяны молча разглядывали друг друга. Затем самый маленький уакари быстро взобрался на ближайшее к дороге дерево, вытащил из рюкзачка маленький коммуникатор и забарабанил пальцами по кнопкам прибора.

— Они из Резервы. — Хаяки постарался говорить шепотом.

На это в общем-то и не требовалось указывать. Расположенный в заповеднике Ла-Амистад, Сьюдад-Симиано был создан еще в 50-х годах с целью обеспечить домом тех приматов, которые были субъектами или потомством ныне запрещенных исследований в области генетических манипуляций, направленных на усиление интеллекта обезьян. Находившиеся более сорока лет в фокусе борьбы между научными и природоохранными организациями, данные эксперименты проводились также и над дельфинами. Но в то время, как дельфины с усиленным интеллектом располагали для проживания океанскими просторами, во все более заполоняемом людьми мире не наличествовало никаких резерваций для человекообразных обезьян и их родственников. Вот потому в Ла-Амистаде и создали Сьюдад-Симиано — Город Обезьян.

Однако знание этого на деле ничуть не подготовило Хаяки и Карденаса ко встрече со здешними обитателями лицом к лицу.

— Я читал о том, как они свободно разгуливают кругом, — шепнул инспектор другу, — но не знал, что им дозволяется выбираться за границы Резервы.

— Ты знал, что им дозволено ношение оружия? — Хаяки в

первую очередь обратил внимание на ножи. Они были сделаны из металла и композита, а не вырезаны из дерева или кости. И он благоразумно держал руки на виду и подальше от своего служебного пистолета.

— Нет. — Карденас сосредоточился на двух уакари, остававшихся на земле, пытаясь прочесть их настрой по глазам и движениям. За долгую карьеру ему довелось много чего повидать и испытать, но это был первый случай, когда он пытался сынтуитить обезьяну.

С приглушенным треском ветвей и листьев, энергичный связист спустился с вершины и присоединился к своим неразговорчивым белесым спутникам.

— Послушайте, хомберы. Мы с моим другом из Севамериканской Федеральной Полиции. Понимаете — полисия? Федералы! Нас ждали.

Двое уакари переглянулись и тихо посовещались между собой. «Каков же уровень их интеллекта?» — невольно гадал инспектор. Способны ли они понимать человеческую речь? Или они общались только посредством своего традиционного лопотанья? Шимпанзе, за которыми наблюдали в природных условиях, пользовались простыми инструментами вроде камней и палок. Об этом знали еще с середины двадцатого века. На переход от палки к ножу отнюдь не требовалось такого уж большого эволюционного скачка. Что же касалось компактного коммуникатора, то он мог быть запрограммирован посылать один из нескольких компактных сигналов. Такой процедуре легко можно обучить и закрепить усвоенное с помощью награды в виде еды.

— Может быть, — задумчиво рискнул предположить Хаяки, прислушиваясь к переговорам уакари, — лесничие Резервы уже выехали встретить нас.

— Или, может, это чистое совпадение. — Тут его внимание от бормочущих, энергичных обезьянок отвлекло какое-то движение в лесу слева.

Из кустов неторопливо вышло полдюжины вельдтовых бабуинов. Более крупные, чем уакари, они располагали ножами побольше. А впереди шел единственный стройный, удивительно похожий на человека шимп. На груди у него скрещивались кожаные ремни, в то время как за плечами висел неизменный рюкзак. В отличие от своих спутников-приматов он приближался на двух ногах и не имел никакого оружия.

— Это бонобо[52], — шепнул коллеге завороженный Карденас. — Их считали самыми умными и похожими на человека из всех обезьян.

— Откуда ты все это знаешь? — Внимание Хаяки то и дело переключалось с бонобо на куда более подозрительных бабуинов.

— Я же тебе говорил. — Карденас ждал, когда уверенный шимп приблизится к ним. — Нужно почаще смотреть вит.

Стоя, бонобо был ростом почти с Карденаса. Прочесть же что-либо по его лицу оказалось невозможным. Он медленно протянул могучую руку к лицу инспектора. Карденас напрягся, но остался недвижим. Проворные пальцы схватили человека за вислый ус и осторожно потянули. Выпустив ус, бонобо отступил на шаг, почесал собственную бородатую морду — и улыбнулся во весь рот. При виде этого бабуины и уакари заверещали от восторга.

— Не вздумай, — кратко шепнул своему спутнику Карденас, — сказать ни слова.

— Кто, я? — Хаяки старательно избегал строгого взгляда друга.

Когда общий смех стих, бонобо шлепнул себя по груди и крякнул:

— Джо!

Карденас с Хаяки повторили жест шимпа, после чего Карденас достал из внутреннего кармана своего все еще влажного костюма от «Уиллиса и Гейгера» идент-браслет. С потерей спиннеров в выгоревшем «4Х4» у него не осталось никакой другой официальной идентификации. Находясь в ЦАФ, он мог носить браслет в кармане, но не на руке. Узнает ли примат идент и поймет ли, что тот означал?

Реакция бонобо была столь же явной, сколь и неожиданной. Сунув руку за спину, он достал из рюкзака браслет, почти идентичный инспекторскому. Цвета и узоры различались, но значение не вызывало никаких сомнений.

— Будь я проклят, — пробормотал ошарашенный Хаяки. — Коллега!

— Си — да, — гордо провозгласил бонобо. И, повернувшись, сделал жест, приглашающий людей следовать за ним. Те без колебаний так и сделали, с радостью увидев, что их устрашающие телохранители-бабуины убрали оружие в ножны. А перемахнувшие без всяких усилий на деревья уакари наблюдали за происходящим сверху.

Пройдя так меньше десяти минут, они подошли к небольшому пикапу с откидным верхом. Тот как раз и был откинут, являя взорам и передние сиденья, и открытый пол. На дверце с пассажирской стороны красовалась элегантная эмблема, на которой фигурировали местные деревья, солнце и тянущаяся вверх волосатая рука. Свои мысли о скрещенных бананах и вздыбленных кокосовых орехах Хаяки оставил при себе. Показав

на машину, бонобо снова улыбнулся и сделал им знак залезать.

— Собрес — ладно! — Будучи не в состоянии втиснуться на переднее сиденье, Хаяки погрузился сзади. — Хватит с меня прогулок при такой влажности! — Он удрученно пощупал на груди совершенно сырую рубашку. — Правда, промокнуть сильнее мы б уже не смогли.

Карденас скользнул на пассажирское сиденье спереди.

— Интересно, а где же водитель?

Ответ на свой вопрос он получил, когда Джо запрыгнул на водительское сиденье. Активированный передающим устройством в виде кольца на среднем пальце, двигатель сразу же загудел. Грузовик выскочил на дорогу и вскоре развил удивительную скорость. Сидевший за сиденьями Хаяки оказался окруженным полудюжиной любопытных бабуинов, передние клыки которых были подлиннее ножей, какие сержант отбирал в свое время у шныряющих по улицам подкодов. Он вымученно улыбался и цеплялся изо вех сил за борт, чтобы его не выбросило из машины.

Сосредоточившийся на вождении Джо заговорил, не глядя на гостя:

— Анхель полиция — Джо полиция!

— Да, — согласился Карденас. — Также, как и мой спутник. Вы полицейский в Резерве?

— В Резерва лесничий, — гордо ответил бонобо. — Полицейская в Сьюдад-Симиано. Защищать и служить. — Теперь он взглянул на собеседника. — Вы и большой друг иметь разрешение на визит?

— У меня в кармане, — заверил водителя Карденас, испытывая сильное облегчение оттого, что у него имелись при себе настоящие документы. Будь полученное в Сан-Хосе разрешение на въезд в заповедник выдано только в электронном виде, оно пропало бы вместе со всем прочим у него на спиннере. Лишь по счастливой случайности он оставил эти важные удостоверения в заднем кармане брюк.

— Хорошо! — энергично кивнул бонобо. — Ла-Амистад посещай не много люди. В основном лишь ученые. А в Сьюдад приезжай еще меньше. И нам это по нраву.

— Мы постараемся быть хорошими гостями, — заверил его Карденас, — и уедем как можно скорее.

— Да Джо ничуть не против ваш пребываний. Мне нравится люди. — Он сделал жест в сторону пола за сиденьями грохочущего и подпрыгивающего на ухабах грузовика. — Вот для низших типов завязать дружба труднее. Вы знай историю экспериментов? Лишь немногие из крупных обезьян достаточно умный, чтоб воспользоваться мозговой форсаж. В основном

шимпанзе. А также орангутаны и немногие другие. А те ребята… — он показал на бабуинов, а затем на следовавших за машиной по деревьям уакари, — …не очень-то толковый, ясно? Тамарины, беличьи обезьяны, колобусы — все они народ очень простоватый. — И, сменив тему, оживленно спросил: — Вам нравится Гундель?

— Вы хотите сказать Гендель? У него есть несколько пьес, которые…

— Великий человеческий композитор, — перебил Джо, прежде чем Карденас высказал свое мнение. — Отличный вещь. У нас в Сьюдад есть маленький хор. Может, вам доведись послушать, как обезьяны-ревуны исполняй «Аллилуйя, аминь, аминь» из «Иуда Маккавей». — Он оценивающе хохотнул. — Очень своеобразно.

Дорога продолжала плавно подыматься в горы, углубляясь в старые заросли, первозданный тропический лес. Карденас слушал оживленную болтовню волосатого водителя, а Хаяки, который чувствовал себя весьма неуютно, натянуто улыбался острозубому обезьяньему секстету, делившему с ним пространство за сиденьями грузовика. По пути они миновали множество знаков. Карденас отметил один подсвеченный знак, который плыл в воздухе над одной из развилок.

— Склады. — Джо ловко обогнул рытвину величиной с рыбный садок. — Штаб-квартира заповедник впереди. Мы езжай в Сьюдад. — Он неуверенно посмотрел на сидящего рядом. — Если у вас не отсутствуй желание ехать сейчас.

— Нет. — Заехав в такую даль и видя теперь близкий конец пути, Карденас давно уже все решил. — Сьюдад вполне подойдет.

Бонобо снова заулыбался во всю ширь.

— Сьюдад лучше всего. Приезжих людей не много. Ваша говорить с Соронг.

— Сожалею, — извинился Карденас. — Я не хотел вам наскучить.

— Нет-нет! — Джо, развеселившись, хлопнул себя по груди. — Соронг глава Сьюдад. Очень толковый парень, понимаешь. Гений, как говорят некоторый исследователь-люди. Да к тому же приятный малый, пусть и не бонобо.

Вид охраняемых ворот посреди такой массы великолепных джунглей порядком смущал, но Карденас решил, что этого нельзя было избежать. Он отметил лишь отсутствие ограды.

— Резерва, — объяснил Джо, когда грузовик начал сбавлять скорость. — Животный нужна свобода передвижений.

Карденас понимающе кивнул.

— А местные тикос не убивают их, если они забредают за

границы Резервы?

Джо покачал головой.

— Туристы приезжай смотреть на диких зверей. Нет диких зверей, нет и турист. Нет туриста, нет и денег. Народ знай. Даже люди понимай.

Когда они приблизились к воротам, инспектор вспомнил усвоенное на уроках истории.

— Понимали они не всегда. Скажите, Джо: вы рады, что ученые-люди манипулировали… — он чуть не сказал «обезьянничали» — …с интеллектом ваших предков?

— Разумеется, — пожал плечами бонобо. — Говорить слова для общений всяко лучше, чем визжать и кидаться свой экскременты. Джо по-прежнему может ук-укать не хуже любой, но язык лучше. Но мне жалко этих малышей. — Он ткнул большим пальцем через плечо, показывая на бабуинов за спиной. — У них просто нет этого. — Он слегка постучал себя по горлу тыльной частью свободной руки. — Во всяком случае нет здесь места, чтоб опустить им гортань. Гортань оставайся наверху, никак не можно иметь настоящий речь. Точно так же, как у человеческий дети в первый три месяца.

Карденас не знал, чего ожидать, когда они приблизились к поселению Симиано. Абсурдистское видение зубчатых стен, на которых стоят облаченные в доспехи шимпанзе с арбалетами и пращами, восходило к фантастическим романам, прочтенным в детстве. Действительность оказалась куда проще и прозаичней. Они проехали мимо ряда знаков, предупреждающих путешественников, что те подъезжают к запретной зоне, куда нельзя въезжать без предварительного разрешения. Затем автоматические ворота узнали грузовик и поднялись, позволяя им проехать, прежде чем пересечь узкий содержащийся в хорошем состоянии мост. Скромная речка, над которой он нависал, отнюдь не была рвом, но действенно служила той же цели.

Штаб-квартира ничем не отличалась от того, что визитеры могли бы встретить в аналогичном человеческой поселении. Кучка маленьких сборных домиков, спроектированных с расчетом устоять перед стихиями, рассыпалась вокруг трех более прочных двухэтажных строений. Некоторые явно предназначались для научных исследований, хотя инспектор не мог сказать, на чем же фокусировались эти исследования: на тропическом лесе или на жителях Сьюдада. Приматы разных видов проносились над поселением, пользуясь сетью канатов из синтетического волокна. А под этими воздушными тропами семенили более крупные человекообразные обезьяны.

— У нас здесь свой законы и порядки. — Пренебрегая

дверцей, бонобо без усилий перемахнул через борт пикапа. Бабуины высыпали из кузова, в то время как Хаяки выгрузился помедленней. Лихая езда плохо сказалась на его все еще заживающей коже.

Идя к главному зданию, они привлекали к себе любопытные взгляды. Карденас показал на ближайшую исследовательскую лабораторию.

— Кто там работает?

Их коллега оттянул верхнюю губу, скаля зубы в широкой улыбке.

— В смысле — человеки или мы? В основном человеки. Ни одна обезьяна не имей диплома — пока. Нам хватай хлопот с попытками убедить ЦАФ разрешить нам голосовать. — Он широко развел черно-седыми руками. — Вот скажи мне, человек. Я что — гражданин или экспонат? А это тут — город или зоопарк?

— Я всего лишь гость, — тактично ответил Карденас. — У меня не хватает знаний, чтобы даже подступиться к обсуждению такой темы.

Джо исполнил великолепное сальто назад и ткнул длинным пальцем в сторону инспектора.

— Когда-нибудь человекам придется занять определенную позицию. — Он принялся подыматься по лестнице. Вокруг всего здания тянулось широкое крытое крыльцо. На пластиковом полу не было стульев, только шезлонги, подвешенные на веревках корзины да пара качелей, сделанных из старых автомобильных покрышек.

Никакого портье в здании не было. В целом все это строение с комнатами, большей частью лишенными мебели, незастекленными окнами и открытыми дверными проемами, походило на турбазу в джунглях. С обратной стороны здания второе крытое крыльцо выходило на крутой склон, открывая вид на полог тропического леса.

— Теперь оставляй вас здесь. — Бонобо сердечно хлопнул каждого из них по спине, так что Карденаса покачнулся, и даже Хаяки поморщился. — Джо жди работа. Вы пока говорить с директор. Получать свои ответы. — Он лихо подмигнул. — Может, Джо еще увидеться с вами.

— Минуточку, — начал было Хаяки, но шимп уже повернулся и поспешил на четвереньках обратно в здание. — Ну, просто прекрасно, — пробормотал сержант. — И что теперь? Где этот «директор»?

Тут огромная серая гора на противоположной стороне крыльца, которую Карденас принял за декоративную каменную

скульптуру, слегка распрямилась и двинулась на четвереньках к ним.

Оба человека не отступили ни на шаг. Может быть, их и заставили бы заколебаться двести кило мускулов, или же мысль о том, что эти длинные серебристые руки способны отрывать ноги с такой же легкостью, с какой отделяют ножки от рождественской индейки, или челюсти, способные разгрызть кость, словно воздушную кукурузу, но так или иначе Карденас счел, что бегство отпадает.

Огромная среброспинная горилла остановилась менее чем в метре от них. А затем уселась перед ними, скрестила ноги, свела вместе громадные ладони массивных рук и наклонила голову вперед в кратком кивке с признанием их миссии.

— Добро пожаловать в Сьюдад-Симиано, джентльмены. — Одна рука сделала жест в сторону стоящей поблизости кушетки, единственного предмета человеческой мебели в поле зрения. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я — Соронг, директор обезьяньего поселения. — Другая рука протянулась к инспектору. Карденас инстинктивно протянул свою и почувствовал, как его пальцы совершенно утонули в чужой ладони. Рукопожатие было твердым, но контролируемым, и он убрал руку целой и невредимой.

Чувствуя их беспокойство, директор порылся в висящей у него на боку сумке и извлек самые большие очки, какие когда-либо видел Карденас. Водрузив их на нос и закрепив дужки по обеим сторонам головы, огромный примат успокаивающе улыбнулся.

— Один из аскари-уакари Джо уведомил меня по комму о вашем появлении. Как я понимаю, у вас приключились какие-то неприятности с машиной? В заповеднике никто не прогуливается по дорогам и тропинкам. Он также сообщил мне, что вы полицейские из Севамерики. Несомненно, та пара, о прибытии которой нас известил несколько дней назад Сан-Хосе. Чем мы можем вам помочь?

Очки придавали огромному примату вид коренастого, мохнатого, но очень нагого профессора литературы. Это зрелище вызывало улыбку. Но ни один из федералов не улыбнулся, опасаясь, что подобная реакция может быть неверно истолкована.

Но Карденас впервые после встречи на дороге с сенсемайя почувствовал, что может расслабиться.

11

— Мы приехали в поисках двух севамериканок, матери и дочери. У нас есть основания считать, что они могли бежать в Ла-Амистад. Мы знаем, что они не так давно прибыли в Сан-Хосе. Власти сообщили нам, что допуск в заповедник дают только администраторы и советники Сьюдад-Симиано. Нам бы очень помогло, если б вы смогли проверить свои архивы и посмотреть, не появлялись ли у вас в последние несколько недель какие-либо лица, соответствующие описаниям, которые мы предоставим. Если да, то где они могут находится сейчас?

— Понимаю, — кивнул горилла-директор. — Вы употребили слово «бежать». Это очень сильное слово, мистер Карденас.

— Возможно, оно недостаточно сильное. Мы считаем, что мать и дочь явились сюда, ища убежища от тех, кто намерен причинить им вред. Если б вы могли проверить свои записи въезжающих, мы, возможно, сумели бы выделить их, даже если не доступны визуальные данные. Они могут периодически менять не только свои имена, но и внешность.

Слегка подавшись вперед, директор оперся массивным подбородком о кулак.

— Те нехорошие личности, о которых вы говорите: вы действительно думаете, что они могут попытаться последовать за этими самками в такую даль, как ЦАФ?

— Раньше или позже они выследят их, — энергично кивнул Хаяки. — Даже до столь отдаленного места, как Амистад. СФП пока не знает всех подробностей, но, похоже, на кон поставлено что-то важное. Но что бы там ни стояло, люди были готовы умереть ради контроля над этим, чем бы то ни было. Мы с напарником действуем от имени СФП, и нам очень бы хотелось знать его природу. И мы хотим помочь этим женщинам уцелеть. У нас есть высокоразвитая программа защиты свидетелей, которая может оказаться очень выгодной для них.

Соронг откинулся назад и положил массивные ладони на колени.

— Если они попытались проникнуть сюда, то Амистад велик. Здесь есть уйма мест, где можно спрятаться, масса тропинок в горах. Если они заручились чьей-то помощью в Прогрессо или в другой из человеческих общин, то есть вероятность, что их будет невозможно выследить.

— В нынешние времена нет тех, кого нельзя было бы выследить, — кратко ответствовал Карденас. — Люди, идущие по их следу, народ искушенный и располагающий средствами. Это

вам не средние уличные локо. Нам с напарником представилась возможность лично познакомиться с их способностями. Эту женщину, Сурци Моккеркин, и ее дочь Катлу, обязательно найдут. Возможно, у тех, кто охотится на них, на это уйдет какое-то время, но когда денег не жалеют, результаты обязательно последуют. Я видел слишком много трупов, чтобы думать, будто такое положение дел приведет к чему-то иному. Если, конечно, мы не сможем первыми взять их под защитную опеку.

— Это при условии, — вставил Хаяки, — что их уже не выследили и не забрали отсюда.

Горилла-директор с тяжким вздохом поправил очки.

— Не забрали.

Хотя Карденас и не сумел сынтуитить реакцию директора, он не замедлил откликнуться на нее.

— Вы их видели? Они точно в заповеднике? — Он постарался, чтобы его голос оставался ровным. — Вы случайно не знаете, где они находятся?

— Знаю.

— Ну так скажите нам! — выпалил Хаяки, прежде чем Карденас смог удержать его.

— Наверное. — Ничуть не тронутый волнением сержанта, директор повернулся и стал созерцать раскинувшиеся за крыльцом волнистые девственные джунгли. — А если я вас заверю, что принудительное удаление из заповедника обеим самкам не грозит?

— Вы не сможете этого добиться, — напрямик ответил ему Карденас. — И никак не сможете доказать мне, что это вам по силам.

Соронг полузакрыл глаза, словно размышляя о более весомых вещах, прежде чем снова посмотрел на гостей.

— Давайте-ка прогуляемся. — Поднявшись, он провел их обратно через здание и спустился по парадной лестнице на центральный двор. Хотя там присутствовало много приматов, разговорчивого Джо среди них не было. Хаяки изнывал от нетерпения, но Карденас видел, что излишней настойчивостью тут ничего не добьешься. Попытка надавить на существо вроде Соронга могла привести к результатам, обратным желаемым. Их хозяин поможет им когда будет готов — или вообще не поможет.

— Мы не просили данного нам повышения интеллекта, — объяснил Соронг, когда они пересекали эту прибранную, содержавшуюся в порядке площадку, — но теперь, когда оно нам дано, мы не намерены отдавать его. Ответственные за повышение гены, похоже, являются доминантными и передаются потомкам в соотношении четыре к одному. Те, кто не столь одарен, с

рождения окружены здесь такой же нежной любовью и заботой, как и всякие ущербные человеческие дети. А за теми приматами, которые способны лишь к низшим формам интеллекта, от макак до верветок, присматривают остальные члены нашей общины. Здесь меньше интеллектуального предубеждения, чем в вашей типично человеческой общине. — Поднявшись с четвереньек, он показал на здания поселения и на нетронутый тропический лес, раскинувшийся по горным склонам разными оттенками первозданно-зеленого.

— Для тех из нас, кто ныне живет здесь, Амистад — приматский рай. Согласно учредившим Сьюдад-Симиано договорам, никакие люди не допускаются в заповедник без нашего разрешения. Даже ученые, желающие проводить исследования. Мы сами управляем своими делами. В обмен на такое дозволение мы охраняем заповедник лучше, чем могли бы любые лесничие-люди. С того момента, как мы взяли Резерву под свою опеку, в нем не исчезло ни одного вида растений или животных. Ни один другой заповедник в обеих Америках не может этим похвастаться. — Глубоко посаженные глаза под густыми бровями не мигая глядели на Карденаса. — Прошедшие здесь обучение шимпы и гориллы работают лесничими в Африке, Южной Америке и Азии, охраняя заповедники, которые людям трудно уберечь. Они выискивают браконьеров, снимают для ученых показания с приборов. Такие отношения выгодны для всех заинтересованных сторон. В то же время, как я сказал, более интеллектуально развитые приматы присматривают за менее развитыми. Такая организация функционирует очень хорошо. Единственные люди, которых сюда допускают, те, кто предварительно аккредитован и принят нами. И больше никто.

Хаяки наблюдал за тем, как дорожку перед ними перебегает вприпрыжку компания сифак.

— Но вы же нам говорили, что для людей есть много способов прошмыгнуть в Резерву.

— Незаконно проникнуть трудно, но отнюдь не невозможно, — кивнул Соронг. — Но остаться незамеченным в границах Резервы сколь-нибудь продолжительное время крайне трудно. И мало кто пытается. Одна из причин в том, что из-за нашего присутствия заповедник приобрел определенную… репутацию. В основном незаслуженную, но мы не прилагаем активных усилий развеять ее. Подчиненные Джо арестовывают любого обнаруженного без санкции в границах Резервы. Вида десятка-другого приматов, безотносительно к размерам, агрессивно держащих ножи или другое оружие, обычно вполне достаточно для усмирения даже самых дерзких непрошеных

гостей.

— Это означает, — мудро заметил Карденас, — что если обе Моккеркин находятся, как вы утверждаете, в заповеднике, и вам известно их текущее местонахождение, то они находятся здесь с вашего разрешения.

Над противоположным краем двора доминировала большая статуя. У ее цоколя лежали цветочные венки. Глаза прекрасно изваянной фигуры, казалось, глядели куда-то вдаль, за пределы поселения, за пределы джунглей. Обе руки воздеты, а толстые пальцы разведены в сложном жесте. Статуя представляла пожилую морщинистую горную гориллу. В цоколь была вделана бронзовая табличка, на которой стояли многочисленные даты и единственное имя.

КОКО

Хаяки поднял взгляд на увековеченную в бронзе серьезную, грустную физиономию.

— Какой-то ваш друг?

Их хозяин взирал на статую с почтением, если не сказать с благоговением.

— Нет, не друг. Боюсь, давно покойный родственник. Самый замечательный индивид в анналах развития приматов. Можно сказать, предшественник. Коко был проектом. Тем, кто в очень значительной мере освоил человеческий язык жестов и таким образом помог вымостить дорогу нынешнему интеллектуальному положению обитателей этого поселения. У нас Коко почитают, как у вашего вида чтут Эйнштейна или да Винчи.

Карденас не желал показаться невежливым, но сколь бы ни была ему лично приятна эта экскурсия, профессионально он испытывал столь же острое желание продолжить розыски, как и его напарник. О чем он и сказал Соронгу.

Горилла вздохнул и порылся в шерсти под мышкой.

— Я как раз и боялся, что дело может дойти до чего-то подобного, когда мы подписали первоначальную договоренность.

Его гости переглянулись.

— Какую договоренность? — без колебаний спросил Карденас.

— Между нами и самками, которых вы разыскиваете. Они назвались не той фамилией, о которой вы упоминали, но, учитывая их обстоятельства, пожалуй, следовало ожидать, что они воспользуются различными чужими фамилиями.

— Просто чтоб вы знали, — уведомил его Карденас, — Моккеркин их настоящая фамилия. Сурци и Катла Моккеркин. Они сказали вам, от кого убегают?

— Только что им грозит опасность и нужно убежище.

Инспектор понимающе кивнул.

— Они убегают от мужа женщины и отца девочки, который по всем данным и свидетельствам особенно скверный преступник. Охотятся за ними и другие. По причинам, которые мы не можем определить, и с целями, насчет которых мы все еще не уверены. Это дело уже привело к смерти нескольких человек, в число которых чуть было не попали и мы с напарником. — Подавшись вперед, он попытался пустить в ход присущую ему силу убеждения. — Основываясь на всем известном нам и уже проверенном в ходе расследования, присутствие этих женщин представляет опасность для любого и каждого, кто окажется поблизости от них.

Вид у Соронга был определенно подавленным.

— Если это так, то тем, кто согласился на нынешнюю договоренность, включая меня, не сообщили истинной степени риска. Понятное дело, — спокойно объяснил он, поправляя очки. — Мы, жители Симиано, не боимся никого, кто может выслеживать этих двух самок. Джунгли не город, и те, кто прибывает сюда причинить неприятности, обычно огребает их в полной мере. Мы умеем позаботиться о себе.

Глядя на двухсоткилограммового сереброспинника, Карденас не видел никаких причин сомневаться в утверждениях директора. Одно дело напасть из-за угла на кого-то, прогуливающегося по улицам Полосы; и совсем иное — пытаться вытащить кого-то из потайного убежища в джунглях, защищаемого интеллектуально развитыми вооруженными обезьянами. Инзини, озерники из Оз и их собратья-антиобы, скорей всего, окажутся в этих зеленых каньонах столь же не в своей стихии, как и Карденас с напарником. На Полосе-то они могли без труда слиться с окружением. А вот в Ла-Амистаде они будут выделяться, как тофу[53] в шаверме. Сурци Моккеркин и Уэйн Брумель хорошо выбрали себе убежище на черный день.

— Вы говорили о «нынешней договоренности», — подтолкнул умолкшего директора инспектор.

— Убежище необезьянам мы предоставляем не по доброте душевной. Наши здешние ресурсы ограничены и должны по необходимости распределяться в пользу тех, кто больше всего в них нуждается. Благотворительные пожертвования, стипендии для поддержания девственности заповедника и выплаты добровольцам, которые помогают в медицинских исследованиях, покрывают большую часть наших расходов. Еще есть существенные ежегодные гонорары, получаемые Сьюдад-Симиано за помощь в исследованиях для разработки вакцины против СПИДа. Но тем не менее, всегда есть нужда в средствах. — Он

окинул Карденаса спокойным взглядом. — У нас есть финансовая договоренность с этими самками. Они платят — мы заботимся об их безопасности. И меня тревожит мысль о нарушении этого соглашения, пусть даже и в пользу закона, действующего за пределами Резервы.

— Это будет сделано для их же блага. Они не могут вечно убегать и прятаться. Даже здесь. — Лишь миг спустя Карденас сообразил, что Соронг ожидал еще кое-чего. — У СФП имеется фонд для компенсации тем, кто помогает в работе полиции. Если вы озабочены потерей источника дохода, то уверен, мы сможем выработать нечто, удовлетворяющее все стороны.

Огромная обезьяна медленно кивнула.

— Знаете, федерал, для многих людей Сьюдад-Симиано по-прежнему спорный проект. Они ощущают угрозу себе. — Как и все остальное, улыбка Соронга представляла собой еще то зрелище. — Как будто месть — это трансвидовое чувство! Как будто те, кто здесь живет, денно и нощно размышляют о правосудии за всех наших родственников, которых мучили в примитивных медицинских лабораториях или томили в крошечных клетках в том, что с натяжкой сходило за зоопарки, или забивали на мясо в буше, или похищали детенышами, чтобы затем продать.

— Рад слышать, — мягко отозвался Карденас, — что вы не мстительны.

Директор развел огромные руки в беспомощном жесте.

— Да какой был бы смысл? И жертвы, и преступники давно мертвы. В то же время люди убивали других людей куда чаще и куда более рьяно, чем нас. Здесь, в Сьюдад-Симиано мы надеемся выйти за пределы всего этого. Но есть люди, которых и генетически усиленные травы приводят в ужас. Я даже приблизительно не могу описать, как такие луддиты реагируют на существование моих друзей и меня. — Он слегка наклонился вперед. — Вы когда-нибудь просматривали древний вит-сериал с общим названием «Планета обезьян»?

— Нет, кажется, такого я не видел, — сообщил ему Карденас.

Директор снова уселся.

— Тактика запугивания. Всего лишь тактика запугивания. Однако невежд всегда хватает, и они готовы проглотить любой вздор, какой преподнесут им на блюдечке иные близорукие организации. Поэтому тем из нас, кто живет здесь, подобает избегать неприятностей и неблагоприятной огласки. Мы просто хотим, чтобы нас оставили в покое, предоставили самим себе. Чтобы мы смогли в меру возможностей вычислить конечные последствия своего повышенного интеллекта.

Хаяки некоторое время помалкивал. Теперь же он счел нужным вступить в разговор.

— Возможно, местная война между вами и антиобами со всего северного полушария — не самый лучший способ достичь покоя.

— Я вижу, мы придерживаемся одного мнения. — Глухо крякнув, Соронг стукнул себя в грудь сжатым кулаком. Это действие вызвало гулкий звук. — Если можно будет утрясти финансовые детали — а я не вижу к тому никаких препятствий, — то в интересах сохранения мира и гарантирования безопасности двух самок мы можем согласиться выпустить их под вашу опеку. В конце концов — они же люди. Другое дело, будь они бонобо. — Он сузил глаза. — Но мы это сделаем, только если они согласятся отправиться с вами по собственной воле. Сьюдад-Симиано должен поддерживать свою репутацию.

Карденас отвернулся от внушительного изображения Коко.

— Также, как и СФП. Мне бы не хотелось, чтобы пострадала ни та, ни другая.

— Полагаю, вы хотели бы встретиться с этими двумя самками и убедиться, что они и в самом деле та пара, которую вы разыскиваете.

Хаяки сдержал волнение. Все начинало выглядеть, словно долгое путешествие на юг в конце концов все-таки окажется продуктивным.

— Да, это было бы удачным следующим шагом.

Карденас кивнул, соглашаясь с напарником.

— Сколько пройдет времени, прежде чем вы сможете разыскать их и привезти сюда или отвести нас к ним?

Соронг усмехнулся, словно ребенок-переросток.

— Примерно пять минут. — Подняв массивную серую руку, он указал на одну из многих дорожек, ведущих в окружающие джунгли. — Они поселены в гостевом доме номер три. Он отмечен табличкой, пропустить его невозможно. Я б пошел с вами, но у меня много дел. После того, как вы представитесь, мы сможем продолжить. Обязательно объявите о своем прибытии, прежде чем войдете в здание.

Любезно распрощавшись, они разошлись в разные стороны, и двое федералов направились к указанной дорожке. Вокруг них сразу сомкнулась густая зелень. Близость экзотической растительности тропического леса, дающего пристанище множеству насекомых и пауков, вероятно, ничуть не беспокоила приматов. А вот привыкшие к урбанизированным ландшафтам и открытым пространствам двое приезжих горожан с севера

чувствовали себя в густых джунглях куда менее непринужденно. Карденас порадовался, что идти в указанном направлении им недалеко, о чем и сказал.

— Да не так уж это и страшно. — Хаяки низко пригнулся, проходя под нависшей над дорожкой ветвью, отягощенной листвой и мелкими растительными эктопаразитами. — Нужно всего лишь представить себе, будто проходишь через ботанический сад в Северном Тусоне. Запах точно такой же.

Оглянувшись на напарника, Карденас чуть расширил глаза. На сей раз интуитить было предоставлено сержанту.

— Что-то случилось?

— Зависит от точки зрения. — Инспектор продолжал пристально глядеть в его сторону. — От того, сможешь ли ты представить, что разгуливающий у тебя на плече паук подобен тем, каких можно обнаружить в ботаническом саду в Северном Тусоне.

Повернув голову налево, Хаяки оказался носом к носу с типичным огромным представителем арахнид, известных как пауки-кругопряды. С ножками подлиннее пальцев федерала и черно-желтым брюшком величиной с его кулак, гигантский паук-кругопряд на плече сержанта являл собой внушительное зрелище. Подстегнутый изяществом наряда своего гостя Хаяки заорал и бешено замолотил себя обеими руками, пока не сшиб огромного арахнида в кусты. Для несчастного сержанта не имело ни малейшего значения, что данный паук не был ядовитым. Знай Хаяки об этом, едва ли он прореагировал бы более спокойно.

Карденас не мог его обвинять. Он знал по собственному опыту, что пауков мало кто любит. Он не стыдился признаться, что и сам не принадлежит к числу любителей. Приведя себя в порядок среди листьев и прочего лесного мусора, куда его забросило резкое движение сержанта, кругопряд живо шмыгнул прочь и пропал из виду.

Хаяки еще несколько минут продолжал нервно дергаться и отряхиваться.

— Б-р-р-р! Я предпочел бы столкнуться с бандой нинлокос. — Он поднял указательный и большой пальцы. — Эта проклятая тварь была вот настолько от моего лица!

— Мне говорили, что в подобных местах тебя достает не то, что удается разглядеть. — Карденас осторожно отогнул в сторону молодое деревце, росшее прямо в центре тропы. — А достают те, кого не разглядишь. Например, пиявки. Клещи и блохи. Разносящие лейшманию мухи. Жуки, которые…

— Суть уловил, — оборвал его напарник. — Я лично был готов вернуться на улицы Ногалеса, как только наш челнок

приземлился в Сан-Хосе. Всегда предпочитаю толстые стены и твердую мостовую.

— И кофе с круассанами в кафе «У Росы». — В голосе Карденаса явственно засквозила тоска. — Блинчики с опунциевым джемом и взбитыми сливками. Сопапиллы[54] с брусникой.

— Я же тебе сказал, — заворчал на друга Хаяки. — Суть я уловил.

— Вот, должно быть, и оно. — Узкая тропа вывела их на небольшую поляну, и Карденас увеличил шаг, радуясь возможности убраться из-под кустов. Перед ними на фоне внушительной листвы высилось здание, не похожее ни на одно из встретившихся им в поселении Сьюдада. Сооруженное большей частью из местных материалов, оно выглядело архитектурным напоминанием о давних временах. Покоящееся на вогнанных в землю сваях, одноэтажное строение было достаточно просторным, чтобы содержать под крытой пальмовыми листьями крышей три-четыре комнаты приличных размеров. Двадцать сработанных из расколотых бревен ступенек составляли широкую лестницу, ведшую к крытому переднему настилу, с которого обитателям открывался отличный вид на окружающие джунгли. Не было видно никаких проводов, характерных для современных построек.

Карденас первым поднялся по лестнице. Никаких стекол не было; и окна и двери закрывали только сетчатые ширмы. Периодическое шипение невидимого электронного фумигатора указывало, что сооружение оборудовано по меньшей мере одним образчиком современной технологии. Очевидно, склонность жильцов податься назад к природе не обязательно включала и стремление ее кормить.

Карденас немного удивился, найдя дверь-ширму незапертой. Переглянувшись, они вошли. В помещении было удивительно прохладно и сухо, явно благодаря бесшумным стараниям скрытых приборов для кондиционирования воздуха и поглощения влаги. Медленно двигаясь по коридору и глядя направо, он воззрился на уютную гостиную. Сработанные из ротанга и других местных материалов кушетки и кресла с завезенными из внешнего мира подушками скучились вокруг вездесущего вита. На полу сплетенные из кокосового волокна циновки перемежались с декоративными подушечками, сработанными из пальмовых волокон. Что же касалось украшавших стены и покоящихся на деревянных столиках картин, барельефов и цветополозов, то он поймал себя на попытках догадаться, сработаны ли они человеческими руками — или руками, принадлежавшими

ближайшим родственникам человека.

— Кто это? — спросил с противоположной стороны коридора сильный женский голос. — Надеюсь, вам удалось найти какой-то…

Обернувшись на голос, Карденас оказался лицом к лицу с немного приземистой и безусловно привлекательной женщиной лет тридцати с небольшим. Белокурые волосы длиной до плеч были стянуты на затылке в конский хвост, в высшей степени разумную прическу для горных тропиков. Какой-либо макияж или косметика на ее лице отсутствовали. Вся одежда состояла из просторного халата, на котором преобладали изображения бугенвиллий, уместные скорее в южной части Тихоокеанского бассейна, чем в Центральной Америке. Ногти на пальцах маленьких босых ног оставались некрашеными. Единственной уступкой современным обычаям был изящно вписанный в ее правое ухо аудио муз-плейер.

— Сурци Моккеркин? — Карденас сунул было руку во внутренний карман рубашки с короткими рукавами, собираясь показать свой идент-браслет. — Я…

Кровь, казалось, так и отхлынула от ее лица.

— Роджер! — завопила она.

Прежде чем инспектор и его спутник смогли объясниться подробней, в комнату ворвался, чуть задев испуганную женщину, красно-оранжевый комок мускулов и бросился к паре визитеров. Крепко сжатое в одной руке тяжелое мачете, запачканное древесным соком, ударило сперва по Хаяки, обрушившись с достаточной силой, чтобы отсечь руку от плеча. Удивительно гибкий для столь рослого человека, привыкший иметь дело со всякими противниками, сержант метнулся в сторону и ударил нападающего, когда тот проносился мимо. Достаточно мощный, чтобы свалить едва ли не любого человека, удар не остановил фигуру с большим ножом.

Но впрочем, та и не была человеком.

Круто развернувшись, разъяренный орангутан еще раз с размаху ударил по сержанту, который метнулся за ротанговую кушетку и схватил для защиты кресло. Оранг, куда более сильный, чем любой человек такого же веса, одной рукой поднял кушетку и отшвырнул ее прочь. Покуда красновато-оранжевая обезьяна скрадывала Хаяки, Карденасу удалось броситься к женщине. Поскольку вся ее поза отражала ужас, он поспешил успокоить ее. И, сунув руку за пазуху, все ж таки достал свой идент.

— Сурци Моккеркин? Инспектор Анхель Карденас и сержант Фредозо Хаяки, Севамериканская Федеральная Полиция. Я

говорил с вами в Ногалесе. Мы здесь с целью помочь вам. — Он показал на двух бойцов с мрачными физиономиями. — Отзовите своего охранника.

Напряжение в какой-то мере покинуло ее, но выражение лица оставалось настороженным. Не сводя глаз с Карденаса, она, не оборачиваясь, приказала:

— Роджер! Все в порядке, это полиция, а не матарос.

Державший мачете над головой, оранг медленно опустил длинные мощные руки. И только когда лезвие приблизилось к полу, Хаяки начал ставить на место кресло, которое держал перед собой для защиты. Орангутанг моргнул большими обманчиво детскими глазами.

— Сурци уверен?

— Пока да, — уведомила она его. — Подожди снаружи, на крыльце. — Тон нес в себе угрозу, когда она продолжила, адресуя слова стоящему рядом с ней человеку: — Я позову, если ты мне понадобишься. И прежде чем уйдешь, поставь на место кушетку.

Снова пустив в ход лишь одну руку, оранг послушно перевернул небрежно отброшенную мебель обратно на ножки, поставил ее на прежнее место и бросил подушки туда, где им надлежало быть. Одарив Хаяки и Карденаса предупреждающим взглядом, он просеменил вон из комнаты, по-прежнему стискивая зловещий длинный клинок.

— Ваш друг? — Карденас жестом указал на выходящего примата.

— Мой телохранитель. Его дала мне ассоциация Симиано. Я расплачиваюсь за защиту и убежище. — Выражение ее лица чуть смягчилось. — Телохранителей сменяют по очереди. Им всем не особенно нравится находиться в человеческом обществе. Но дело свое они знают.

Поставив плетеное из прутьев и ротанга кресло на прежнее место, Хаяки опустился на него. При высокой влажности короткое физическое упражнение вызвало водопады пота на лице и верхней части тела.

— Не стану спорить.

Она поколебалась еще с миг, прежде чем наконец сделала жест в сторону мебели.

— Итак, вы здесь. Я ничего не могу с этим поделать. Так что вполне можете присесть.

Заняв кресло около кушетки, Карденас сложил руки на груди и с серьезным видом подался вперед.

— Вы сказали, что платите здешним, гм, жителям, за убежище для вас. А где Катла?

Сурци Моккеркин, казалось, съежилась. В другое время, в

другом месте, она была бы исключительно привлекательной и, вероятно, жизнерадостной женщиной, подумал Карденас. Тропики низводили внешность всех людей к одному низкому потному общему знаменателю.

— Раз вы нашли меня, то явно знаете о ней. — Она выглянула в забранное ширмой окно. — Когда она не сидит перед ящиком, дразня моллисферы, то любит прогуливаться по лесу. Говорит, увиденное вдохновляет ее. — Моккеркин покачала головой. — Я рада за нее. Это было самое безопасное место для бегства, какое я смогла придумать, и у меня были здесь контакты.

— У вас, — надавил на нее Хаяки, — или у Уэйна Бруммеля?

Она посмотрела на рослого сержанта, но без удивления.

— Так вы и об Уэйне знаете?

— Именно с этого для нас и началось дело, — сочувственно кивнул Карденас. — Вы не явились на назначенную мне встречу в морге Ногалеса.

Повернувшись налево, она провела ладонью по большой псевдодеревянной скульптуре тапира. Спина у него отодвинулась в сторону. Сунув руку внутрь, она достала бутылку местного пива и отщелкнула пробку, активируя встроенный охладитель. Она подождала, пока пиво не станет холодным, но не предложила гостям налить по стаканчику.

— Бедный Уэйн. Вы знаете, он и правда любил меня. — Будучи вынужденным лишь смотреть, как она опрокидывает глоток ледяного пива, Хаяки ощутил настоящую боль. — Проблема Уэйна была общей для всех мужчин: они всегда мнят себя более умными, чем на самом деле. Мне не хватает его, но не так сильно, как мне думалось. — Она показала на свое окружение. — Именно он проделал всю нудную работу, подыскивая безопасное прибежище на случай, если оно нам понадобится. Жаль, он так и не смог насладиться им. — Сделав приличный глоток золотистой жидкости, она оценивающе посмотрела на Карденаса. — Я говорю вам правду.

— Знаю, — успокаивающе ответил инспектор, не трудясь объяснить, откуда он и в самом деле это знал.

Она скрестила весьма привлекательные ножки, большая часть которых оставалась на виду ниже края халата.

— Первое, о чем я подумала, увидев вас здесь, что все кончено, а вы матарос, подосланные моим мужем. — Ее лицо скривилось в выражении явственного отвращения. — «Никто не насмехается над Насмешником», — бывало, говаривал он. Пинче каброн, этот ублюдок! — Тон ее сделался умоляющим. — Он заворожил меня сперва. Я была очень молода. В конечном итоге, все дошло до того, что я не смогла больше выносить. Я

полдюжины раз от него сбегала. И каждый раз его люди находили меня и приводили обратно. — Она отвела взгляд. — И каждый раз, когда меня привозили обратно, дела становились еще хуже.

А потом появилась Катла. Я перестала убегать. Чтобы вырастить ее, а также побудить его смягчиться. Почувствовав, что она уже достаточно большая, достаточно сильная, я начала искать выход. Потерпев столько неудач, пытаясь сбежать в одиночку, я сообразила наконец, что мне нужна помощь. И искала ее, но без толку, пока не повстречала Уэйна. — Она глотнула еще пива. — Дело заключалось даже не в том, что Уэйн был хорошим парнем. В конце концов, он ведь работал на Клеата. Просто он был не таким скверным, как большинство других мужчин, которых я встречала. И он любил меня и был терпимым с Катлой.

Для меня этого было достаточно. Я рассказала ему о задуманном, и он поддержал меня. Вместе мы совершили побег, попытались затеряться на Полосе. — Она покачала головой. — Четыре новых личины за два года, и все равно этого оказалось недостаточно. Все это время Уэйн не переставал искать безопасное место, на случай, если нам придется покинуть Севамерику. Не знаю, как он наткнулся на мысль отправиться сюда, но он на нее набрел. Он рассудил, что это место, куда не смогут проникнуть даже присные Мока. — Она невесело улыбнулась. — О федералах мы не говорили.

— Ваш дом чуть не убил нас, — почувствовал неодолимую тягу сказать Хаяки.

— Это тоже дело рук Уэйна, — покосилась она на него. — Он предназначал эту ловушку не для вас. Она задумывалась для встречи хомберов Мока, на случай, если те когда-нибудь появятся. Но как вам-то удалось вывернуться?

Хаяки показал на молчаливо-внимательного Карденаса.

— Мой напарник очень хорошо чувствует аномалии в ситуациях. — И обвиняюще добавил: — Ваш дом чуть не снес мне задницу при взрыве.

— Я б извинилась, если бы считала, что с этого будет какой-то толк, — пожала плечами она. — Теперь ничто не имеет значения. Больше ничего не имеет значения. — Когда она глядела на Карденаса, в ее глазах проглядывала искренняя жажда покончить со всем. — Если вы смогли найти меня здесь, то, значит, Клеат тоже сможет это сделать.

— Не обязательно, — поправил ее инспектор. — Не все официальные каналы информации поставлены под угрозу, знаете ли. Факты вашего дела известны лишь очень немногим. — Он указал на Хаяки. — Формально мы с Фредозо в отпуске и не находимся здесь по официальному делу.

Она смотрела так, словно не видела разницы.

— Не имеет значения. Я не могу отсюда уехать. Сьюдад-Симиано моя последняя, самая большая надежда. И у Катлы тоже.

— У СФП есть очень успешная программа защиты свидетелей.

Смех ее был резким и нервным. Она недоверчиво уставилась на него.

— Вы, должно быть, шутите! Покинуть этот поселок, куда никому не проникнуть без разрешения, чтобы вернуться на Полосу и дать показания против Мока? Я, может, и не такая умная, как Катла, но у нас в какой-то мере одни гены. Поэтому я останусь здесь, даже если присные Клеата смогут-таки найти меня. — Она резко выбросила руку в сторону коридора. — Пусть приходят. Посмотрим, как им понравится иметь дело с Роджером и его сородичами! Но вернуться? Ни в коем случае, федоко. Если только вам не удастся убедить меня, что вы сможете продать на Шпицбергене нарезанный тонкими ломтиками лед.

— Ладно, — ответил Карденас. — Раз вы так настроены, то ладно. Но если вы расскажете нам, что же все это значит, то, возможно, СФП сможет оказать вам некоторую дополнительную помощь. Вы ведь не будете против, не так ли? Если вам известно нечто такое, что мы можем использовать против Клеатора Моккеркина, при этом не связанное для вас с непосредственным появлением в суде. Всегда есть шанс, что мы сможем сделать ход против него, покуда вы остаетесь здесь, вне поля зрения. Это устранило бы угрозу вам и вашей дочери, не вынуждая вас вернуться на Полосу. Разве вам бы не хотелось увидеть, как это произойдет?

Она снова засомневалась.

— Вы не собираетесь заставлять нас возвращаться с вами?

Инспектор покачал головой.

— Просто не могу. Это же Центрально-Американская Федерация, а не Севамерика. Вас не обвиняют ни в каком преступлении, так что закон об экстрадиции тут неприменим. Можете говорить, не стесняясь. — Он встретился с ней взглядом, не моргнув глазом. — Да я в любом случае не стал бы пытался забрать вас и вашу дочь против вашей воли.

Сурци поразмыслила над его предложением. Внезапно она стала выглядеть моложе своих лет, походя скорей на испуганного подростка, чем на закаленную женщину, сумевшую выжить на Полосе.

— Все дело в деньгах. Деньгах Мока. Наличных Клеата. Мы с Уэйном смогли присвоить изрядную долю кредита. Никто не делал такого с Моком, думая, будто ему это сойдет с рук. А то,

что в этом участвовала я, еще больше усугубляло дело. Мок из-за этого выглядит не только полным козлом, но и полным кретином. Он хочет вернуть свои деньги. Хочет вернуть меня.

Инспектор понимающе кивнул, не улыбаясь, наклонился к ней и заявил мягко, но решительно:

— Если вы намерены мне лгать, миз Моккеркин, то я ничем не смогу вам помочь. Деньги, которые вы с Уэйном Бруммелем или Джорджем Андерсоном похитили, лишь малая часть этого дела.

Лицо ее раскраснелось от возмущения, и она приподнялась с кушетки.

— Я не лгу, проклятый ты федоко! Зачем еще, по-твоему, такой, как Мок захотел бы вернуть меня?

Ни в малейшей степени не отреагировав на ее вспышку, Карденас попытался остаться столь же чутким и сочувствующим.

— Я не так уж уверен, что он хочет вернуть вас, миз Моккеркин. Но мы знаем, что он хочет вернуть вашу дочь.

12

Она уставилась на него. За исключением звуков тропического леса, доносившихся сквозь забранные ширмами окна, в комнате стояла мертвая тишина.

— Не понимаю, о чем вы говорите, инспектор. Катла способная, совершенно нормальная, обыкновенная двенадцатилетняя девочка, страдающая лишь из-за трудностей, какие бывают у всех девочек ее возраста. И я не могу себе представить никакой особой заинтересованности моего мужа в ее возвращении, помимо того, что она доводится ему дочерью.

Хаяки покорно вздохнул.

— Миз Моккеркин, имейте некоторое уважение к нашему умению делать свою работу. Мы ведь вас нашли, не так ли? Кроме того, мы способны определить, когда вы лжете. — Он кивнул в сторону инспектора. — Мой напарник — интуит.

Хозяйка дома пристально посмотрела на Карденаса. Тот обычно предпочитал не афишировать свою способность. Но тут был другой случай. Она увидела правду в его глазах и бессильно осела на кушетке.

— Мы беседовали с друзьями вашей дочери, миз Моккеркин. Как в том соче, в который вы ее зачислили, так и вне его. И знаем, что Катла куда более, чем просто «способная». Нам известно, что она техант и что она работала над каким-то важным проектом для вашего мужа, когда вы обе исчезли.

Сплетая и расплетая пальцы, Сурци Моккеркин отступила под натиском, но лишь со скрипом.

— Катла моя дочь, джентльмены, и я люблю ее. — Подняв голову, она умоляюще посмотрела на внимательно слушающего инспектора. — Но я не притворяюсь, будто понимаю ее. И уж точно не знаю, откуда у нее такие мозги. — Она сардонически рассмеялась. — Одно могу сказать, что явно не от меня! Со мной по-другому, у меня есть обычные мозги, и навалом — на улице я не пропаду. Но книжные мозги — может, они достались ей по линии Клеата. Я не слишком уверена, что это такая уж полезная штука.

Она, Катла, вообще-то очень робкая, но иногда, когда была уверена, что мы одни и за нами не наблюдают, пыталась поговорить со мной о некоторых вещах. Проект Клеата был одной из них. Он… он говорил ей, что если она не будет работать с ним, с его людьми, то может что-то случиться. Не с ней, а с кем-то другим.

— Он угрожал вам, чтобы заставить ее работать с ним? —

уточнил Хаяки.

— Не называя по имени. — Она переключила внимание на рослого сержанта. — Ему и не требовалось. Достаточно было намекнуть, что с кем-то близким может что-то случиться. Он мог говорить о какой-нибудь односочнице или о случайном друге. Вам никогда не доводилось быть с ним рядом, сержант. В его голосе есть определенное качество. Оно естественное, но Мок может заказать на дом обед из китайского ресторанчика, и это прозвучит так, словно он собирается совершить серийное убийство. А когда он действительно угрожает… — Голос ее замер.

Карденас вернул разговор к прежней теме.

— Этот проект, над которым он заставлял работать Катлу: вы можете что-нибудь рассказать о нем? Мы не знаем никаких подробностей, только что он довольно значительный. В нем явно очень заинтересованы и другие, кроме вашего мужа.

Она широко развела руками и пожала плечами.

— Я же говорила вам, Катла пыталась мне это объяснить, и не раз. Я о нем помню лишь немногое и не притворяюсь, будто понимаю даже то, что помню. Он как-то связан с процедурой, которую она называла «квантовой кражей».

Двое федералов переглянулись.

— И это все? — подтолкнул ее Карденас.

— О нет, есть еще многое. Просто я ничего этого не понимаю.

Наморщив лоб, Сурци Моккеркин попыталась вспомнить терминологию и определения, которые явно выходили за рамки знакомых ей понятий. И по мере того, как она объясняла, перескакивая с пятого на десятое, Карденасу становилось все более очевидным, что многое из этого равным образом выходило и за рамки их с напарником знаний. И что еще хуже, без погибших в машине спиннеров, зафиксировать какие-либо подробности они могли только с помощью собственных мозгов.

— Все вертится вокруг дистанционного управления оптическими свитчами, которые драйвят коммерческие нервные узлы Ящика. Я говорю о глобальном Ящике, а не каких-то местных боковых дендритах. — И, увидев выражение их лиц, добавила с кривой усмешкой. — Я ж вам говорила, что не понимаю этого. Просто помню кое-что.

— Продолжайте, — поощрил ее Карденас, отчаянно жалея, что при нем нет спиннера. Или знающего немало Орилака Мудрого.

Усилия вспомнить, казалось, помогли ей расслабиться. В промежутках между декламациями она допила остатки пива.

— Весь фокус — Катла упорно называет его именно так — явно в том, чтобы настроить подсоединенные параллельно

усилители так, чтобы в соответствующий момент лазеры точно отрегулировались на нужной длине волны. Если правильно откалибровать луч, то получится местный дубликат информации, которая перекачивалась в этот момент. Когда на удаленном сайте будет создан точный дубликат, оригинал уничтожат. — Она откинулась на спинку кушетки.

— Предполагалось копировать таким образом на другую молли дубликаты банковских кодов, или подробности биржевых операций, или просто скачиваемую информацию.

— И в тоже самое время, — добавил Карденас, напряженно пытаясь осмыслить сказанное, — первоначальная информация превращалась в бесполезную?

— Не просто превращалась в бесполезную, — поправила она его. — Она стиралась, словно ее никогда и не было. Но она оставалась в виде идеального дубликата, созданного где-то в другом месте.

Оба федерала на мгновение притихли, пытаясь переварить все это. И как столь часто бывало, Хаяки аккуратно подытожил только что услышанное.

— Банкам это страсть как понравится.

— Очень остроумно, — заметил Карденас. — Ты не только похищаешь информацию, но и одновременно ликвидируешь первоначальную запись. Все равно что убегать от кого-то, заметая оставленные следы. — Он слегка свел брови глядя на Сурци Моккеркин. — Если сработает.

Отставив бутылку в сторону, она извлекла из статуи тапира другую и щелкнула охладителем. Налить гостям она снова не предложила. Карденас полагал, что ее нельзя винить.

— Этого я вам сказать не могу. Я бы не поняла, срабатывает ли нечто подобное так, как надо, даже если б увидела в действии.

— Значит, вы не знаете, является ли эта бредовая идея чем-то большим, чем теорией? Вам не известно, насколько далеко продвинулось практическое применение, вышли ли люди вашего мужа за рамки чистой теории?

— Да, — пробормотала она, — не знаю. Но я знаю одно. Мне надоело смотреть, как мою дочь используют, не говоря уж о том, что ее втягивали в деятельность этого ублюдка.

Хаяки задумчиво кивнул.

— Та пара миллионов, которую прихватили вы с Бруммелем, конечно же, не имеет никакого отношения к подобным фокусам.

— А что мне, черт побери, оставалось делать, федоко? — повысила голос она. — Устроиться на работу мыть полы или стелить постели в дешевых отелях? Если собираешься сбежать от Мока, то лучше бежать подальше и побыстрее. А на это нужны

деньги. — Она немного поутихла. — Уэйн был не таким уж и плохим парнем, учитывая обстоятельства.

— Значит вам его сильно не хватает, — сочувственно предположил Карденас.

Взгляд, на который он натолкнулся, был таким ледяным, что на мгновение подумалось, будто она интуитит его.

— Этого я не говорила. Я сказала, что он был неплохим парнем, и это так. Моей главной заботой, моей единственной заботой было защитить Катлу. Увести девочку подальше от ее пинче отца.

— А не попытаться заполучить для себя. — Хаяки больше не улыбался.

Стальной блеск во взгляде хозяйки дома померк, и она отвела взгляд.

— Думайте что хотите. От мертвой матери очень мало толку. — Еще один большой глоток пива, и когда женщина снова посмотрела на своих гостей, к ней в какой-то мере вернулась прежняя решимость.

— Я никуда с вами не поеду, джентльмены. Можете не утруждать свою проклятую программу защиты. У вас нет никакой юрисдикции в ЦАФ, и меньше чем никакой в Сьюдад-Симиано. Я знаю. По этому вопросу в добытых Уэйном сведениях говорится очень конкретно. Р-разумеется, тут не Полоса, и не Нуэва-Йорк, и даже не Агуа-При, но мы с Катлой способны справиться. Пока нам удавалось справляться. Если я вернусь, если нога моя ступит на землю Севамерики, то мне конец. — Речь ее, вследствие второй бутылки пива, начала делаться невнятной. — Этот пинче каброн может гонять свои лазеры, пока у него задница не отвалится. Катлу он не вернет.

— Ладно. — Карденас встал. — Больше мы не станем вас беспокоить, миз Моккеркин.

Хаяки уставился на напарника во все глаза.

— Хох, Анхель, ты часом не…

— Она не хочет уезжать, и мы не можем ее заставить, — твердо заявил своему напарнику инспектор. — Она предпочитает остаться здесь, и я рад за нее. — И, снова переключив внимание на хозяйку дома, добавил: — Если Соронг даст разрешение и нам удастся найти место для ночлега, мы с напарником пробудем здесь еще пару дней. Подумайте о нашем предложении, миз Моккеркин. Подумайте обо всем, что я сказал. Жизнь в бегах, даже в столь приятном месте, каким вы, возможно, находите тропики ЦАФ, начинает через некоторое время утомлять. Я знаю, мне доводилось видеть, как такое случалось. Подобная жизнь быстро старит. Есть и более коварные убийцы, чем пуля. Полное

страха ожидание действует медленнее, но может быть столь же смертоносным. — И по какому-то наитию кивнул на заднее окно гостиной. — Одно знаю наверняка: это совсем не то место, где можно попытаться вырастить ребенка.

Крепко сжимая бутылку с пивом, она пробормотала на прощанье:

— Хотела бы сказать, что было приятно побеседовать с вами, инспектор. Но это не так.

Он двинулся мимо нее, косясь одним глазом на затененный коридор, чтобы не столкнуться с неким весьма раздражительным орангутаном.

— Пару дней. Подумайте об этом.

Они оставили ее сидеть на кушетке и пить пиво, пусть и без особого удовольствия, углубившись в мысли, которые, как надеялся Карденас, подтолкнут ее к какому-то решению.

Как только они оказались снаружи, Хаяки наконец решил дать выход своей досаде.

— Что все это означало, Анхель? Я думал, ты склонял ее к мысли поехать с нами, а ты просто дал ей ускользнуть.

Памятуя о пауке, который попытался прокатиться на плече его друга, Карденас без излишнего энтузиазма изучал тропу, шедшую обратно к центральному поселению.

— Никуда она не поедет, Фредозо. Она слишком напугана. Ей нужно дать время подумать о своем будущем, а не просто о завтрашнем дне. Время поразмыслить о будущем своей дочери. — Он сделал жест в сторону зеленого окружения. Над головами у них пролетела пара попугаев ара. Они пронеслись над самыми верхушками деревьев, наполняя воздух пронзительными криками.

— Это прекрасное местечко — на несколько месяцев, самое большее на год. Но это никак не постоянное пристанище для того, кто привык жить на Полосе. Меня не волнует, какой тихой, сдержанной и интравертной может быть эта Катла и сколько прогулок по джунглям она совершает — все равно, она двенадцатилетняя девочка. ЦАФ — не Севамерика. Для биолога, делающего научную карьеру, жизнь в заповеднике может быть терпимой. Но даже тогда лишь терпимой.

На сей раз по тропе впереди шел Хаяки, вынуждая Карденаса увертываться от веток и листьев, которые норовили хлестнуть по нему.

— Ладно, но можем ли мы ждать год, пока миз Моккеркин не примет решение?

— Конечно, не можем. Но, думаю, нам и не придется. Она ведь и сама понимает, что если мы смогли ее найти, то смогут и подручные Мока. Все сводится к тому, считает ли она себя здесь в

большей безопасности, и сможет стерпеть изоляцию, или же что ей с дочерью лучше переложить ответственность за безопасность на СФП. — Он осторожно перешагнул через пересекавшую тропу колонну муравьев.

— Возможно, мы не можем ждать год, но пара дней у нас в запасе есть. — На лице у него появилась легкая улыбка. — Теперь Пэнгборн станет дергаться в ожидании хоть какой-то связи. Не говоря уж о том, что у нас вот-вот закончатся «отпуска».

Они вышли из леса на открытый двор поселения Сьюдад. Через дорогу маршировала на занятия группа юных приматов, сопровождаемая степенной и очень достойной на вид шимпанзе.

— Так значит, наш план — оставить ее в покое, дать повариться в собственном соку, обдумывая наше предложение, и не оказывать больше никакого давления?

— Эксактаментион[55], — согласился Карденас.

— Она может ничего не сказать своей дочери о нашем визите. А у девочки, возможно, есть свое мнение.

— Вероятно. — Инспектор зашагал через двор. — Но девочка еще не достигла возраста самостоятельности, даже в ЦАФ. Не стоит давать матери еще одну причину невзлюбить нас. Лучше оставить ее в покое и предоставить ей разобраться самой.

— Думаешь, она примет верное решение?

Карденас остановился посмотреть, как смешанная группа макак и маленьких игрунков занимается акробатикой на сложной гимнастической стенке, сооруженной вплотную к джунглям. В сочетании с присущим природным атлетизмом, четкость выполняемых упражнений ошеломляла.

— Надеюсь, да. Если не ради нее самой, то ради ее дочери. — Снова зашагав дальше, он направился к зданию Администрации. — Если у них здесь есть жилье для санкционированных исследователей, то они, вероятно, смогут нас пристроить на пару дней.

Администрация Сьюдад-Симиано могла это организовать — за плату, конечно. Квартиры для гостей оказались приятным сюрпризом: аккуратные и чистые. В них имелись легкое тропическое постельное белье, противомоскитные сетки и фумигаторы. Стоял даже вит-плейер, но никаких комм-аппаратов и никакого доступа к ящикам. Если им захочется поговорить с внешним миром, придется воспользоваться подконтрольным аппаратом в здании Администрации. «Что это, способ гарантировать недоступность приезжих? — гадал Карденас, — Или отмечать все контакты между Сьюдадом и человеческой цивилизацией? Способ защитить гостей — или изолировать местных жителей?» Не имеет значения. Ни ему, ни его напарнику

скрывать нечего, никаких секретов у них нет.

Поданная гостям еда стала еще одним сюрпризом. Предвидя вегетарианскую диету, оба федерала пришли в восторг, увидев в меню все от рыбы до оленины, хотя в нем не значилось мяса домашних животных. Жители Сьюдада не выращивали для пропитания других животных, но ничего не имели против убийства и потребления тех, кого им удавалось поймать в дебрях. Шимпанзе в особенности любили животный белок. За время короткого пребывания федералов в заповеднике Хаяки пристрастился к тропической саранче, зажаренной в кунжутном масле. Помимо присущего этому блюду хруста, эти кузнечики содержали вдвое больше протеина, чем говядина. Карденас же сделался большим приверженцем местных фруктов, со многими из которых он никогда раньше не сталкивался.

На второй день заскучавший Хаяки наткнулся в лесу на теннисный корт. Там он познакомился с молодым орангутаном по имени Пахек. Хотя физически оранг и уступал сержанту в росте, он превосходил его в длине рук, и они провели несколько энергичных состязаний.

Завидуя способности напарника расслабляться, Карденас, все более впадая в пессимизм, продлил их пребывание еще на день, так и не дождавшись ни слова от Сурци Моккеркин. Все выглядело, словно единственные свидетельские показания, какие им удастся получить от нее касательно смерти Уэйна Бруммеля и его вероятных убийц, сведутся к лишь к предположениям. Они не могли заставить ее дать свидетельские показания. Да если уж на то пошло, у них по-прежнему не было никаких доказательств, связывающих ее преступного мужа с тем распылением. Что же касалось бесчестной эксплуатации ее дочери отцом, едва ли здесь совершалось уголовно наказуемое преступление. С точки зрения суда, без свидетельских показаний, данных в суде или записанных в присутствии представителей защиты и обвинения, любая информация от матери Катлы останется лишь разговором.

В общем и целом поездка получилась не очень удачной. Они приобрели информацию о намерении Мока заняться некой квантовой кражей. Это могло оказаться чем угодно, от настоящей угрозы обществу до бесплодной гипотезы. Сурци Моккеркин подтвердила, что муж разыскивал ее, и что у него имелась причина для ярости, смертельной ярости по отношению к мужчине, с которым она сбежала. И больше ничего. Не было никаких твердых доказательств заказного убийства, кражи кранча или жестокого обращения с ребенком. А то обстоятельство, что остальные были готовы убивать, лишь бы узнать нечто, известное Катле Моккеркин, пусть и намекало на многое, но никого не

связывало напрямую с убийством Уэйна Бруммеля.

Которое в конце концов и было делом, расследуемым им с напарником.

Хорошая еда и приятное, хоть и изолированное окружение не очень-то помогали инспектору выйти из хандры, в которую он впал. Если б они сумели добиться от Сурци Моккеркин твердого свидетельства, что ее муж заказал убийство Бруммеля, или хотя бы что это наиболее вероятный вариант, то можно было бы задержать Мока по подозрению в убийстве и подвергнуть его допросу. Но если она откажется пойти даже на это, им не останется ничего иного, кроме как сесть на ближайший шатл домой. А поскольку она так боялась мужа, Карденас не питал радужных надежд убедить ее сообщить хотя бы, сколько времени.

Они не могли позволить себе застрять тут еще и на четвертый день. Во всяком случае, безрезультатно. Сделать они могли лишь одно: нанести последний визит Сурци Моккеркин, повторить и свою просьбу о помощи, и предложение надежного убежища. После этого оставалось надеяться, что время и одинокие раздумья достаточно подействовали на ее разум, дабы заставить изменить свою позицию. На успех уже не надеялся ни тот, ни другой.

Мысленно смирившись с ожидающим разочарованием, Карденас заказал билеты на завтрашний шатл из Сан-Хосе в Ногалес через Мехико. И все же, размышлял он, подымаясь впереди Хаяки по лестнице гостевого дома, в прошлом бывали времена, когда разум и логика подводили его, а вот чистое упрямство окупалось.

Несмотря на внешнюю простоту строения, предыдущий визит подтвердил, что в нем функционировала скрытая сервотроника, которая, должно быть, и уведомила ее о прибытии гостей. Сурци Моккеркин встретила их в главном коридоре. Держалась она настороженно, но уверенно.

— Заходите. Я сейчас кое-чем занята на кухне.

Они последовали за ней в ту часть дома, которой раньше не видели. Кухня занимала противоположную от гостиной, где они беседовали три дня назад, сторону здания. Оборудованная с расчетом справиться с надобностями двух-трех человек, она могла похвалиться шкафчиками, непроницаемыми для насекомых, со встроенными поглотителями влаги, небольшой духовкой и плитой, раковиной, холодильником, ультразвуковым очистителем и большой кладовой. Покуда двое федералов продолжали осмотр, хозяйка дома вынула из очистителя тарелки и стаканы и расставила их в открытом шкафчике.

— Как я понимаю, вы, джентльмены, готовитесь к отъезду.

— Именно так, — признал Карденас. — Как вы узнали?

Она поставила на частично заполненную полку пару ярких самоохлаждающихся пластиковых стаканов.

— Я, знаете ли, пробыла здесь достаточно долго, чтобы обзавестись несколькими друзьями. — Видавшие слишком многое глаза встретились с ним взглядом. — Если вы зашли попрощаться, то рада вас видеть. Если же вы решили сделать последнюю попытку уговорить меня уехать, то забудьте об этом.

Пытаясь смягчить напряжение, он рискнул небрежно заметить:

— Жалко, что нам не удастся встретиться с вашей дочерью. Вы уже говорили, что она любит гулять по лесу.

— Она предпочитает людям машины и природу, — невесело улыбнулась Моккеркин. — Не могу сказать, что виню ее.

— А как насчет вас, Сурци? Вы не скучаете по людям, по волнующей городской жизни, по разным людским делам и по местам, куда можно сходить?

Отведя взгляд, она решительно вернулась к расстановке посуды.

— Неважно, чего мне хочется. Я теперь хочу лишь самого лучшего для Катлы.

Лжет, понял Карденас. Может, даже лучше, чем осознавала она сама. Скуку она терпела не лучше, чем лифчик не того размера. Еще месяц, может два, проведенных в здешней изоляции, и жизнерадостная, весьма общительная женщина вроде нее в полной мере почувствует последствия. Могли ли они ждать еще два месяца, пока она не сломается?

Решение упрощалось тем, что у них не было выбора.

— Если вы передумаете, — сказал он ей, — то можете связаться со мной напрямую. — Инспектор кивнул в сторону поселения. — Адрес на молли Администрации. Воспользуйтесь безопасным каналом.

Она избегала встречаться с ним взглядом.

— Счастливо долететь, джентльмены. — Губ ее коснулась призрачная улыбка. — Остерегайтесь на обратном пути бродячих фермеров.

Карденас улыбнулся, кивнул и повернулся к выходу. Они с Хаяки вместе вышли из кухни.

— Ну вот и все, — подвел итог сержант. — Мы сделали то, что было в наших силах, Анхель.

Инспектор кивнул, сворачивая к коридору.

— Если она не даст свидетельских показаний, не говоря уж о том, чтобы вернуться, то мы можем дальше не расследовать это дело. Оно наверняка умуэртвилось. — Он оглянулся. — Хотя мне хотелось бы поговорить и с дочкой.

— Думаешь, она могла бы заставить мать передумать? — Хаяки приподнял брови.

— Нет, — покачал головой Карденас, — если то, что рассказала нам Сурци о дочери, правда, а мне думается это так.

— Тогда финиш. — Хаяки свернул в коридор, направляясь к передней двери. — Тебе так думается, значит, так оно и есть.

И тут рослый сержант остановился так внезапно, что Карденас чуть не налетел на него.

По передней лестнице подымалась масса мандрилов. Крупные, красномордые бабуины надвигались молча. Каждый держал в руке нож, лишь немногим длиннее их внушительных верхних клыков. Карденас быстро попятился назад.

— На кухню, — коротко бросил он.

Вскинув голову при их внезапном возвращении, пораженная Сурци Моккеркин сунула руку в ящик кухонного стола и вытащила пистолет, хоть и маленький, но не особенно женственный. Заглянув в дуло, Карденас коротко кивнул.

— Хорошо. У меня такое ощущение, что он вам понадобится. Есть еще какой-нибудь?

Лицо ее поморщилось в замешательстве.

— О чем вы говорите? Зачем вы вернулись? Что происходит?..

— Вот они! — крикнул Хаяки, отдирая от стены портативную духовку и швыряя ее в первого мандрила. Она ударила обезьяну прямо по ярко расцвеченной морде, вызвав вопль гнева и удивления.

Это послужило сигналом остальным приматам ринуться на кухню всей оравой. Теснота помещения сработала против нападавших. Не в состоянии обойти неприятеля с флангов, они вынуждены были попытаться задавить трех людей численным перевесом во фронтальной атаке. И сразу же стало очевидным, что целью вторгшихся обезьян являлись не федералы. Те просто оказались у них на пути.

Зажав нож в мощных зубах, один мандрил попробовал перепрыгнуть через Карденаса, тогда как инспектор попытался прицелиться в него из пистолета. Выстрелить он не успел. Выстрел Сурци снес мандрилу всю морду, одновременно чуть не ампутировав ухо Хаяки. К сержанту ринулись еще двое, пытаясь обойти его. Будь на его месте человек менее рослый, такой тактический ход мог и сработать. К несчастью для разъяренных приматов, Хаяки был настолько рослым, что одно лишь его присутствие преграждало им доступ к намеченной жертве. Тут полыхнуло и его оружие, превратив одного из стремительно двигающихся нападавших в размозженный труп.

Нож угодил сержанту в левую руку, разодрав кожу ниже

короткого рукава рубашки. Хаяки обрушил толстое ребро правой ладони по грудной клетке мандрила. Зверь завизжал от ярости, отскочил от стены, о которую ударился, мотнул головой и снова прыгнул на него. Одновременно другой метнулся мимо ног Хаяки, даже не трудясь мимоходом резануть по ним. И зубы и клинок предназначались только женщине, забившейся почти в самый угол кухни.

Карденас ткнул дулом пистолета в шею бабуину, продавив шерсть и нажимая на скрытую под ней кожу. Завопив от неудержимой ярости, тот с горящими глазами потянулся назад, когда инспектор нажал на курок. Ошметки бабуина забрызгали инспектору лицо. Смертельно раненый примат бешено заскреб рану, отскакивая от шкафчиков и пола и истерически визжа. Покуда инспектор выискивал новую цель, Сурци Моккеркин всадила в дергающееся, бьющееся тело один, два, три разрывных шарика, пока от налетчика не осталось почти ничего, кроме больших кусков окровавленного мяса и шерсти.

Увидев, как его коллег ликвидировали одного за другим, единственный оставшийся убийца-примат размахнулся и метнул свой нож. Свистнувший клинок чуть-чуть не попал в цель, пролетев рядом с головой Сурци Моккеркин и вонзившись в заднюю стену кухни. Разъярясь от досады, уцелевший мандрил резко развернулся, забрызгав при повороте кухню мочой, и рванул на четвереньках обратно тем же путем, каким пришел. Они услышали, как грохочут при его отступлении ступеньки лестницы.

Тяжело дыша, Карденас помог напарнику сунуть раненую руку под изогнутый кран в раковине. На порез сразу же хлынула холодная вода, смешиваясь с кровью сержанта и стекая в слив. За спиной у них хозяйка дома все еще сжимала оружие обеими руками, глядя широко раскрытыми глазами на следы бойни, залившей кровью ее кухню.

— Спрейкожу, — лаконично потребовал Карденас. Когда она никак не отреагировала, повысил голос до крика. — Сурци! — Резкость его голоса отвлекла ее внимание. Он сбавил тон. — Спрейкожу, у вас ведь она есть? А также аэрозоль-дезинфектант и бинты.

— Я… я пойду проверю. Думаю, есть. Может быть. — Она двинулась к двери.

— Какое же фазное это было задание, — процедил сквозь зубы Хаяки. — Сперва меня пытался убить дом, а потом мартышки.

— Пытался убить нас, — напомнил ему Карденас, не прекращая давить на руку друга. — Не считай себя исключением.

Тебе ведь не пришлось иметь дело ни с инзини, ни с озерниками.

— Не хотел бы оставить все развлечение исключительно для себя, — отпарировал сержант. Спустя мгновенье из коридора донесся вопль Сурци Моккеркин и грохот ее пистолета.

— Мьерде! — Карденас рванул вон из кухни. Обматывая на бегу раненую руку полотенцем, Хаяки последовал за ним.

Оседлавший ее плечи примат был не очень крупным. Определенно, куда меньше недавно вторгшихся в дом мандрилов. Но этот ревун был достаточно крупным и достаточно сильным, чтобы держать в мощной волосатой руке мачете. Когда они вбежали, он выронил клинок и одним громадным прыжком добрался до передней двери, ухватился за притолоку и махнул на волю. Через несколько секунд раздался визг, за которым последовал пронзительный крик. Хотя Карденас, признаться, не понимал значения издаваемых обезьянами звуков, на победный вопль это как-то не походило.

Пошатываясь, Сурци Моккеркин повернулась к ним лицом. Выражение на нем отсутствовало, в глазах застыло полнейшее непонимание. На глазах у объятых ужасом федералов она медленно опустилась на колени, а затем рухнула ничком на пол. Мужчины бросились к ней. Один-единственный взгляд сказал обоим больше, чем им хотелось знать. Ей уже ничем нельзя было помочь. Ее почти обезглавили.

Тут появилась огромная фигура, полностью заслонившая собой дверной проем. В одной руке она держала обмякшее тело ревуна. Соронг рассеянно отбросил его в сторону. Оно перевернулось пару раз, катясь по покрытому лаком паркетному полу, и осталось лежать неподвижно и беззвучно. У ревуна была сломана спина.

Опираясь всем весом на костяшки пальцев, сереброспинный медленно приблизился к телу Сурци Моккеркин. Одной огромной ручищей он приподнял ей голову, а потом уронил обратно на пол. Подняв взгляд на Карденаса, он тихо заметил:

— Это совсем не пойдет на пользу нашей репутации.

Инспектор и не знал, как ответить. Осознав присутствие напарника, он наконец, нашелся с ответом:

— Мой друг ранен.

Соронг взглянул на порез, тянущийся вдоль предплечья Хаяки.

— Я сам отведу вас в лазарет. — Взгляд его снова обратился к вызывающему жалость женскому трупу. Кровь залила полкухни. — Роджер снаружи — мертвый. Что случилось?

Карденас постарался насколько смог реконструировать нападение.

— Ревун, должно быть, притаился на стропилах и прыгнул на нее сверху. — Он показал на открытые балки гостиной. — Думаю, один из напавших на нас мандрилов мог скрыться.

— Далеко ему не уйти. Самка активировала предупреждающее устройство. Тревожный сигнал разлетается быстро, но большинству из нас приходится по-прежнему передвигаться пешком. Я глубоко сожалею о своей медлительности. Скажите… — он посмотрел на Карденаса — … она согласилась вернуться с вами?

— Нет. — Инспектор старался не смотреть на тело. — Она собиралась остаться здесь. Тут она чувствовала себя в безопасности.

В глубине широкой груди Соронга пророкотал медленный гром.

— Мне известно, что она искала здесь убежища от тех, кто собирался причинить ей вред. Я знаю, что вы говорили о них. Но кто мог совершить подобное дело?

— Люди, нанятые ее мужем. А может, другие. Когда она уехала из Штатов, то оставила там много врагов.

— Не могу поверить, что обезьяны способны на такое, — опустил голову сереброспинный. — И ради чего? Из-за денег? — Последнее слово он так и выплюнул. — Вот к этому и приводит повышенный интеллект? К жадности? К жажде вещей, в которых мы никогда не нуждались? К готовности подражать всем нравственным изъянам и этическим несовершенствам Гомо сапиенс?

— Что крестьяне, то и обезьяне, — тихо пробормотал себе под нос Хаяки. Хотя отпускал свое замечание сержант вполне серьезно, он позаботился, чтобы его никто не услышал. Пусть оно было лишено какого-либо намеренного упрека, он понимал, что Соронг может отнестись к этой английской пословице без особой симпатии.

— Я хочу попросить об одной услуге, — сказал Карденас горилле. — Когда ваши ребята поймают сбежавшего, позаботьтесь, чтобы им удалось выяснить, кто заплатил этим убийцам. Есть разные ниточки, которые мне очень хотелось бы отследить.

Огромная голова с мохнатыми бровями медленно кивнула.

— Обещаю так и сделать. А в ответ и я попрошу вас об одной услуге.

Карденас заколебался.

— Если это нечто в пределах моих сил, то считайте ее оказанной.

— Я думаю, вы именно тот человек, который может это

сделать. Вам, возможно, уже доводилось этим заниматься. — Протянув руку, он подобрал безжизненное тело Сурци Моккеркин, держа его с такой легкостью, словно оно вообще ничего не весило. Голова ее свесилась под немыслимым углом. Карденас порадовался, что белокурые волосы скрыли ее лицо.

Глубоко посаженные, болезненно разумные глаза встретились с глазами ожидающего человека.

— Вы будете тем, кто скажет дочери?

— Мьерде! — Карденас метнул взгляд на дверь. — Ведь те, кто это сделал, могут попытаться убить и ее. Мы должны найти ее, и побыстрее.

Соронг, похоже, задумался.

— Если она не здесь, то, вероятно, отправилась на одну из прогулок по лесу. Она любит убраться подальше от разговоров. Гуляет она всегда с каким-нибудь проводником, который заодно охраняет ее, и на короткие прогулки они не берут с собой средств связи. Мы выясним, когда она должна вернуться. Не беспокойся, друг Карденас. Уверен, она вернется целой и невредимой.

Впервые в жизни Карденас полагался на слово обезьяны.

13

Сереброспинный справедливо оценил опыт своего гостя. За долгую карьеру на долю Карденаса слишком часто выпадала обязанность сообщать охваченным горем людям ужасные новости. Однако со времени повышения в звании до инспектора, ему уже много лет не приходилось выполнять этот особенно тягостный долг. Но поскольку Соронг весьма настойчиво попросил об этом, а выполнить его было больше некому кроме Хаяки, Карденас счел, что у него не осталось никакой альтернативы.

Из-за своего особого дара он в любом случае мог справиться с предстоящим разговором лучше большинства иных людей. Это означало, что разговор мог оказаться легче для нее, но вовсе не легче для него. Благодаря способам, какие мог воспроизвести и понять только другой интуит, он сможет прочесть ее эмоции и предвидеть определенные реакции. Но это также означало, что он намного глубже почувствует ее боль. И все же он знал, что у него нет иного выбора. Больше этого сделать некому.

Покуда они дожидались, когда девочка вернется из леса, он систематизировал то немногое, что они знали, пытаясь не тревожиться о ее безопасности. Делу должно было помочь то обстоятельство, что она, по всем сведениям, необычно зрелая. Или, может, было просто легче д у м а т ь о ней как о необычно зрелой, уникально одаренной техантке, а не одинокой двенадцатилетней девочке в бегах, у которой только что жестоко убили мать. Много ли она знала о причинах их бегства? Сколько ей рассказала Сурци? Знала ли она о тех обстоятельствах, которые привели к жизни с незнакомцем по имени Уэйн Бруммель, который не был ей отцом? Или же она просто терпела все это, пребывая в сравнительной изоляции, с головой уйдя в изучение технологии и природы?

Очень скоро они все выяснят. По словам шимпанзе, с которым они с Сорнгом поговорили в здании Администрации, она должна вернуться с утренней прогулки со своим проводником-бонобо к ленчу. Когда она вернется в лагерь, там позаботятся о ее защите, а потом направят не в теперь-уж-небезопасный дом в лесу, а в тихое помещение в главном исследовательском корпусе поселения. Как серьезно и разумно указал заботливый сереброспинный, это строение располагалось рядом с лазаретом Резервы. Если реакция будет угрожать здоровью, девочку можно будет немедленно переправить в соседнее здание для оказания срочной медицинской помощи.

От предложенного ленча федералы отказались. Они

предпочли ждать в отведенной комнате, окруженные тишиной и кондиционированным воздухом, что давало возможность приезжим-людям заниматься своей работой в угнетающей атмосфере джунглей. Хаяки рассеянно поигрывал с наложенным на спрейкожу герметиком. При той скорости, с какой он жертвовал по ходу расследования этого дела личной шкурой, скоро сменится весь наружный слой его кожи.

Покуда его напарник выходил в ванную сменить бинты, Карденас расслаблялся, любуясь висящими на стене картинами. Все они, как его уведомили, написаны жителями Сьюдада. Некоторые щеголяли яркими цветами, но любительской техникой. А немногие достойные внимания отражали мастерство и наблюдательность, которым позавидовал бы любой человек-фотореалист. Гостям сообщили и то, что по меньшей мере четверо представленных тут местных художников внесли неплохой вклад в доход Сьюдада благодаря продажам работ в галереях Нуэва-Йорка, Лондона и Цюриха.

Созерцание обезьяньей живописи прервала открывшаяся дверь и просунувшаяся в комнату голова Хаяки.

— Она здесь, Анхель!

Карденас покорно кивнул.

— Кто-нибудь уже сказал ей что-либо?

Сержант покачал головой.

— Она знает, что нынче утром с ее матерью что-то случилось. И знает, что с ней хотят поговорить какие-то приезжие. Вот и все. Соронг лично проводил ее. Я ее пришлю. — И убрался, предоставив своему напарнику размышлять о предстоящей встрече.

Видев прежде Катлу Моккеркин только на фотографии, Карденас понятия не имел, чего ожидать. Присоединившаяся к нему в гостиной исследовательского корпуса девочка двенадцати лет выглядела высокой и худощавой, но ни в коем случае не нескладной. Напротив, Катла держалась с самообладанием и зрелостью, которые предполагали, что она уже миновала переходный возраст и успела подняться на более приятный уровень. Одетая в шорты, блузку и походную обувь, ростом уже почти с мать, она обладала прямыми черными волосами и зелеными глазами, сочетание которых поражало. Треугольное лицо было привлекательным, но излишне серьезным. Инспектор внимательно изучил его взглядом, выискивая ключи к поведению, тайнам характера, тонким связям с юной особой, с которой ему предстояло столкнуться. Лицо ее представляло из себя прекрасную маску, проецируемую изнутри чадру.

Но ей было всего двенадцать, и сколь бы умелой и

усовершенствованной ни была та завеса, за которой девочка сочла нужным укрыться, она не помешает заглянуть внутрь такому, как Анхель Карденас.

— Олла-ло[56], Катла. Меня зовут Анхель Карденас. Я инспектор Севамериканской Федеральной Полиции. — Девочка осталась стоять, и он указал на маленькую кушетку напротив своей. — Не присядешь?

— Соронг мне сказал, что со мной хотят поговорить приезжие с севера. Держался он очень таинственно. — Приняв предложение Карденаса она присела, плотно сдвинув колени, соприкасаясь голенями, прижав локти к бокам и крепко сцепив руки. Упакованная посылка, решил он, физически закрыта столь же плотно, как и психически.

Проделывая такое уже слишком много раз, он знал, что отсрочка вела лишь к такому нарастанию беспокойства, которое, в конечном итоге, делало ситуацию еще хуже.

— Мы приехали забрать тебя обратно в Штаты, Катла. Только так мы сможем защитить тебя от того, что случилось утром с твоей матерью. Мне искренне жаль. Мы никак не могли этому помешать. — Он помолчал, выжидающе глядя на нее. Нельзя было предсказать, как она прореагирует, но он знал, что у девочки хватит ума сделать необходимые выводы. Так было добрее, чем произнести все вслух.

Она не шелохнулась. Просто сидела напротив него, опустив глаза, думая. И когда наконец ответила, ее подростковая фигура, как и ее голос, казалось, стали ниже.

— Вот почему она не вышла встретить меня. Вот, значит, что ЛуДжу, Мундштук и Зрел делали в доме со всеми этими… чистящими средствами. А я-то гадала, почему они так странно смотрят на меня. — Она с трудом сглотнула, борясь со своей юностью, пытаясь быть очень взрослой. — Мне можно ее увидеть?

Очень хитрое это дело, проявлять одновременно и твердость и сочувствие. Карденас знал это не понаслышке.

— Вероятно, лучше не надо. Этим могут заняться помощники Соронга.

На лице девочки появилась мрачная улыбка.

— Команда зачистки другого рода? Мама всегда говорила, что это может случиться. Но не думала, что это случится здесь. Только не здесь.

— Мне очень жаль, — утешающе повторил он. — Должно быть, она была счастлива здесь.

— Счастлива? — резко подняла голову Катла Моккеркин. Чувствуя надвигающуюся вспышку, о приближении которой сообщали незначительные сокращения мускулов и легкие

изменения цвета кожи, он не столь удивился ее реакции, как другой, оказавшись на его месте. — Мама никогда не была здесь счастлива. Не знаю, была ли она вообще где-нибудь счастлива. Она не была счастлива с папой, не была счастлива с мистером Бруммелем и не была счастлива сама по себе. — Черные волосы колыхнулись. — Я д у м а ю, она была счастлива, когда жила со мной, но на этот счет у меня тоже не было настоящей уверенности.

— Ну, в таком случае, здесь была счастлива ты, — высказался Карденас, пытаясь закрыть тему покойной матери.

Катла не рассмеялась. Внимательно присматриваясь к этому гладкому, как воск лицу, Карденас заподозрил, что оно уже довольно давно не знало искреннего смеха.

— Кто, я? Здесь нечем заняться, кроме как гулять по джунглям, да смотреть на птиц и все время прихлопывать насекомых. Некоторые из этих обезьянок милы, но они все равно остаются обезьянами. Тут нет никаких настоящих танцев, никакой музыки, никаких клубов, никаких тех-тусовок. Не с кем поделиться мыслями, кроме Соронга, а он всегда слишком занят, чтобы проводить время с человеком, которому всего двенадцать. Счастлива? Да для меня тут скука смертная с того самого дня как мы приехали сюда. Я, бывало, отправлялась в долгие прогулки по лесу и мечтала о возвращении на Полосу. — Она скорчила гримасу. — Маме я говорила, что они меня вдохновляют. И это правда. Они вдохновляли меня на мысли об отъезде. — Ее речь соскользнула к невнятному бормотанию. — Но мама… мама думала, что здесь мы будем в безопасности.

— От твоего отца?

Ее сплетенные пальцы сжались так крепко, что побелели.

— Да, от отца. От моего отца, от Мока. — Она подняла взгляд. — Он хочет вернуть меня. Я это знаю. Но я не хочу возвращаться. Я и раньше не хотела к нему возвращаться, а теперь тем более не желаю.

Говоря все время как можно более мягким тоном, Карденас попытался встретиться взглядом с глазами, которые упорно избегали смотреть на него.

— Потому что он заставляет тебя вытворять разные штуки, верно? Работать для него? — Она посмотрела направо и коротко кивнула. Что угодно, заметил он, лишь бы не встречаться с ним взглядом. — Он хочет вернуть тебя для дальнейшей работы над этим механизмом квантовой кражи.

Катла, явно удивившись, резко повернула к нему голову, и ее глаза наконец встретились с ним взглядом. Она впилась немигающими глазами в его — и резко рассмеялась.

— Все дело в этом? Вы думаете именно так? — Откинув голову, она закатила глаза к гладкому звукопоглощающему потолку. — Та старая штука!

В первый раз с тех пор, как они оказались вдвоем в гостиной, Карденас пришел в замешательство.

— Ты хочешь сказать, что его организация не пытается создать такое устройство с твоей помощью?

— О, план-то такой есть, спору нет! — Он увидел, что она не сознавала истинного источника начинавшей проскальзывать в ее голосе истерии. — Сегуро, план есть. Но и только. Чтобы построить хотя бы модели, нужно оборудование, какое стоит в Ливерморе, или Сандии, или Эльпасо-Хуаресе[57]. Все это дело лишь уйма якка, и базарвисы, и гордо лордо[58] инженеров и техов, которых отец держит на жаловании. — Она разве только не шипела. — А я жалованья не получала, потому что я его дочь, и мне полагалось просто помогать. По доброте душевной и из уважения к отцу. Уважения! Мерзкие старикашки, почти все они. И одна мерзкая старушонка. Я их всех ненавижу!

— Успокойся, — сказал ей Карденас. — Тебе никогда больше не придется видеть их. Никогда. Я тебе обещаю.

— Вы? — Она окинула инспектора медленным взглядом с ног до головы, оценивая его характер, и он явно не произвел на нее впечатления. — Да вы просто тупой старый федоко. Вы отвезете меня назад и передадите Службе Защиты Детей или чему-то в этом роде, и займетесь следующим делом. Мок меня вернет меньше чем за месяц.

— Нет, не вернет, — медленно покачал головой Карденас. — Мы собираемся включить тебя в Защиту Свидетелей. Ты и рядом не увидишь обычных сотрудников СЗД. У тебя наступит новая жизнь. Гарантирую. Отец даже найти тебя не сможет, несмотря на весь кранч, какой ему удастся купить. Мне жаль, что все пошло так. Ты не заслуживаешь того, чтобы твою жизнь выворачивали наизнанку, когда она едва только началась.

— Откуда вы знаете, чего я заслуживаю? — открыто бросила вызов она. — Может, я скверная девчонка, достойная дочка своего папеньки. Может, я этого заслуживаю. — Она обмякла, осев на подушки. — Может быть, мне следует просто вернуться к нему и делать то, чего он от меня хочет.

Карденас подался вперед так резко, что поразил ее.

— Не говори этого! Не д у м а й такого. Ты человек и личность, со своей собственной жизнью которая только-только началась. И она может быть хорошей жизнью. Ты не фелеон. Не «скверная девчонка». Я знаю. Это я умею определять.

— Да? — Так и капавший с ее языка сарказм приводил в

замешательство своей взрослостью.

— Я интуит, Катла, — понимающе улыбнулся он. — Ты знаешь, что это означает?

Она чуть расширила глаза и посмотрела на него немного иначе, как смотрели столь многие люди, узнавая эту особенную и значительную правду.

— Правда? В самом деле? — Он кивнул. — Никогда раньше не встречала интуита. Разумеется, я знаю, что это такое. Вы действительно можете прочесть мысли людей?

— Нет, — устало вздохнул он. — Это всего лишь уличный миф. Зато могу посмотреть на человека, изучить его, поговорить и сказать о нем немного больше, чем способен другой. Делая это здесь, сейчас, с тобой, я могу определить, что ты не дурной человек. Ты заслуживаешь жизни, какой была лишена до этой поры, и определенно не заслуживаешь вынужденного возвращения к отцу.

Она вцепилась в его слова, словно застрявший под водой аквалангист, которому дали еще один баллон с воздухом.

— Вы действительно думаете, что сможете спрятать меня от него?

— У СФП есть ресурсы, о которых не знают даже те, кто на нее работает, — кивнул он. — Но чтобы воспользоваться ими, ты должна вернуться со мной и моим напарником в Штаты. Вернуться на Полосу.

Она понимающе кивнула.

— По крайней мере, я смогу наверстать упущенное, посмотрев те виты, которых здесь не увидишь. И порыться в настоящем ящике. А может, и повидаться с некоторыми из друзей.

Карденас не собирался ей лгать. Если она поймает его хоть на одной лжи, то навсегда перестанет доверять ему, он это чувствовал.

— Насчет этого не знаю. Надо будет посмотреть. Значит, ты вернешься с нами?

— А что мне еще делать? — пожала плечами она. — Остаться здесь я не могу. Никак не могу без — без…

Это постоянно нарастало с той секунды, как она присела на кушетку. И теперь полились слезы, частые и обильные, сопровождаемые глухими тяжелыми рыданиями. Он позволил ей упасть к себе в объятия и прижал к своей груди так же крепко и надежно, как привлек бы родную дочь, если б она у него была. Отчаянно вцепившиеся в него руки девочки были удивительно сильными.

«Что сказать ей, чтобы помочь перестать плакать?» — гадал

он после того, как прошло несколько бесконечных минут неудержимых рыданий. Что-то, направляющее ее мысли в иное русло, способное заставить ее сфокусировать свое внимание на чем-то другом.

Он мягко освободился от ее рук, хотя остался в пределах досягаемости.

— Объясни мне кое-что, Катла. Если механизм квантовой кражи не более, чем болтовня и теория, то почему отец так стремится вернуть тебя?

Вытирая глаза тыльной стороной обеих рук, она несколько раз шмыгнула носом и попыталась переключить внимание на неожиданно сочувствующего старикана. И вдруг внезапно улыбнулась.

— Извините. Я… — Девочка ткнула пальцем, и почти показалось, что она может рассмеяться. Почти. — Я насквозь промочила вам усы.

Подняв руку, Карденас пощупал свой вислый ус. Тот пропитался ее слезами и… другими жидкостями. Выражение отвращения, в котором сморщилось его лицо, было отчасти искренним, отчасти рассчитанным. К его удовлетворению, оно спровоцировало желанную реакцию. Улыбка ее расширилась, и она продолжила вытирать глаза.

— Вы действительно не знаете, да? Разве мама не рассказала вам?

— Действительно не знаю, — признался он, подняв край рубашки, приоткрывая слегка волосатый живот и пытаясь вытереть лицо тканью.

— Я не просто техант, а еще и мнемоник. Отец, Мок, никому другому не доверяет. Никогда никому не позволяет сблизиться с ним. Даже маме не позволял. Но мне… — Голос ее грозил снова сорваться, надломленный воспоминаниями о покорном несчастливом детстве.

Говоря едва ли громче, чем успокаивающим шепотом, Карденас мягко побудил ее продолжать.

— Неважно в чем дело, Катла. Я пойму. — Протянув руку вперед, он осторожно приподнял указательным пальцем ее подбородок. — Посмотри на меня. — Ее темные, слишком рано повзрослевшие глаза снова встретились с ним взглядом. — Ты ведь знаешь, что я пойму, не правда ли? — Никакого кивка в знак молчаливого согласия не последовало, но она вновь обрела голос.

— Отец… Мок хочет вернуть меня, потому что… — Она уставилась в пространство, глядя то в одну, то в другую сторону. — Он называет меня своей «маленькой кудрявой моллисферой».

Карденас моргнул.

— Не уверен, что понял. Ты запоминала для него какие-то вещи?

Теперь она кивнула-таки, взмахнув черными волосами при энергичном движении головы.

— Не просто некоторые вещи. Все.

Услышанное ошеломило инспектора.

— Под словом «все» ты имеешь в виду?..

Сидящая с серьезным лицом девочка коснулась пальцем лба.

— Весь его бизнес прямо здесь. Я знаю, что не понимаю всего. Может, оно и к лучшему. Но все, что мне сказали или показали, я храню в памяти. Имена, места, люди, сделки, время, даты, цифры. Много-премного цифр. В основном касающиеся денег, но также и иных вещей.

— Сделки, — пробормотал себе под нос Карденас. — Какого рода сделки?

— Не могу сказать, — покачала головой она. — Отец говорил, что если я кому-нибудь скажу, то это сделает меня соучастницей в том, о чем расскажу.

— Катла, — прошептал ей Карденас самым серьезным тоном, какой только мог выдать, — ты двенадцатилетняя девочка. У тебя только что убили мать. Ты не сделала ничего дурного и виновата лишь в одном — у тебя оказался не тот отец. Клянусь, ничто рассказанное мне не сделает тебя соучастницей ни в чем. Ты лишь запоминала разные вещи. Факты и цифры. Как книга или молли. Разве может книга быть соучастницей?

Девочка заколебалась.

— Полагаю, не может. Думаю, нет. — Лицо ее приобрело слегка мечтательное, отстраненное выражение, когда она принялась рассказывать, без всякого порядка, о куче тех «сделок», которые ее вынудили занести в память.

По мере того, как инспектор слушал ее воспоминания, волосы у него на голове вставали дыбом. Старательно сохраняя на лице нейтральное выражение, он выслушивал отчет об ужасах и правонарушениях, которые заставили бы обычного ребенка двенадцати лет дрожать от страха. Катла же, казалось, не была ни в малейшей мере обеспокоена. И это заставляло его гадать, много ли из изложенного она действительно понимала.

В конечном итоге, она вернулась оттуда, куда перенеслась, явно ничуть не пострадав от самонаведенного транса.

— Этого достаточно? Рассказать еще? — Она могла с таким же успехом описывать содержание любимых вит-шоу прошлой недели.

— Нет, Катла. Все отлично. Скажи, ты знаешь, что такое

«мероин»? — Она покачала головой. — А как насчет «семидесятого калиберона»?

Она наморщила нос.

— Думаю, что первое — какое-то лекарство. А другое, наверное, какая-то машина?

— Это имеет отношение к определенному типу пистолета, — уведомил он ее, ничего не утаивая. — А первое… Не важно. — Она не переспросила его, а он предпочел не возвращаться к обсуждению.

Не удивительно, что Мок так отчаянно стремился восстановить свою опеку над дочерью. Лучше любого спиннера, или голком-контроллера, или пара-сайта, она была ходячей говорящей дышащей граммой. Той, которую он мог вызвать в любое время, чтобы подтвердить детали деловой операции, или привести статистику, относящуюся к предыдущей сделке, или выдать историю и личные характеристики друга, врага или случайного торгового партнера. В своем невинном, доподростковом мозгу она носила детали всего его незаконного бизнеса. «Каким преимуществом была бы такая информация для какого-нибудь конкурента!» — сообразил инспектор. Теперь он получил объяснение внезапной живой заинтересованности в девочке, проявленной такими, как инзини и озерники.

В отличие от ящика или молли, к ней не могли подступиться никакие хакеры, не существовало никаких электронных или дистанционных средств доступа к хранившейся у нее в памяти информации. Двенадцатилетнюю «кудрявую моллисферу» Мока не могли испортить с помощью вируса или скопировать с помощью сканера. Ее даже нельзя было заставить свидетельствовать против него в суде как члена семьи.

Но это не означало, что она не стала бы этого делать. Любые остатки дружеских чувств, какие она могла испытывать к отцу, вероятно, погибли с насильственной смертью ее матери.

— Я не хотела этого делать, — говорила между тем она. — Сперва это было довольно забавно. Вроде как пофасонить, доказать, что я это могу. А потом мне это надоело. Но папа все настаивал. Поэтому я продолжала этим заниматься. Для меня это не составляло труда. Когда я стала старше и начала понимать кое-что из того, что он велел мне запомнить — не такие слова, о которых вы недавно меня спрашивали, а другие вещи, — то сообразила, что они связаны с очень скверными делами, муй мало. Но отец, он… — Она помолчала, беря себя в руки. — Не важно. Мне не нравится об этом думать.

Он заставил меня продолжать заниматься этим. Заставил! Маме я не рассказывала. Думала, если она не будет об этом знать,

то отец ничего ей не сделает. Когда она меня спрашивала, чем я занимаюсь с ним и его друзьями, я ей врала, говорила, будто это связано с проектом квантовой кражи. А потом она пришла ко мне однажды ночью, очень поздно, когда я уже спала, и велела мне проснуться и одеться. Я не понимала, что происходит, пока не села с мамой в машину и не увидела мистера Бруммеля. Мы уехали. Сбежали. — Она опустила взгляд на сжатые руки. — Но от Мока нельзя убежать. Именно это постоянно твердил мне отец. «От Мока никому не убежать». И он был прав, прав, и теперь мамы больше нет, а я одна, и что мне теперь делать? — Когда она уткнулась лицом в ладони, слезы полились вновь. — Куда мне теперь деваться? У меня никого нет.

— Ни дядей, ни теть, ни кузенов?

— Если они у меня есть, — произнесла она сквозь рыдания, — то я не знаю ни как их зовут, ни где они живут. Мама никогда не упоминала мне ни о каких родственниках. Может быть, она не хотела, чтобы я говорила с ними, так как это могло доставить им неприятности. От Мока.

Поднявшись с кушетки, Карденас пересел к ней. Когда сильная рука обняла ее за плечи, она позволила себе прильнуть к нему. С виду она ничуть не походила на человека, держащего в голове всю историю и анналы всемирного преступного синдиката.

Он подождал, пока она не успокоится, дав выплакаться ему в жилетку. Затем он выпрямился, крепко взял ее за плечи и посмотрел в глаза.

— Ты будешь в безопасности, Катла. В безопасности, и окружена заботой. Я сам позабочусь об этом. Ты сможешь начать новую жизнь, с новыми друзьями, в ином месте. И в конечном итоге ты вырастешь, заживешь нормальной жизнью и сможешь многое позабыть.

Все еще тяжело дыша, она безразлично пожала плечами.

— Может, вы и правду говорите. Может, именно так все и будет. Не знаю. Это не имеет значения. Мамы больше нет, так что это не имеет значения. Мне… мне хотелось бы вам верить, мистер Карденас.

Он улыбнулся и уселся чуть прямее.

— Я же тебе сказал: зови меня Анхелем. Или произноси мое имя на английский лад, Энджел[59], если тебе так больше нравится.

Она невольно улыбнулась.

— Что бы ни произошло, забыть я не смогу. Я не в состоянии ничего забыть. Мне никогда не удавалось. Я не умею.

— Эй, вы, — раздался голос у них за спиной. — Как там все идет?

Карденас оглянулся на озабоченного сержанта.

— Справляемся, Фредозо. Думаю, скоро закончим. — Рослый федерал кивнул и закрыл дверь.

— Кто это? — Катла посмотрела через плечо инспектора. — Ваш друг?

— Мой напарник. Сержант Фредозо Хаяки. Он хороший человек. Когда мы вернемся на Полосу, я поручу ему отвезти тебя, чтобы встретиться с людьми, которые помогут тебе начать новую жизнь. — Он вопросительно посмотрел на нее. — Если ты не будешь против.

— А почему этим не можете заняться вы, мистер… Анхель? Вы сказали, что лично позаботитесь обо мне. Мне думается, что я смогу полюбить вас.

Этого было достаточно. С груди Карденаса словно сняли тяжкий груз.

— Я буду там, буду с тобой каждый миг, какой смогу выкроить. Но так как я инспектор СФП, есть и другие дела, с которыми никому не справиться кроме меня. Я буду навещать тебя как можно чаще. А когда не смогу, за тобой приглядит мистер Хаяки. — Он ободряюще улыбнулся. — Фредозо тебе понравится. Он всем нравится. Это просто большой плюшевый медведь.

Настроение ее впервые чуть поднялось.

— Мне он напоминает Соронга.

Карденас подавил смех.

— Ну, теперь, когда ты упомянула об этом, мне и самому начинает так казаться. Обязательно говори ему об этом, при всяком удобном случае. Думай о нем, как о своем защитнике. Все что тебе понадобится, можешь попросить у него. — Он поднялся с кушетки. — Ты отправишься с нами, Катла? Позволишь нам помочь тебе?

— Почему бы и нет? — Встав, она почти не уступала ему в росте. — Я уже сказала, что мне здесь нечего больше делать. Меня тут ничто не удерживает. Так что я вполне могу отправиться с вами. — Ее тон, выражение лица и даже поза так и излучали ненависть и вражду. — Да все что угодно лучше, чем возвращаться к папочке и его лепero друзьям.

Успокаивающе положив ей руку на плечи, Карденас повел ее к дверям.

— Ты хотела бы увезти что-нибудь с собой?

Она резко покачала головой.

— Я ничего не хочу отсюда брать. Не хочу вообще вспоминать это место.

— Ни одежды, ни личных вещей, ничего? — перечислил он.

Она посмотрела на него.

— Если у СФП есть деньги на то, чтобы позволить мне начать жизнь заново, то, возможно, она сможет купить мне какую-то новую одежду? — Она проявляла признаки возвращения к жизни. — Я помню кое-какие туфли, которые видела еще в Ольмеке. Черные, с порхающими каблуками. Конечно в Ольмек мне, полагаю, вернуться нельзя, но…

— На Полосе полно магазинов, — похлопал он ее по плечу. — Даже я знаю, что девушка не может купить туфли по ящику; их же надо примерить.

Она кивнула. На ее лицо возвращался румянец.

— Если есть нужный сканер, можно сделать и вирт-примерку, но это не скажет, каково будет ходить в них. Для этого пока нет сима.

— Ты же техант. Может, тебе удастся такой изобрести.

— Было б забавно поработать с туфлями. Понимаете, если есть всего лишь небольшая активируемая чувствительная платформа, которую можно соединить с виртом, и суметь вычислить алгоритм, который позволит тебе компенсировать различия в массе клиента, то можно…

Слушая ее бессвязный хаотичный монолог о женской обуви, чувствительных к давлению спиралях и анализаторах распределения массы тела, он все более осознавал, какую замечательную будущую молодую женщину им предстоит сопровождать обратно в Ногалес. Дай ей немного подрасти, дай немного мира и покоя, подобающее образование, и перед ней раскроется великолепное будущее. Новая личность защитит ее от таких, как инзини и озерники. Требовалось лишь гарантировать, что она не станет снова молли Мока. А лучшим способом достичь этого было удаление ее из уравнения индивида, который отчаянно хотел ее вернуть.

Как только они окажутся в безопасности на Полосе, преисполненный решимости Анхель Карденас собирался, как и обещал Катле Моккеркин, лично позаботиться об этом деле.

14

Это означало массу звонков с просьбой об услуге. Означало необходимость много часов манипулировать как частным, так и департаментским кранчем, таращиться на вит-экран, пока глаза, казалось, не начинали самостоятельно вращаться у него в голове. Когда ему удавалось выкроить время, он навещал Катлу Моккеркин. По каким-то не вполне понятным причинам, его присутствие успокаивало ее куда лучше, чем это получалось у Хаяки и представителей Службы Защиты Детей при СФП. Но он ничуть не возражал. Проводить время с этой не по летам развитой вдумчивой девочкой было одинаково приятно им обоим.

Так как конструирование для Катлы совершенно новой личности, способной выдержать самые тщательные поиски, требовало времени даже для специалистов из СФП, ее поместили в расположенной в районе Ногалеса резиденции, находящейся под круглосуточной охраной. Поскольку она согласилась помочь им найти улики против отца, необходимость гарантировать ее безопасность была больше, чем когда-либо. Учитывая это, ее среду обитания старались сделать все же как можно более будничной. Памятуя о ее прошлом и о том, через что ей уже пришлось пройти, все, от федералов до психунов соглашались, что чем более заурядным будет непосредственное окружение девочки, тем лучше будет для ее здоровья и благополучия. Поэтому, когда она иной раз выбиралась на одобренные экскурсии, обычно в развлекательный центр или торговую галерею поглубже на Полосе, то ее сопровождал только один сотрудник службы защиты. В то время как Хаяки выписывал петли, следуя за этой парой, двое-четверо других переодетых федералов топали следом за ними, бдительно высматривая все неожиданное, необычное и потенциально опасное.

Ничего не происходило. По просьбе озабоченной охраны, Катла с удовольствием перекрасила волосы и изменила прическу, став также пользовалась другой косметикой с целью выглядеть старше и надевая специальную обувь, делавшую ее выше ростом. Но она категорически отказывалась надевать особый набрюшник, даже для простых прогулок. Услышав об этом, Карденас улыбнулся. Можно сколько угодно менять внешность девушки, покуда та считает, что это делает ее более привлекательной. А вот такой вариант, как наложение слоя искусственного жира, начисто исключался.

Как и любой, находящимся в подобном положении, Мок не имел склонности задерживаться подолгу в каком-то одном месте.

Владея множеством тщательно подготовленных резиденций как в Севамерике, так и за границей, он часто переезжал с места на место. Делалось это как для присмотра за своими предприятиями, так и с целью помешать соперникам и блюстителям порядка успеть сфокусироваться на его деятельности.

Прошло почти три недели после возвращения двух федералов с надежно опекаемой ими Катлой Моккеркин из глубин тропического леса ЦАФ, когда сидевшему у себя в закутке Карденасу пришло сообщение, что Исследовательский Отдел точно определил место, которое его сотрудники сочли самым сердцем противозаконных владений Мока. С нетерпением изучая информацию, парившую в туннеле ящика над столом, он лишь слегка удивился увидев, что центр паутины располагался не на одном из моковых изолированных аванпостов в Турции и Кайкосе, или на Кубе, или Эспаньоле, или в Нуэва-Йорке, а на самой Полосе. Старая поговорка о спрятанном у всех на виду снова оказалась верна.

Покуда Мок вамосил по свету, оперативный центр его операций оставался в самой середине его владений. Хотя никто не мог сказать наверняка, находится ли в настоящее время сам Клеатор Моккеркин в своем нервном центре, анализ передвижений этого субъекта указывал, что, судя по его истории, тот, вероятно, будет пребывать в указанном месте два месяца.

Карденас спешно сверился с календарем. У него оставалось десять дней.

— Не думаю, что это хорошая мысль.

Пэнгборн стоял, придерживая одной рукой дверцу патрульного автомобиля. Вокруг них бурлил деятельностью гараж Ногалесского Центрального. Выли въезжающие и выезжающие патрульные машины, сновали взад-вперед машины спецобслуживания, эхом отражались от подвальных стен крики федералов и вспомогательного персонала, да порой общий гам перекрывали, а потом снова тонули в нем ругательства и вспышки волнения. Шум внутри, как и на самой Полосе, не прекращался круглые сутки.

Не застав капитана в кабинете, Карденас отследил его до подземного гаража. Сталкиваться с ним, когда тот собирался домой, было, вероятно, не лучшим способом добиться разрешения на задуманное инспектором. Но он не желал терять ни минуты.

— Я очень тщательно все продумал.

— Ты всегда все так продумываешь, Анхель, — закатил глаза

Пэнгборн. — Но в данном случае меня волнует не это. Даже ты не можешь просто зайти в подобное место и попросить о встрече с боссом.

— Да не хочу я с ним встречаться. Я хочу арестовать его и привезти в участок.

— А, ну в таком случае, — отозвался с грубоватым сарказмом Пэнгборн, — это куда как облегчит дело! Это разом снимает все мои заботы. — Он пристально посмотрел на своего друга и подчиненного. — Я не хочу потерять тебя, Анхель. Ты самый лучший интуит, какого я когда-либо видел. А также замечательный партнер для игры в покер.

— Мне через несколько лет на пенсию, так что ты в любом случае потеряешь меня, вердад? — Он улыбнулся очаровывающей улыбкой, подымая кончики замечательных усов вместе со щеками.

— Я предпочел бы не отправлять тебя на пенсию в связи с полной потерей трудоспособности. Или из-за чего-нибудь похуже. — Пэнгборн мог уклониться от разговора, скользнув на водительское сиденье патрульной машины и закрыв за собой дверцу. И то, что он этого не сделал, было знаком уважения, которое он питал к инспектору — а также того, что он колебался. Карденас это чувствовал — само собой.

— Пока этого каброна не закатали куда-нибудь подальше, его дочь никогда не будет в полной безопасности. Чего б там ни утверждала и ни делала Защита Свидетелей. Кроме того, — привел довод он, — даже если бы речь не шла о будущем невинной двенадцатилетней девочки, этого хомбера все равно следует изъять из обращения.

Пэнгборн разрывался на части. Посадить за решетку такого, как Мок, ничуть не повредило бы его послужному списку.

— По крайней мере, возьми с собой Хаяки.

— Это придется проделать соло, — покачал головой Карденас. — Если я отправлюсь с отрядом, то даже если ребята в нем привычны работать в штатском, слишком велик риск, что их узнают. Такие личности, как Моккеркин всегда настораживаются, когда в их район прибывают необычные лица. Вот потому-то умные ребята и не живут в деловых густонаселенных районах. Слишком большой наплыв народа. Что же касается Фредозо, то он один величиной с целый отряд, и привлекает еще больше внимания. А вот я способен слиться с окружением. Я всегда умел это делать. Кроме того, я обычно могу определить…

— Как прореагируют окружающие тебя люди; да, да, знаю. — Пэнгборн пожевал нижнюю губу. — Ты можешь и не застать его. Исследовательский Отдел мог ошибиться, и он, возможно, ловит

рыбу на Багамах или когерит где-то свою текущую позку.

Карденас красноречиво пожал плечами.

— Тогда я его не застану. Знаю, возможно и такое. Но мне хотелось бы попробовать. Ради девочки.

Шеф сдался.

— Знаю, что с тобой бесполезно спорить. Ты всегда можешь предвидеть все мои доводы. Это не значит, — добавил он строго (и больше для вида), — что я не могу приказать тебе не идти на операцию.

— Тогда мне можно затребовать транспорт?

— Полагаю. А то ведь знаю, придется иначе следующие десять дней слушать тебя, а здесь и без того хватает суматохи. Езжай, езжай. Катись отсюда. — Он неуверенно махнул рукой и занял наконец сиденье в своей машине. — Отправляйся в еще одну экспедицию, трать деньги Департамента. Все равно я вижусь с тобой, только когда тебе что-то нужно. — Положив ладонь на ручку дверцы, он поднял взгляд на глядящего на него удовлетворенного старшего полицейского. — А где, собственно, расположен этот преступный командный центр? Ты сказал, что он на Полосе.

— В Масматаморосе, — кивнул Карденас.

— Едва-едва в пределах нашей юрисдикции, — крякнул капитан. — Слишком далеко для трубы. Воспользуйся авиарейсом. Он прямо в Масмате?

— Не совсем. По словам выследивших его спецов, он на самом краю восточного конца, на воде. На искусственном архипелаге, который построили еще в тридцатые напротив берега Южного Падре.

— Это имеет смысл, — задумчиво кивнул Пэнгборн. — Легко заметить непрошеных гостей, два десятка путей бегства в случае нападения. Я как-то читал о нем. Сам там никогда не бывал.

— Вот потому я и должен отправиться туда один, — сказал ему Карденас.

— Хотел бы я сказать, что ты сумасшедший, да только знаю, что это не так. Об этом сказано в твоем личном деле. Береги себя, Анхель. Я хочу сам провозгласить все лучшие тосты, когда ты будешь уходить на пенсию. Если в итоге не уйду раньше тебя.

Карденас отступил, и Пэнгборн закрыл дверцу патрульной машины. Мощный гидроэлектромотор загудел, оживая, и машина плавно соскользнула с зарядной люльки. Инспектор глядел ей вслед, пока она не свернула и не исчезла в машинном водовороте гаража. А затем круто повернулся и направился к ближайшему лифту.

Второй раз за два месяца ему пришлось заказывать билет на

шатл.

Пока корабль снижался над Масматаморосом, ему еле-еле удалось различить сквозь покрывающую все дымку обширную торгово-промышленную застройку, которая покрывала плавный изгиб побережья Севамерики, словно бурые водоросли на зачерствевшей тортилье. Строгие меры по охране окружающей среды предотвращали выброс в атмосферу худших загрязнителей и токсинов, но не могли полностью ликвидировать промышленные отходы. Только умерили.

Обзор-то, черт возьми, безусловно поумерили, разочарованно размышлял он. Но это не имело значения. Он здесь не в отпуске.

Масмата была концом Полосы, крайней точкой, последней остановкой на линии индукционной трубы, тянувшейся через весь континент до отдаленной Санхуаны. За ее пределами расстилался уже зеленовато-голубой Мексиканский залив. А в промежутке находился лишь огромный Порт-Изабель, чья углубленная и искусственно поддерживаемая в таком виде гавань соединяла этот самый восточный конец Полосы с остальной Севамерикой и миром.

Международный аэропорт Сиснерос был сооружен в изрядном отдалении от побережья, на севере основного коммерческого пояса и вдали от любой угрозы штормовой волны. Автомобиль быстрофазной индукции отвез его от аэровокзала прямо в центр Масматы, откуда он отправился на местном транспорте в Порт-Изабель. Покамест он не беспокоился о том, как бы его не заметили, и без труда сливался с толпами. Вот за пределами Порт-Изабеля, вне торгового центра Полосы, ему придется быть поосторожней.

Узкая песчаная коса, тянувшаяся на десятки миль на север в Техас и на юг вдоль побережья Тамаулипаса состояла, если судить по карте, из островов Северный и Южный Падре, а также тех, которые ограничивали большую лагуну Мадре с юга. На самом же деле эти полужидкие поднятия дна залива представляли собой беспрестанно меняющийся лабиринт из неустойчивого песка и ила. Они были неоценимым даром природы в качестве преграды от гонимых ураганами волн. Охраняемые более ста лет в качестве пристанищ для отдыха и заповедников дикой природы, они могли похвалиться очень редкой коммерческой застройкой, за исключением самых северных и южных оконечностей.

Взрывная экспансия Полосы Монтесумы от Санхуаны на Тихоокеанском побережье и на восток вдоль старой границы между США и Мексикой, а затем на юг от Рио-Гранде дошла до

своего предела в Масматаморосе и в Порт-Изабеле. Истощив несколько десятков лет назад все доступные для застройки места на побережье близ Порта, многочисленные и нетерпеливые коммерческие круги объединились, лоббировали и в конечном итоге добились разрешения на строительство не на защищенном законами острове Южный Падре, а позади него.

В дно вогнали тысячи не поддающихся коррозии композитных свай и поставили стабилизируемые компьютером платформы. За песчаной косой поднялись одно за другим плавающие или фиксированные строения. Прямо за самим островом выросли дома и кодо от умеренно до очень дорогих, дающие своим обитателям доступ к водным путям Саут-Бея, Байя-Гранде и Мексиканского залива. За переживающим бурный рост жилым районом позволили расцвести торговой и экологически безопасной промышленной застройке. Позади нее ближе к материку проходил каботажный водный путь, оживленный более чем когда-либо благодаря перевозкам на север продукции макиладор Полосы. Такая организация дела устраивала всех, кроме «зеленых». Но и те давно оставили попытки спасти что-либо, за исключением изолированных осколков первоначальной биосферы Полосы и перенесли свою борьбу в края с более восприимчивой обстановкой.

Обе бухты, устье Рио-Гранде и плотная застройка в регионе, известном под вольным названием Западный Падре, обслуживались колоритным набором больших паромов и маленьких водных такси. Холеные, высокоскоростные личные суда на подводных крыльях пересекали пути менее быстроходных, но более маневренных амфибий на воздушной подушке и древних моторных катеров. Посреди этого вдохновенного судового хаоса с невероятным апломбом туда-сюда крейсировали кажущиеся самоубийцами владельцы прогулочных парусных яхт. А над всеми ними высились громадные туши грузовых и транспортных судов, плавающих под флагами десятка государств.

Посреди этого соленого южно-техасского варева Карденас дружески болтал с водителем своего катера на воздушной подушке и пытался не обращать внимания на тот судовой бедлам, сквозь который они в настоящее время продвигались, постоянно петляя. Инспектор никогда особо не увлекался морскими прогулками. Чем раньше взятое напрокат суденышко пристанет к Западному Падре #4, тем лучше для него. Он попытался скрыть свои чувства от водителя катера, чтобы у того не пробудилось любопытства в отношении одинокого путешественника среднего возраста, который, несмотря на затаенный страх перед водой, тем не менее собирался провести свой отпуск в плавучем отеле.

По этой же причине он изо всех сил постарался не демонстрировать чувство облегчения, когда катер плавно поднялся по причальному пандусу и свернул на пролетную улицу. Втискиваясь на свободное место в потоке местных водных машин, водитель заехал в подъездную ячейку избранной его пассажиром гостиницы. Карденас выбрал это жилище по буклету, ориентируясь на совершенно обыденные и все же достаточные удобства — и из-за близости к тому, что по утверждению Исследовательского Отдела, являлось центром империи Мока на Полосе.

Из его номера открывался вид на ряд опрятных, но неопределенного вида кодо, которые занимали следующую к западу полосу искусственной территории. За ними, отделенные от туристического и жилого пояса водным протоком, располагались первые торговые и промышленные строения. Со своего балкона на третьем этаже инспектор не мог видеть здания где, если повезет, трудился в настоящее время Клеатор Моккеркин. Мок несомненно узнал об убийстве обманувшей его жены вскоре после совершения. И все последующие дни вплоть до нынешнего Моккер, несомненно, пребывал в пароксизме досады из-за отсутствия сведений о месте, где находилась его дочь — его «маленькая кудрявая моллисфера», поправился Карденас. Та же надменная уверенность, которая натолкнула Мока на вверение истории и архивов всех его незаконных предприятий замечательному мозгу своей необыкновенной дочери теперь, должно быть, причиняла ему невыносимый дискомфорт.

Хорошо, подумал Карденас. Он вспомнил почти обезглавленное тело Сурци Моккеркин. Пусть этот леперо помучается, пока Карденас не сможет задержать его по подозрению в найме убийц. Инспектор полагался на свое знание личностей такого типа, как Мок, которое позволит ему произвести арест. Мужчины и женщины вроде Моккеркина всегда пребывали настороже, ожидая нападения конкурентов или тяжеловооруженных блюстителей порядка. Но Моккеркин не может ожидать одного человека, да притом физически невзрачного. Обычно репутации человека, безжалостно разбирающегося со всяким, кто лез в его дела, вероятно, хватало, чтобы одинокие оперативники держались от него подальше.

Новенький спиннер, содержащий почти всю информацию, которая хранилась в его предшественнике лежал в чехле за пазухой Карденаса. Потребовалось меньше пяти минут на отгрузку нужных файлов из центрального хранилища СФП и полдня для оформления их в соответствии с личными требованиями владельца. В кармане брюк лежал голком. Под

правой штаниной к голени был пристегнут прозрачный фликер. Заряженный мощными быстродействующими нарколептическими ампулами, он мог одним выстрелом завалить любого индивида и держать его парализованным до шести часов без ущерба для здоровья. Он и обойма из четырех шприцев были изготовлены целиком из прочного нейтрального пластика и композитов, делавшими их невидимыми для металлодетекторов. Квадратный, размером с пачку стимстиков, он не возбудил бы подозрений, если его изображение выдаст на экран ультразвуковой, рентгеновский или магнитно-резонансный сканер.

В другом внутреннем кармане его волнистого темно-бордового плаща хранилось более серьезное устройство. Сделанный из неметаллической и неэлектропроводной керамики, шокер стрелял крошечными заряженными шариками на расстояние в двадцать метров. При контакте шарик мгновенно насыщал цель всей силой аккумулированного электрического заряда. А силы этой хватало, чтобы свалить навзничь даже такого великана, как Хаяки, и удерживать в таком положении около часа. На большем расстоянии ни от того, ни от другого оружия не было большого толку, но он отправлялся на операцию отнюдь не в качестве снайпера. Насколько он мог предвидеть, неизбежные столкновения произойдут в помещениях.

Другое снаряжение лежало в остальных карманах плаща и брюк. Талию под самым краем брюк стягивал тактический мед-пояс, содержавший полдюжины прижатых к коже крошечных прохладных сенсоров. Происходящий от своего чуть более мощного военного эквивалента, этот пояс был его самым ободряющим агрегатом, полевым госпиталем.

Как бы сильно не стремился Карденас встретиться с человеком, о котором столько слышал и читал за последние три недели, чтобы арестовать его, инспектор заставил себя быть терпеливым. Этот затраченный на путешествие день был напряженным, но не особенно длинным. Ему надо было поесть и хорошенько выспаться. Завтра он осуществит хранящееся в сверхоперативной памяти спиннера судебное предписание об аресте. Терпение, как он знал по долгому опыту, спасло жизнь куда большему числу полицейских, чем любая огневая мощь.

Мимо проносились или проплывали высокоскоростные машины службы доставки и весьма вместительные туристические баржи. Они поздоровались с водителем нового нанятого им водного такси на слипе позади отеля. Быстрый взгляд показал, что водительница еще одного стоявшего тут такси не обращала ни малейшего внимания ни на путешественника, ни на своего

более удачливого конкурента. Вместо этого она уткнулась носом в считыватель. По воде дрейфовали тусклые пятна масальсы.

Пусть и не на подводных крыльях и не на воздушной подушке, этот катерок был привлекательным антиком, так же как и его водитель.

— Доброе утро, сэрьор. Куда вас отвезти? — Статный покрытый густым загаром водитель бросил оценивающий взгляд на небо. — Неплохой денек для пляжа. Или вы предпочитаете Ситакеа Парк? Я слышал, что там сейчас мигрирующая стая гринд.

Воспользовавшись поручнем, Карденас осторожно спустился в катер.

— Нет, спасибо. Я здесь по делу. — Он кивнул за корму. — Спасибо, просто за угол.

Разочарованно бормоча что-то себе под нос в досаде на мелочного пассажира, водитель спрыгнул в катер и занял место за пультом управления. Утро выдалось погожее, и он свернул акриловый купол катера. Негромко фырча и подняв волну, катер попятился от слипа, остановился, а затем двинулся в узкий водяной проток.

Движение на противоположной стороне промышленной зоны выглядело куда более оживленным, чем в туристическом поясе, поскольку та выходила на каботажный водный путь и вспомогательный порт Лагуна-Виста в каких-то пятнадцати киломах. Большие пассажирские суда на подводных крыльях, курсирующие вдоль деловитого побережья залива, с ревом неслись на север в сторону Порт-Арансаса, Корпус-Кристи и Галвестона и на юг к Ла-Песке и Тампико. Огромные баржи на воздушной подушке, наполненные сельскохозяйственной и химической продукцией, курсировали по центру водного пути. Прогулочные суда и местный транспорт держались около берегов, стараясь избегать волн, подымаемых более крупными судами. Движение по водному пути, конечно, не сплошным потоком, размышлял Карденас, но все же оживленное, как после полудня в Агуа-При, когда у дневной смены самый разгар работы.

Ночь и туман создали бы более подходящую атмосферу для вторжения. А вместо этого — яркий и резкий дневной свет Южного Техаса, да пятна бледной беловатой дымки по темно-сапфировому небу, походящей на диетический майонез на голубом маисовом хлебе.

Когда они приблизились к адресу, который он дал водителю катерка, Карденас еще раз проверил свое снаряжение. Это ведь был не Ногалес и не Нако. Он здесь действовал переодетым в штатское. Опасаясь возможных утечек, ни он, ни его департамент даже не уведомили власти Масматы или Порт-Изабеля о его

прибытии. И брошенный в голком призыв о помощи не пригонит в два счета тактическую команду на вертушке. Он был предоставлен самому себе.

Такое происходило не в первый раз, и ему, пожалуй, нравилось подобное положение вещей.

Но это нисколько не усмиряло мотыльков, которые в настоящее время трепетали у него внутри. Внешне он выглядел словно путешествующий бизнесмен, готовящийся нанести визит собрату-предпринимателю. Водитель водного такси определенно не почувствовал никакого несоответствия. Высадив своего клиента на невзрачном пассажирском причале, он снял с карточки Карденаса сумму гонорара плюс чаевые и отбыл, ворча на манер таксистов всего мира.

Оставшись один на плавучем причале, инспектор переключил внимание на возвышавшиеся у него за спиной здания. Слишком массивные, чтобы стоять на плотах, они покоились на не боящихся ураганов пилонах, вогнанных глубоко в дно водоема. Фундаменты из укрепленного бетона были залиты в сложную систему переплетающихся тросов из цветных металлов. За исключением помещенных на видном месте логотипов и адресов, эти коммерческие строения мало чем отличались друг от друга.

Цель его путешествия выглядела достаточно невинно: мешанина взаимосвязанных сборных металлических зданий, казавшихся и по отдельности и вкупе ничем не примечательными. Белый, как яичная скорлупа, купол, венчавший самое высокое строение, защищал чувствительные антенны внутри от разрушительного действия погоды, но сам по себе едва ли возбуждал подозрения. Вся прочая коммерческая застройка щеголяла схожими защитными приспособлениями. А многие похвалялись и несколькими, похожими на бородавки из слоновой кости на панцирях спящих черепах.

Не было ни зубчатых стен, ни башен, ни бойниц, предназначенных для того, чтобы бдительные сотрудники службы безопасности поливали беспощадным огнем водный путь и пешеходные дорожки. Строение походило на обыкновенный склад, выкрашенный в зеленый цвет для слияния с естественным и искусственным окружением. На стене красовалось начертанное высокими белыми буквами из промышленного пластика название ТАЙИШ ИМПОРТ И ЭКСПОРТ. На первый взгляд, данное здание ничем не отличалось от десятков других, деливших с ним водный проток.

Простояв на причале минут двадцать, Карденас не увидел никого, кто бы входил в здание или выходил из него. Это не означало, что оно было заброшенным. Те, кто работал в нем,

вполне могли быть заняты делом. Или же тут мог быть подводный вход, вне поля зрения проплывающих мимо судов, равно как и любых патрулирующих властей. Учитывая характер многих аспектов бизнеса Мока, Карденас ожидал чего-то подобного.

Fortuna favet fortibus, часто провозглашал философ Баркс. Стараясь быть готовым ко всему, инспектор направился к ближайшим видимым дверям. Остановившись перед углубленной в стену металлической дверью, которая была столь же непримечательной, как и остальное строение, он нажал на кнопку звонка. Сознавая, что его сканируют, он постарался принять как можно более непринужденный вид.

На звонок никто не ответил. Он попробовал опять, несколько раз, но без толку. То ли в настоящее время никто не наблюдал по монитору за этим входом, то ли наблюдавшие манкировали своими обязанностями. Отступив на несколько шагов, он изучил взглядом подымавшуюся перед ним рифленую зеленую стену. Расположившееся на коньке крыши трио чаек старательно игнорировало его присутствие. Немногие проделанные в глухой стене окна были длинными, узкими и располагались весьма высоко. Недосягаемо высоко.

Стараясь производить впечатление человека заблудившегося, одинокого и безвредного, он принялся обходить здание кругом. Обратная сторона ничем не отличалась от фасада, за исключением того, что выходила она не на открытую воду каботажного водного пути, а на стоящее напротив другое, более крупное промышленное строение, из которого доносилось гудение работающих механизмов. Западный Падре #4 отделяла от Западного Падре #5 узкая полоска воды, подобный переулку канал.

С этой стороны имелась большая подъемная въездная дверь, размеры которой проектировались с расчетом на приличные габариты доставляемых грузов. Четверо рабочих при помощи крана с присосками выгружали с причалившей в канале челночной баржи пару больших упаковочных ящиков. Грубоватый нетерпеливый капитан баржи давал трудившимся на причале рабочим громкие, полезные и не всегда серьезные советы.

Сделав глубокий вдох, Карденас состроил самую деловую мину и подошел к рабочим. Сосредоточенные на выполняемой задаче, те не обратили внимания на неброско одетого незнакомца. Инспектор с миг понаблюдал за их деятельностью, словно заинтересовавшийся турист, прежде чем обратиться к тому, кого он принял за старшего.

— Я ищу вашего босса. У меня спецдоставка из самого Ногалеса.

Ни вопрос, ни утверждение не вызвали у рабочего ни малейшего намека на подозрение. Сосредоточив все внимание на тяжелых ящиках, он ткнул большим пальцем через плечо.

— Внутри. Высокий парень в синей каске.

— Спасибо. — Карденас повернулся и вошел в главное здание. Его никто не остановил.

Он оказался в большом складе, освещенном свисающими с потолка лампами. Ящики и цилиндры аккуратно стояли на четко отмеченных поддонах или хранились в огромных судовых контейнерах. Погрузочные механизмы праздно стояли там, где их оставили, дожидаясь руководства.

Другие рабочие обоих полов занимались шунтеньем товаров или инструктировали роботов для выполнения различных задач. Все помещение пронизывала атмосфера спокойной эффективности. Большая часть сотрудников ходила в отлитых на заказ касках, защищавших головы от падающих предметов.

Карденас проложил себе дорогу к центру деятельности, останавливаясь иногда, чтобы спросить, как пройти, — пока наконец тот, кого он искал, не появился в поле зрения. Ростом этот человек не уступал Хаяки, но выглядел куда менее массивным. Пренебрегая депиляторами, он щеголял густой щетиной на темной коже. Глаза у него были такими же черными, как волосы, а нос — выдающимся. В одной руке он держал небольшой коммерческий спиннер, жестикулируя им при разговоре с двумя рабочими.

Отвернувшись в сторону, Карденас сделал вид, будто внимательно разглядывает близстоящий цилиндр с ярлыком «Скоропортящийся Товар — Молниеносно Засушенные Фрукты» на английском и португальском. Когда происходящий у него за спиной разговор закончился, и двое рабочих ушли, он быстро двинулся к высокому мужчине в синей каске. Одна рука скользнула в карман к шокеру, а указательный палец лег на спусковой крючок.

Темные глаза перевели взгляд на него. На лице высокого человека проявилось любопытство, но не подозрение.

— Да, чем могу помочь?

— У меня спецдоставка из Ногалеса. — Рука его стиснула шокер. — Для Мока.

Черты лица высокого мужчины исказила искренняя озадаченность.

— Для чего?

— Не для чего, а для кого. Для Мока. — Что-то тут не так, понял Карденас. — Для Клеатора Моккеркина.

Явно сбитый с толку, высокий бригадир медленно покачал

головой.

— Никогда о нем не слышал. Я Йогеш Чанай, бригадир дневной смены. Вы уверены, что этот парень здесь работает?

Замешательство бригадира, увидел Карденас, было откровенным и неподдельным. Это понял бы любой компетентный интуит, а инспектор был куда более, чем просто компетентным.

— Тогда мне нужно поговорить с вашим боссом.

— Здесь такого нет, — уведомил его без всякого негодования Чанай. — Днем во главе всего объекта стою я. — Сдвинув на затылок каску, он почесал лоб, обдумывая требование визитера. — Могу дать вам несколько корпоративных адресов в Нуэва-Йорке. Это поможет?

— Нет, этого не требуется. — На мгновение растерявшись, Карденас размышлял над своим следующим шагом. — Мне нужно сделать доставку этому конкретному парню. Мне сказали, что он работает здесь.

— Ну, — отозвался весельчак Чанай, — похоже что кто-то направил вас не туда. — Он начал было поворачиваться, чтобы идти по своим делам, но остановился. — Слушайте, возможно он работает в пристройке.

Карденас постарался выказать не более, чем сдержанный интерес.

— В какой пристройке?

— Внизу. Компания содержит пристройку для обработки данных. Для сбора сведений, исследований, такого рода дел. Ну знаете, пережевывание кранча? Не самое интересное занятие. — Он усмехнулся. — Я сам не большой поклонник сбора статистических данных. Никогда туда не спускался. Не видел почти никого, кто б входил туда или выходил оттуда. Как мне представляется, там все в основном автоматизировано. Как тому и следует быть. Никак не связано со мной и моей бригадой.

Инспектор благодарно кивнул.

— Полагаю, мне следует проверить и спросить.

— Можете попробовать. — Это Чанай сказал не очень-то ободряюще. — Только если там сегодня никого нет, вы не сможете войти.

— Полагаю, мне все равно следует попытаться.

— Идите через вон ту застекленную дверь. Там есть лифт, но без ключа вы не сможете им воспользоваться. Пожарная лестница слева. Нужно спуститься всего на два этажа. Каботажник здесь не так уж глубоко.

— Спасибо, — кивнул Карденас. Направляясь к указанной двери, он несколько раз незаметно оглянулся через плечо. На

лице, как и в позе бригадира не отражалось никаких признаков тревоги или беспокойства. Похоже, он не обращал никакого внимания на передвижения визитера.

Замечания Чаная оказались столь же точными, как и указанное им направление: найденный Карденасом за застекленной дверью лифт не откликался на его требования. Равно как и непрозрачная поликарбонатная преграда, помеченная надписью «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД». Однако электронный замок поддался наконец одному из принесенных им компактных устройств. Спускаясь по лестнице, он прошел через вторую застекленную дверь и спустился по пластиковым ступенькам, стараясь ступать как можно тише. Внизу открылась еще одна дверь, ведущая в темный коридор. Потолочное освещение среагировало на его присутствие и вспыхнуло, озарив проход, тянущийся на восток, к скальной основе Южного Падре. Благодаря невидимым вентиляторам воздух оставался свежим и прохладным.

Осторожно двигаясь вперед, он прошел, наверное, метров тридцать по этому коридору с голыми стенами, мрачно сознавая, что за исключением потолка над головой и пола под ногами кругом нет ничего, кроме тепловатой соленой воды залива. Коридор закончился тупиком с тремя дверями. Держа руку близ шокера, он попробовал сперва открыть ту, что была слева. Дверь отворилась при первом же прикосновении, явив взору уборную с многочисленными кабинками. Вторая вела в кладовую со сваленным в беспорядке конторским оборудованием и запасами. Третья — перед третьей он заколебался. Проведя языком по губам, он наконец нажал на кнопку доступа. Подобно своим предшественникам эта преграда тоже без жалоб сложилась, открываясь внутрь.

Его встретило полдюжины старомодных письменных столов со шкафчиками по обеим сторонам. На столах стояли коммуникаторы и настольные процессоры, а на стенах висели не поддающиеся описанию картины. Одна стена могла похвалиться сносным головитом, походившим на питаемое снегами озеро высоко в Скалистых горах. Синтезированный солнечный свет бликовал на чистой голубой воде, а на прозрачных отмелях плавала виртуальная форель. В противоположном конце помещения тихо гудела троица дорогих стандартных коммерческих трансляторов, которые действенно и безо всякого человеческого контроля обрабатывали данные. Так же, как в уборной и кладовой, люди на рабочем месте отсутствовали.

Он попробовал получить доступ к одному из трансляторов. Система безопасности на нем стояла минимальная, и он

проскользнул почти без усилий. Слишком легко. В нем, похоже, не содержалось ничего, кроме самых банальных списков и архивов, относящихся к бизнесу, которым занимались на складе у него над головой.

Выйдя, он постоял в коридоре и поразмыслил.

Этот филиал не имел смысла — если «Тайиш Импорт и Экспорт» не являлась законным бизнесом, в котором Мок не имел никакой доли. Тогда все усилия, затраченные им самим и сотрудниками Исследовательского Отдела, дали лишь ложную наводку.

Можно было многое говорить об удачных попытках прятаться под самым носом, да только, похоже, здесь ничего и никого не прятали. Кипя от злости, Карденас твердо решил провести самую тщательную инспекцию окружения, какую только мог выполнить любой федерал. Возвращаясь прежним путем, он приблизился к офису. Не найдя ничего порочащего, двинулся дальше в кладовую. Он не знал, сколько времени у него в запасе. Это по большей части зависело от того, вспомнит или не вспомнит своего визитера дружелюбный Йогеш Чанай и додумается ли поручить кому-нибудь проверить, покинул ли тот здание.

Поэтому он работал как можно быстрее, и его депрессия все нарастала. Каждая следующая комната оказывалась такой, какой и казалась. Прежде чем продолжить инспекцию, Карденас остановился, чтобы воспользоваться удобствами уборной. На небольшой служебной двери за последней кабинкой не было даже электронной дверной ручки. Засов поддался приложению силы. По другую сторону двери обнаружился чулан с полками, слева и справа доверху заваленными бумагой, дезинфектантом, мылом и другими чистящими принадлежностями. У одного ряда полок стояла пара древних швабр. Он начал было закрывать дверь, но заколебался. У задней стены полки отсутствовали.

Глупо, размышлял инспектор. Но у него оставалось немного времени, да и в любом случае осмотр уже почти закончен. Он повозился со скрытым под ремнем брюк служебным поясом, пока не нашел сумку с нужным инструментом. Без большого энтузиазма он провел по задней стене «Шлаг-сезамом». Ничего. Достигнув низа, он уже собирался отправить прибор обратно на пояс, когда пара индикаторов внезапно сменила цвет с красного на зеленый. Мигом напружинившись, сузив глаза, он принялся водить инструментом по полу близ основания задней стены. Зеленые огоньки загорелись ярче. Прибор приглушенно забибикал.

Аккуратно положив прибор на пол, он щелкнул парой рычажков на передней панели и отступил на шаг. Прошло

тридцать секунд, после чего прозвучал щелчок. За ним последовало глухое механическое гудение.

Когда он сделал еще один шаг назад, пол провалился, а задняя стена откинулась вверх, открыв взору ярко освещенный пологий пандус, ведущий вниз. Снова положив правую руку на шокер, он двинулся по нему.

15

Хорошо освещенное помещение у основания пандуса выглядело просторным и тщательно распланированным, с низким, но не вызывающим дискомфорта потолком. Плоские стены темно-серого оттенка были лишены одушевленных картин и головита, украшавших офис уровнем выше. Отдельные ящики-узлы «Сува-Шива» мигали огоньками, а пол под ногами был мощеным и прохладным на ощупь. На противоположном конце помещения виднелась обыкновенная дверь, а сбоку от нее — забранная зеркальным стеклом прорезь двухметровой ширины.

Движение. Слева. Выхватив шокер, он резко развернулся и пригнулся — только для того, чтобы расслабиться и провести тыльной стороной ладони по лбу, словно это могло стереть напряжение.

В поле зрения вкатилась пара одинаковых роботов-уборщиков высотой в полметра. Не обращая на него внимания, они принялись подметать и пылесосить вымощенный композитной плиткой пол. Спроектированные для уборки в офисах в разгар работы, они занимались своим делом в сверхъестественной тишине, столь же беззвучные, как пара механических гробовщиков.

С чувством облегчения он начал было выпрямляться, когда что-то другое заставило его обернуться. Что именно, он не мог определить сразу: может, интуиция, или не совсем уместный звук, или намек на тень. Анализировать было некогда. Резко развернувшись, он увидел пикирующий прямо в лицо крылатый силуэт. В последнее мгновенье он бросился в сторону. Спасли инспектора только необыкновенные рефлексы, отточенные десятилетиями службы в полиции, вкупе с полученной им уникальной тренировкой.

Чайка, одна из того флегматичного сидящего на крыше трио, что наблюдало за его высадкой на пассажирском причале, врезалась в пол у его ног, проехала по инерции несколько метров и вмазалась в стену. Обернувшись как раз вовремя, чтобы стать свидетелем этого столкновения, Карденас ожидал услышать, как ломаются кости, и увидеть, как летят перья. А вместо этого во все стороны полетели осколки пластика, металла и матового стекла, когда искусственная Laridae разбилась на множество кусков.

Настороженно поглядывая, нет ли тут еще каких-нибудь нежданных новоприбывших, он подполз на четвереньках, чтобы изучить разрушенный аппарат. Сработали его чудесно, даже творчески. Голова, хотя и резко свернутая набок, в основном

сохранилась, и расположенные за глазными щитками крошечные камеры слежения по-прежнему застыли в положении сканирования. Расколовшийся клюв раскрылся, и поэтому он увидел, что там находилось.

Из груды обломков раздался резкий металлический звук, и он поспешно отдернул руку. Занимавший то место, где у птицы должен находиться язык, растяжимый шприц чуть-чуть не угодил по пальцам.

Поднявшись, он с силой опустил правую ногу на дрожащую голову бывшей птицы и наступил на нее всем весом. Отлитые из тонко сработанного композита распорки и стойки шумно затрещали. Шприц, подобно жалу умирающей осы беспорядочно тыкал, ища тело, в которое мог бы вонзиться. Ногу Карденас убрал, только когда уверился, что устройство окончательно сдохло, и только тогда шприц, почти с кисть руки длиной, перестал пытаться уколоть его.

Тяжело дыша, он настороженно огляделся кругом, переводя взгляд со стен на потолок, с открытой двери позади него, ведшей к входу-уборной, на затемненное стекло на противоположном крае помещения. Атака почти полностью застала его врасплох. Кому нужны охранники-люди? Они бросались в глаза, вызывали подозрение самим своим присутствием, были потенциально подвержены подкупу, да и дороги. А кажущийся покинутым филиал оказался, в конце концов, не таким уж и покинутым.

Располагавшаяся выше компания «Тайиш Импорт и Экспорт» обеспечивала идеальную маскировку. Какое ж лучшее прикрытие центра противозаконных операций, чем законный бизнес, сотрудники которого совершенно искренне не ведали о незаконной деятельности, происходящей прямо у них под ногами? Это было все равно, что заниматься фальшивомонетничеством в банковском подвале.

Его глаза продолжали внимательно осматривать противоположные углы помещения. Птиц было три. Как они, черт возьми, сюда проникли? Ему пришло в голову, что приносившие чистый воздух вентиляторы могли пропускать и еще кое-что. Кое-что запрограммированное находить дорогу по трубам и воздухопроводам. Находить дорогу — и убивать. Просачивающийся сквозь полосу темного стекла тусклый свет намекал на существование еще одной комнаты, доступ в которую давала единственная дверь. В помещении не наблюдалось никаких признаков движения, за исключением роботов-уборщиков. Неужели Мок и его подчиненные занимались своей работой только по ночам? Это в изрядной мере объяснило бы ту пустоту, в которой он оказался. Но это отнюдь не означало, что

Мок оставлял свое главное место работы без присмотра, полагаясь в качестве защиты лишь на обманчивую реальность импортно-экспортного предприятия наверху. Об этом наглядно свидетельствовали лежавшие у его ног все еще потрескивающей грудой разбитые останки погибшего воздушного убийцы.

Стоя посреди помещения, он оставался слишком открытым для ударов. Летающим убийцам предоставлялось много места для маневра. Нужно было найти лучшее укрытие.

Что-то подсказало ему, что не стоит пытаться выйти в коридор, ведущий на поверхность. Ведший в чулан и расположенную за ним уборную короткий пандус будет идеальным местом засады. Да и в любом случае, он пока не хотел уходить.

Постоянно поглядывая на выход, он быстро зашагал к задней двери. И чуть ли не сразу, как только он повернулся спиной к выходу, оттуда пронеслась вторая копия чайки, вынужденная перевернуться на бок, чтобы ее крылья вписались в проем. Карденасу хватило одного взгляда, чтобы заметить полностью вытянутый шприц, нацеленный прямо на него.

Выхватив на бегу из кармана плаща шокер, он выстрелил, но промахнулся. Времени у него хватало лишь еще на один выстрел, прежде чем убийца с пустыми глазами доберется до него. И потому инспектор остановился, резко развернулся и упал на пол. Скользя по полу назад, он как можно лучше прицелился и выстрелил. Искусственная птица разразилась градом искр меньше, чем в метре от лица. Он вскинул свободную руку, отвернулся и почувствовал жар взрыва, когда чайка резко сделала вираж вправо и врезалась в пол позади него.

Тяжело дыша, с шокером в опущенной руке, он поднялся на ноги, чтобы проанализировать повреждения. Трепыхаясь и дергаясь, словно живое существо, искусственная чайка больше минуты источала искры и дым, прежде чем перестала бить своими композитными крыльями и застыла в неподвижности. Он поднял взгляд.

Никаких голосов не прозвенело. Роботы-уборщики продолжали выполнять свои запрограммированные обязанности, как будто ничего не произошло. Один такой уже подметал останки первой чайки. А в остальном помещении царила такая же тишина, как на дне морском, на котором оно и покоилось.

«А где же, — гадал он, осторожно двинувшись опять к задней двери, — третья птица?»

Хотя эта дверь могла похвалиться лишь обыкновенной пластиковой ручкой, без каких-либо видимых систем защиты, она не откликнулась на его попытки открыть ее, потянув на себя. С

напряженным выражением лица, постоянно высматривая настороженным взглядом, нет ли где механических птиц, он сунул шокер в карман и достал компактный инструмент, который ранее применил для доступа к скрытой двери в уборной. Начав с верха двери, точно так же, как делал на задней стене чулана, он принялся медленно и методично водить прибором по двери. На сей раз он не станет пренебрегать проверкой пола.

— Привет, сынок. Что ты тут делаешь?

Перебросив «сезам» из левой руки в правую, Карденас неловко завозился, доставая пистолет, но при виде окликнувшего его слегка расслабился. Тем не менее, держал руку у груди, близ пистолета, делая вид, будто соскребает с плаща невидимую грязь.

У подножия пандуса, ведшего в чулан уборной, стоял старый человек. Слишком старый, мгновенно понял инспектор, чтобы быть Моком. Хотя в век синтоллагенных инъекций, эпидермального нейронного массажа и кожезаменительной терапии было затруднительно с первого взгляда точно определить чей-либо возраст, Карденас был уверен в том, что заставшему его врасплох человеку по меньшей мере семьдесят с лишним, а вполне возможно, и больше.

Инспектор также сильно удивился бы, окажись этот старик весом больше пятидесяти кило. Ростом он сильно уступал Карденасу. Характерные индейские черты сделали более резкими особенности его обветренного лица. Естественная обработка физиономий такого типа начиналась на раннем этапе жизни в маленьких деревнях, рассеянных по всему югу Севамерики. Вместо оружия или средств связи на служебном поясе на талии висели лишь принадлежности туалетного работника. А обе руки сжимали электростатическую метлу.

— Ищу кое-кого, — придумал наконец ответ Карденас.

Старик щелкнул рычажком на метле и принялся работать ей, методично водя туда-сюда в одном углу, иногда останавливаясь, чтобы убрать мешающий ему стул. Праздные ящичные терминалы и занятые роботы-уборщики не обращали на него никакого внимания, как и он на них. Добавляя в воздух бодрящий поток ионов, заряженные волокна метлы бесшумно всасывали пыль и мусор из щелей, трещин и прочих скрытых мест, которые пропускали отличавшиеся узким кругозором роботы-уборщики.

— Здесь никого нет. Давно уж не было. Вы-то, наверно, здешний, иначе не смогли бы найти вход.

Карденас не видел никаких причин развеивать это полезное заблуждение пожилого смотрителя. И снова прибег к той же байке, которую преподнес бригадиру на складе.

— Совершенно верно. У меня спецдоставка из Агуа-При, для

Мока. — И поколебавшись лишь самую малость добавил, просто для полной уверенности. — Вы случайно не Мок, а? Это не какая-то хитрая личина? — Способный в большинстве случаев определить, лжет ему кто-либо или нет, он настороженно ожидал ответа смотрителя.

Тот негромко рассмеялся.

— Я — Мок? С чего это ты взял? Полно, сынок; ты просто смеешься над стариком. — И сверкнул улыбкой, полной искусственных зубов. — Я Родриго. Занимаюсь тут уборкой.

Карденас многозначительно показал на деятельных роботов-уборщиков.

А они чем тогда занимаются?

— Их тоже нужно чистить и ремонтировать. Они мне очень помогают, здешние владельцы кажется хотят, чтоб тут было как можно меньше людей. Но они не так хороши, как люди. Кое-какие места пропускают. — Он неуверенно покачал головой. — Не знаю, почему. Мне не помешала бы кой-какая немеханическая помощь, да и одиноко здесь порой становится. — На лице снова появилась улыбка. — Но платят хорошо. — И с этими словами вернулся к работе.

По-прежнему настороже на случай появления смертоносных летающих механизмов, Карденас прошел обратно к пандусу и посмотрел наверх. На него ничего не налетело, сверху не бросилась в атаку орава каких-нибудь матаро, охранников, ниндзя или еще кого-либо. И в уборной его тоже не поджидали представители инзини, озерников из Оз или любой другой недоброжелательной организации, желающие узнать, как продвигается дело, и, если успешно, остановить его. За исключением занятого уборкой старика и старательных роботов-подметальщиков, он был один в этом святая святых.

— Вы случайно не знаете, — осторожно спросил он, — где я могу найти Мока?

Прекратив подметать, пенсионер оперся на метлу и посмотрел на визитера.

— Полагаю, вы и правда не знаете. Да ясно, не знаете, раз пытаетесь что-то доставить лично ему. Серьор Моккеркин умер три месяца назад. — Старик наморщил лоб, пытаясь вспомнить. — По-моему, три месяца тому. — И пожав плечами продолжил подметать. — А может, и три с половиной.

Стоя в центре подводного командного центра, окруженный онлайновыми пультами и многочисленными ярко горящими датчиками, Карденас уставился на смотрителя, разинув рот. Ответ старика был, мягко говоря, совсем не тем, что он ожидал услышать.

— Что значит умер? Не мог он умереть.

— Все мы когда-нибудь умрем, сэрьор, — отозвался, не прерывая работы Родриго. — Мне об этом сказала миз Ларримор, которая здесь работала. Мистер Моккеркин выходил из торговой галереи «Бразос» в Харлингене, сделав какие-то покупки. С ним шло еще двое сотрудников, когда в них врезался потерявший управление автобус. Мистер Моккеркин и еще один погибли на месте. Другой угодил в госпиталь. — Уборщик почесал редеющие волосы с проседью. — Думаю, он скончался в прошлом месяце, но не уверен.

Мысли Карденаса бешено крутились в голове.

— А мистер Чанай, бригадир на складе наверху, знает об этом?

Смотритель снова пожал плечами.

— Не знаю. Спросите у него. Я никогда не видел, чтоб люди, которые работали здесь внизу, и те, которые работают в импортно-экспортной фирме, общались друг с другом. По-моему, они из разных контор. Но точно не знаю. Я всего лишь уборщик. — Улыбнулся он непринужденно, заметил Карденас. — Подметаю тут.

— А как насчет других людей, которые работают внизу? — Инспектор показал на пустующие кресла перед многочисленными пультами.

— Не знаю, сэрьор. Это не мое дело. Я не забиваю себе голову такими вещами. — Он принял задумчивый вид. — Полагаю, они работают, когда меня здесь нет. Или, может, им велели некоторое время не приходить, после того, как задавили мистера Моккеркина. Точно не знаю.

«Задавили», — Карденас поймал себя на том, что повторяет это слово. Не один месяц назад. Но это же бред! Это не имело ни малейшего смысла. Если Клеатор Моккеркин действительно погиб в результате несчастного случая на улицах Харлингена, то кто же, черт возьми, столь яро руководил в последние несколько месяцев постоянными попытками похитить Катлу Моккеркин и кто продолжал охоту, приведшую к убийству ее матери?

— Может, кто-нибудь кроме вас появится здесь сегодня?

Родриго, похоже, начинал уставать от расспросов.

— Пожалуйста, сэрьор. Я не знаю. Вы, вероятно, знаете лучше моего.

— Ладно, — медленно кивнул Карденас. — Больше не буду вас беспокоить. Заканчивайте свою работу.

Родриго был явно благодарен. Карденас подождал, пока смотритель не закончит подметать пол и пылесосить тихо гудящую электронику. Приготовившись уходить, старик

оглянулся на него, задержавшись перед пандусом.

— Вы собираетесь здесь ждать, сэрьор?

— Да, — уведомил его Карденас. — Да, думаю, я подожду тут еще немного, посмотрю, не явится ли кто. Если вы, конечно, не против. — И обворожительно улыбнулся.

— Да с чего мне быть против? — оттопырил нижнюю губу Родриго. — Это не мое дело. Я уборщик, а не сторож. — И начал подыматься по пандусу.

— Еще один вопрос, — окликнул его Карденас. Старик остановился и оглянулся. — Если то, что вы мне говорите, правда, и ваш работодатель умер, то почему вы по-прежнему приходите сюда и убираете?

Старик поглядел на него терпеливым взглядом, как на ребенка.

— Потому, что когда я связываюсь со своим банком, деньги всегда на месте. Мне по-прежнему платят за работу.

Карденас не мог так этого оставить.

— Кто вам платит? Один из других сотрудников, кто-то, кого сейчас здесь нет?

Старая голова медленно мотнулась из стороны в сторону. Заметно уставший от бесконечного ряда вопросов Родриго добавил в свой ответ нотку нетерпения.

— Опять же, сэрьор, не знаю. Я знаю лишь, что, когда проверяю свой счет, оплата там есть. И покуда это так, я буду и дальше выполнять свою работу. Пока кто-нибудь не велит мне прекратить, или до тех пор, пока не перестанут выплачивать деньги. Я никогда особо об этом не задумывался. Полагаю, действует какая-то программа, которая автоматически платит мне. — Он снова покачал головой. — Я часто думаю, что кое-какие вещи были лучше в прежние времена, когда все было не настолько автоматизировано. — Он слегка поморщился. — У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Только один. — Повернувшись, инспектор показал на единственную оставшуюся дверь рядом с зеркальным стеклом на противоположной от входа стороне помещения. — А здесь что? Еще один чулан?

— Не знаю. Она всегда заперта. Меня никогда не просили убирать там, если вы об этом.

— Видели когда-нибудь, как кто-либо входил или выходил?

— Нет, сэрьор. Не видел.

«А вот это, — размышлял Карденас, — уже интересно». А он-то мысленно уже махнул на старика рукой.

— Спасибо за помощь.

— Пожалуйста, сэрьор, — кивнул смотритель. — Вы уж

извините, но у меня это последняя работа за день, и я хотел бы теперь отправиться домой. — Повернувшись, он медленно поднялся по пандусу. После того, как он удалился, вход остался открытым.

Если Мок умер, упрямо размышлял Карденас, то, должно быть, его работу взял на себя кто-то другой. Какой-нибудь доверенный помощник или заместитель. Но кто? Он мог понять какого-нибудь подручного, сильно заинтересованного в проекте квантовой кражи, сколь бы эфемерными ни представлялись перспективы, не говоря уж о полном архиве организации Мока. И то, и другое объяснило бы постоянные попытки похитить Катлу. Но зачем доводить до успешного завершения отданный Моком приказ об убийстве из мести Сурци Моккеркин? Полоса Монтесумы — это вам не древняя Калабрия или Сицилия, или даже Москва. Современные преступники интересовались отсасыванием кранча и кредита, а не продолжением личных вендетт другого субъекта. Сколь бы ни был предан своему бывшему хозяину его заместитель, Карденас не видел для подчиненного никакого резона заключать контракт на убийство, в осуществлении которого у него или у нее нет никакой личной заинтересованности.

Если, конечно, Сурци Моккеркин не подстраховалась, флиртуя еще с кем-то из подручных Мока кроме несчастного Уэйна Бруммеля, а потом оставила их в трудном положении наряду со своим покойным мужем.

И все равно тут что-то не складывалось. Каждый раз, когда он создавал основанный на известных ему фактах новый сценарий, тот сразу же рушился из-за очевидных изъянов внутренней логики. Единственной возможностью решения этой головоломки было приобретение дополнительных данных. И помещение, в котором он сейчас находился, выглядело безусловно подходящим местом, где можно начать их искать.

Размышляя, как и где лучше всего приступить к этому делу, он не переставал настороженно поглядывать на выход. Если старик не был величайшим актером, какого Карденас когда-либо встречал за долгую службу в полиции, он был лишь простым уборщиком, каким и назвался. Тем не менее, на случай, если старик терпеливо дожидался, когда у непрошеного гостя иссякнут вопросы, чтобы поднять тревогу, Карденас периодически подходил к пандусу проверить подход со стороны чулана.

Инспектор пристально глядел на тянущиеся вдоль стен подводного помещения многочисленные рабочие места. Которая моллисфера вероятней всего поддастся зондированию? Какого рода ловушки он мог встретить? Ему уже доводилось заниматься

подобными вещами. В последний раз ему поручили прозондировать корпоративный ящик главного научно-исследовательского накопителя информации «ДженДайна» в Агуа-При. Выходки ящика неизбежно чреваты коварными сюрпризами. Невозможно, чтобы в подобном месте какая-либо из молли или главный ящик будут работать без интегрированной защиты.

В конечном итоге, когда он заподозрил, что защиты все-таки нет, его мысли снова вернулись к двери напротив входа и к тому, что могло скрываться за ней и окном с толстым зеркальным стеклом. Если там не более, чем простой чулан, то зачем запрещать входить смотрителю, которому и так уже доверили ключ-код к этому изолированному помещению?

Проверка, вероятно, займет всего несколько секунд. Наряду с дверной ручкой имелась и маленькая вертикальная щель, предназначенная для приема бесхитростного кодового ключа. Он снова снял с пояса «сезам», накрыл им щель, щелкнул рычажком, включая прибор и подождал. Менее чем через тридцать секунд прибор установил комбинацию и применил ее. Раздался щелчок. Снова потянув за дверную ручку, он обнаружил, что дверь легко открылась.

Слишком легко.

Перед его взором предстала небольшая прихожая площадью примерно в два квадратных метра. В ней стояли пара шкафчиков, маленький холодильник, а на стене красовался маленький головит, показывающий крытый розовой черепицей дом в тропическом окружении. В головите медленно восходила луна, отбрасывая золотистые блики на протекающий перед домом ручей. Непосредственно справа от Карденаса манила к себе еще одна искушающе приоткрытая дверь. Изгибаясь, но оставаясь в то же время вне прихожей, он обнаружил, что может увидеть очень немногое через открывающийся таким образом проем.

Червячки и искусственная приманка предназначались для привлечения рыбы. Открытые двери неизменно притягивали любопытных людей. Он не собирался заканчивать свой путь загарпуненным и выпотрошенным, когда наличествовал столь явный крючок.

Внешне как будто ничто не препятствовало входу, и именно потому-то он и сдерживался. Изучив взглядом прихожую в течение нескольких минут, он повернулся и широким шагом пересек в обратном направлении помещение и поднялся по пандусу. Схватив пару старомодных швабр, которые приметил во время своего недавнего пребывания в чулане за уборной, он вернулся с ними к прихожей и снова встал перед только что

отпертой им дверью. Та была приоткрыта, точь-в-точь так, как он ее оставил.

Отставив одну из швабр в сторону, он ухватил другую одной рукой за верх, а другой около нижнего конца. Держа ее вертикально, он забросил швабру в прихожую.

Последовала внезапная вспышка, после которой на сетчатке его глаз долго еще плясало множество остаточных изображений. Мгновенно разрезанные на части, четыре куска швабры с металлическим стуком попадали на пол.

Шагни он, не подумав, в этот закуток, столь же быстро, но куда более неряшливо, на пол упали бы четыре куска его тела.

16

Просвещенный таким способом, Карденас вновь принялся инспектировать этот безобидный на вид закуток.

Он обнаружил два из смертоносных устройств спрятанными в паре шкафчиков, одно скрывалось в передней дверце холодильника, а другое было искусно спрятано за окном изображаемого в головите дома. Промышленные лазеры обычно обладали ярко-малиновым лучом, но эти, мгновенно превратившие швабру в мусор, снабдили на заказ особой оптикой, которая нейтрализовала их цвет, не влияя на эффективность. Заглянув в прихожую, визитер не видел ничего, но стоило шагнуть внутрь, как его разрезало на части, так и не давая возможности выяснить истину.

На глаза не попадалось никакой кнопки, ни для включения безвредного верхнего света, ни для куда менее безобидных оптических сторожей, охранявших вход в комнату за внутренним порталом. Предназначенный для избавления от мелких неудобств и получения доступа в запертые помещения и ящики, служебный пояс Карденаса не мог предложить ему ничего, чтобы управиться со столь сложной — и смертельной — сторожевой системой.

Посозерцав некоторое время этот пустующий закуток, он повернулся и снова проследовал через наружное помещение вверх по пандусу. На этот раз он не задержался в чулане уборной. Выбрав одно из двух больших стенных зеркал, установленных над раковинами уборной, и пустив в ход инструменты со своего пояса, он вскоре отковырнул зеркало от промышленной липучки, удерживавшей его на стене. Вернувшись к прихожей, он осторожно отставил зеркало в сторону и взял оставшуюся швабру. Последовав в прихожую за первой, она подверглась той же участи, что и ее предшественница.

Зеркало создавало отражающий экран почти столь же высокий, как Карденас. Принесение в жертву второй швабры позволило ему запомнить, пусть и не идеально точно, углы, под которыми закуток пересекали крест-накрест лучи бесцветных лазеров. Сгорбившись, чтобы скрыть за зеркалом как можно большую часть себя, он медленно и осторожно двинулся в прихожую.

Раздалось единственное «бац», за которым последовал сильный запах горящей панельной обшивки. Продвигаясь вперед черепашьим шагом, он пересек закуток, миновав тихо гудящий холодильник и пройдя под обманчиво успокоительным головитом. Ощутив спиной болтающуюся внутреннюю дверь, он

толчком открыл ее, слегка споткнувшись, проходя утиной походкой через теперь уже не перекрытый портал.

Когда инспектор уверился, насколько мог, что находится вне радиуса действия невидимых сторожей, он выпрямился и отставил в сторону ниспосланное провиденьем зеркало. Отраженные стеклом лазеры прожгли пару малюсеньких дырочек в противоположной стене прихожей и еще две в потолке. Крошечные черные отверстия слегка дымились и сильно воняли, но он не видел пламени и не слышал звона пожарной сигнализации. В этом не было ничего странного. Любое столь важное место, как эта подводная цитадель, сооружали из негорючих и пожароустойчивых стройматериалов. Для того, чтобы сработала встроенная пожарная сигнализация, потребовалось бы нечто большее, чем малость дыма.

Комната, в которой он оказался, была тускло освещена. Слева от него всю стену занимал единственный головит с видом открытой пустыни. Когда он посмотрел на него чуть подольше, из-за расплывчатого кактуса выскочила ящерица-ядозуб и исчезла за камнем. Парящий в небе ястреб приглушенно заклекотал. Посмотрев направо, инспектор увидал наружное помещение с пустыми рабочими местами и ведущим в чулан уборной пандусом на противоположном конце, отчетливо видимые сквозь высококачественное стекло с односторонней прозрачностью.

А перед ним находилось маленькое рабочее место с единственным удобным креслом и бездействующим ящичным туннелем. На пустом столе стоял на своей подставке голком. Никакой клавиатуры для ручного ввода не было. Под неярко светящимся туннелем, который, казалось, уходил в бесконечность, из стены торчал равнодушный стеклянный глаз сканера. Держа зеркало из уборной, Карденас снова выставил его перед собой, когда приблизился к рабочему месту и уселся в кресло. На него ничего не прыгнуло, и кресло под ним не взорвалось. Удовлетворенный, но по-прежнему сохраняя бдительность, он внимательно изучил голком, прежде чем снять его с рычага. Это был «Пелуриндо-Амадо-24». Дорогой, многоязычный, но с относительно простым управлением, он предназначался для пользователя, который хотел получить лучшую технологию для голосового управления, но технологически не был особенно подкован. Активировав его нажатием кнопки, он поднес голком к губам.

— Открыть, — тихо прошептал он в осмотрительно снабженный фильтром микрофон.

Тусклый глаз сканера оживил внутренний свет, и изнутри туннеля раздались слова:

— В доступе отказано. Требуется разрешение.

— Устное?

— Да, — уведомил его услужливый механический голос.

Карденас понял, что здесь требовалось справиться с более простой и менее смертельной проблемой, чем лазеры. Сняв с себя служебный пояс, он разложил его на столе, получив таким образом быстрый и легкий доступ к содержащемуся в нем. В то время, как важные промышленные молли и ящики обычно защищались многими слоями сторожевых систем, физически меньшие и менее значительные вспомогательные устройства — вроде голкомов — как правило, могли похвалиться куда менее сложными мерами предосторожности.

Достав из чехла спиннер, он включил собственный голком в надлежащее гнездо. И вызвал из накопителя спиннера операционный файл голкома. Копаясь при сборе сведений о Моке в общенациональном накопителе информации СФП в Вашингтоне, Карденас отследил голосовой файл прослушиваемой линии, включавший в себя и пару безобидных фраз, произнесенных неким Клеатором Моккеркином, когда тот регистрировался лет десять назад в гаванском отеле «Четыре Сезона». Используя этот файл в качестве акустического образца, полицейские техники в Ногалесе успешно сгенерировали синтарим, который идеально подражал звучанию его голоса.

Как только спиннер шунтанул необходимый файл, инспектор приставил свой прибор к узлу снятого с рычага на столе. Немного продуманного жонглирования управлением, и синтарим был переден в местный голком. Убрав спиннер обратно в чехол и вернув собственный голком на его рычаг, он взял местный и повторил прежнюю команду.

— Открыть, — скомандовал он вновь. Если синтарим достаточно точен, и он сделал полный перенос, то голком, который он держал в руке, должен убедить находящуюся за стеной молли и соединенный с ней ящик, что к ним обращается если не самолично Клеатор Моккеркин, то кто-то с достаточно знакомым голосом, чтобы удовлетворить охраняющую грамму. Конечно, Моккеркин мог никогда и не бывать в этой комнатушке, и уж тем более не пользоваться здешним ящиком. Тот мог быть просто защищенным оборудованием, которым пользовался, скажем, его главный финансист. Но там, где применялся такой уровень тщательно продуманной физической маскировки и внутренней защиты, казалось разумным предположить, что лицо, стоящее на вершине иерархической лестницы должно, по меньшей мере, иметь возможность проверять работу подчиненных.

Или нет, пессимистически отметил он, когда голос ящика ответил:

— В доступе отказано. Требуется разрешение.

Он попробовал вновь, на случай, если синтарим передал в первый раз неточно. Результат вышел тем же. Поджав губы и наморщив лоб, он поискал объяснение.

— Введена ошибочная устная команда?

Ящик ответил без колебаний, искусственный голос отчетливо доносился из открытого туннеля.

— Устная команда принята. В визуальном разрешении отказано.

Инспектор уже с того мгновения, как уселся в кресло, подозревал, что все будет не так-то легко. Бормоча под нос что-то неразборчивое, он снова принялся за работу, доставая из чехлов на служебном поясе необходимое оборудование. Быстрый взгляд показал, что ведущий в чулан уборной вход оставался благословенно безмолвным и пустынным.

Прошло уже немало времени с тех пор, как ему в последний раз пришлось воспользоваться «хамелеоном». Достав из поясного кармана гибкую маску, он разложил ее на столе. После нажатия на вплетенную в обратную сторону кнопку активации, непрозрачный эпидермоид ожил. Он осторожно приложил маску к лицу и плотно прижал ее. Появившееся знакомое ощущение щекотки указало, что маска работает, деловито накладываясь на его черты. Ношение маски затрудняло дыхание, но не делало его невозможным. Когда «хамелеон» установился и был готов, то уведомил инспектора тихим писком.

Крутанувшись на вращающемся кресле, он повернулся лицом к сканеру и опять обратился в голком.

— Открыть.

Ящик без колебаний ответил:

— Устная команда принята. В визуальном разрешении отказано.

На этот раз он не испытал чувства разочарования. Именно такого ответа он и ожидал. Даже самому действенному «хамелеону» требовалось время на совершение своего оборотнического волшебства. Сделав на миг паузу, давая «хамелеону» обработать полученную информацию, он повторил требование. И опять получил отказ. И опять.

Каждый раз, когда он оглашал свое требование, стенной сканер направлялся на его лицо в попытке идентифицировать сидящего перед ним. И каждый раз имплантированные в «хамелеон» сенсоры отслеживали сканирование, преломляя свет из адаптера, покуда маска постепенно выстраивала топологию

искомых самим сканером параметров. С каждым последующим неудачным запросом, эпидермоиду удавалось придать бОльшую плотность постоянно трансформируемой маске. Нано-двигатели в чувствительном материале выполняли тонкие подгонки формы, постоянно преображая черты лица. Изменяемые линзы, через которые Карденас глядел на упрямую стену, изгибались в ответ на информацию, уловленную встроенным аналитическим инструментарием маски, когда та пыталась скормить ящику то, что тот хотел узнать.

Потребовалось девять попыток, прежде чем ящик наконец ответил:

— Устная команда принята. Визуальная команда принята. Сканирование сетчатки принято. Санкционирование завершено. Добро пожаловать, одобренный визитер.

Он вошел. Поддерживающая туннель молли, а через нее и ящик, стали теперь доступны, хотя это не означало, что все хранящееся внутри внезапно превратилось в открытую книгу. Он на пробу вызвал архивы и содержание. Когда они появились в туннеле перед ним, перемещаясь и застывая в ответ на его приказы, он окидывал их взглядом полицейского, жалея что у него нет времени для записи всех подробностей. С дальнейшим анализом деятельности маленькой противозаконной империи Мока придется подождать, пока ей не займутся финансовые эксперты СФП. А в данный момент его интересовала только информация, относящаяся к смерти Сурци Моккеркин и продолжению попыткам похитить ее дочь.

И так как инспектору не удалось выделить что-либо, прямо относящееся к этому делу, пришлось в конечном итоге прибегнуть к более прямолинейной вариации устного допроса.

— Сурци Моккеркин мертва, — уведомил он ящик. — Тебе известно об этом?

— Эта информация мной уже зарегистрирована, — сообщила ему молли, говоря из глубин туннеля. Холодный и лишенный эмоций, как каменистая равнина центральной Гренландии, голос добавил: — Данная конкретная грамма ликвидирована.

Карденас обнаружил, что ему хочется как можно быстрее избавиться от «хамелеона» и его облегающей лицо, насыщенной сенсорами упругости. Маска ограничивала обзор и создавала ощущение нервозности и неудобства.

— А как насчет попыток вновь завладеть Катлой Моккеркин?

— Эта операция проводится. По инструкции, если указанное лицо окажется невозможно вернуть, она должна быть ликвидирована для предотвращения возможного распространения засекреченных внутренних данных.

Соответствующие инструкции были распространены.

По спине Карденаса пробежал холодок. Ну что за чудесным человеком был этот Мок. Чем больше он узнавал о покойном, тем лучше понимал, почему такая, как Сурци Моккеркин, рискнула погибнуть, лишь бы уйти от него. К несчастью, для нее риск этот оказался чересчур велик.

Если этот леперо не мог вернуть дочь, то собирался убить ее, лишь бы не дать хранящейся у нее в голове информации попасть в руки конкурентов или властей. Шикарное обращение с родной дочерью. Как с чипом памяти. С одноразовым чипом памяти.

— Я желаю прекратить данную операцию, выполнить немедленно.

— Указанная грамма может быть отменена только по получении определенной командной парадигмы, оттранслированной мистером Клеатором Моккеркином.

Тупик. Он попробовал подойти иначе.

— Через минуту я ее предоставлю. А пока будь любезен, предприми необходимые предварительные шаги к прекращению попыток возвращения.

Ящик категорически отказался — на вежливый, бесстрастный манер ИИ его типа.

— Указанная грамма может быть отменена только по получении определенной командной парадигмы, оттранслированной мистером Клеатором Моккеркином.

Он завяз. Если он применит голком и спиннер для проведения зондирования, то, скорей всего, инициирует встроенные защитные механизмы этой скрытой от глаз и, вероятно, бронированной моллисферы. Карденас не знал, какими именно те могут оказаться, но учитывая характер человека, чье кресло он сейчас занимал, они скорей всего будут весьма неприятными. Если же он продолжит проводить требование изустно, не предоставляя требуемой парадигмы, то подобный хайтех-ящик скорей всего заподозрит неладное и либо напрочь отрежет ему доступ, либо потребует какую-то добавочную форму идентификации. А когда он не предоставит ее, может сработать сигнализация или активироваться новая защита, кроме лазеров в закутке.

Он мог распылить надетую им личину, позвонить, куда следует, и отключить поступающую к этому ящику энергию или, если уж на то пошло, добиться приказа о закрытии или даже ликвидации всего промышленного комплекса Западный Падре #3. Именно для этого и существовала полицейская страховка. Но этот продвинутый ящик, смоделированный с расчетом жонглировать надежно защищенной национальной информацией,

не говоря уж об интернациональной, наверняка будет в постоянном контакте с несколькими, возможно с десятками разбросанных по всей планете дублирующих молли. И если он уничтожит этот ящик, то остальные ящики системы могут неопределимо долгий период времени продолжать функционировать. Засечь их будет крайне трудно. А их дальнейшая работа будет включать и продолжение действия граммы, требующей захватить или уничтожить Катлу Моккеркин.

С другой стороны, любая принятая здесь команда мгновенно распространится по всей сети — в том числе и команда, отменяющая приказ. В добавок к этому, если он вызовет команду подрывников, то вся остальная ценная информация, заключенная в настоящее время в данном ящике, все нити, которые могли привести к аресту и судебному преследованию десятков, а может и сотен разыскиваемых лиц и предприятий, будут утеряны. Сейчас более чем когда-либо, он должен действовать предельно осмотрительно.

Он мог попробовать еще один способ. Возможно, тот вызовет целый шквал нежелательных реакций, но он твердо решил рискнуть. Если не получится, то, в худшем случае, отключится вся система. Он не добьется ответа на свое требование, но, скорее всего, не повредит никаких постоянных файлов. Эти соображения были, и должны оставаться, второстепенными по сравнению с гарантированием здоровья и безопасности ждущей в далеком Ногалесе некой двенадцатилетней девочки. С мрачным лицом под маской-«хамелеоном» он вновь обратился к машине:

— Клеатор Моккеркин умер. Следовательно, все текущие программы, требующие его ввода следует немедленно приостановить.

И замер, затаив дыхание, не зная, чего ожидать. В зависимости от уровня своей ИИ изощренности, разные молли по-разному реагировали на директивы, предлагающие перспективу внутреннего конфликта. Он ожидал, что такой продвинутый ящик, как этот, проигнорирует его слова, или отвергнет ввод как не поддающийся обработке, или, возможно, потребует уточнения.

Но он никак не ожидал, что тот ответит без всякого колебания:

— Знаю. Мистер Моккеркин был сбит и задавлен потерявшим управление автобусом, идя на север по Хьюстон-стрит, около торговой галереи «Бразос», на внутренней полосе, при температуре тридцать восемь градусов по Цельсию, относительной влажности в шестьдесят четыре процента, в три пятьдесят четыре днем семнадцатого сентября.

Карденас сглотнул.

— Если грамма, относящаяся к возвращению… или ликвидации… Катлы Моккеркин может быть отменена только командной парадигмой, оттранслированной Клеатором Моккеркином, а Клеатор Моккеркин умер более трех месяцев назад, то как может быть отменена эта грамма?

— При описанном вами сценарии она не может быть отменена. — Ящик излучал ледяную уверенность, которая просто бесила. — Однако данная грамма потеряет силу, когда будут осуществлены ее параметры.

— Но того, кто хотел ее осуществить, не осталось! — «Полегче, — велел себе Карденас. — Успокойся, соберись, возьми себя в руки. Будь как ящик. Будь молли. Вращайся, но не срывайся со своей оси». — Лицо, которое ввело первоначальную грамму, Клеатор Моккеркин, скончалось. Следовательно, не осталось никого, способного позаботиться об осуществлении граммы.

— Осталось, — ответил с предельной серьезностью ящик.

Карденас откинулся на спинку кресла, словно получил оплеуху, и уставился на туннель, в котором светились секретные списки, статистика и изображения. Где-то там в глубине показалось лицо, но оно не было лицом человека. Безразличное, лишенное сочувствия, невозмутимое и эффективное, оно было заинтересовано лишь в одном: в выполнении своей программы. Рассеянное среди неизмеримого лабиринта информации, соединявшей весь мир, оно не могло быть нейтрализовано, кроме как из этого центрального источника, да и тогда только опытными оперативниками, у которых будет сколько угодно времени, чтобы выведать его секреты и избежать расставленных внутри ловушек.

Карденас позаботится, чтобы они приступили к работе, как только это будет безопасным. Но сперва он должен обеспечить безопасность Катлы Моккеркин. Если специалисты возьмутся за ящик Мока, то этого может оказаться достаточно, чтобы побудить отключить по тревоге главный терминал и автоматически децентрализировать все операции. Результат будет тот же, что и при взрыве этой конторы. И наоборот, если ящик останется работать, несмотря на зондирование, нет никакой гарантии, что даже самые умелые специалисты сумеют вовремя проникнуть во внутренности главной молли, чтобы успеть спасти Катлу Моккеркин.

В отсутствие Клеатора Моккеркина и инструкций, которые мог дать только этот ныне недосягаемый человек, ящик Мока твердо решил довести до завершения все существующие граммы, которые были записаны на его широко разбросанных, но тесно

взаимосвязанных молли. Моккеркин вот уж не один месяц, как умер. Это ящик продолжал отдавать приказы подчиненным вернуть или убить Катлу Моккеркин. Это ящик продолжал управлять широко раскинувшимися предприятиями и операциями Мока, в лице не очень искушенных подчиненных Моккеркина. В конце концов, как указал старый смотритель, никого не волновало, кто там все оплачивал, лишь бы им платили. И, как он и предполагал, процесс этот и в самом деле был автоматизирован. До такой степени, какой никто и вообразить не мог.

Лишенным воображения и отличающимся ограниченным кругозором безжалостным похитителям и матаро могли платить на такой же действенный бессловесный обезличенный лад, что и уборщику, сообразил Карденас.

И именно ящик, со внезапной ясностью понял он, был в ответе за смерть Сурци Моккеркин. Чудовищная посмертная месть за ее покойного мужа. Даже сдохнув, тот оставался смертоносным фелеоном.

Местная молли стояла где-то за стеной и генерировала туннель доступа, который нельзя уничтожить. Иначе будет потеряна связь с ящиком Мока, а равно и любой шанс заставить систему отменить приказ захватить или убить Катлу Моккеркин. Когда дружелюбно настроенный Йогеш Чанай говорил, что деятельность внизу, куда он никогда не спускался, должно быть, в основном автоматизирована, этот простодушный бригадир склада и понятия не имел, насколько точным окажется его представление о происходящем.

Единственный способ гарантировать в будущем безопасность Катлы Моккеркин заключался в нейтрализации граммы, содержащей приказ похитить или убить ее. А единственное лицо, которые могло это сделать умерло. Единственное лицо.

Если не…

Ящик не сказал, что Клеатор Моккеркин должен лично ввести необходимую командную парадигму для прекращения данной граммы. А вот сказал он, что «указанная грамма может быть отменена только по получении определенной командной парадигмы, оттранслированной мистером Клеатором Моккеркином». Возможно, всего лишь возможно, существовало-таки еще одно лицо, которое могло быть знакомо с требуемой парадигмой и, соответственно, могло ввести ее.

— Закрыть, — грубо оборвал разговор Карденас. Туннель послушно, без комментариев, потемнел. Подняв руки, он с облегчением содрал с головы «хамелеон», провел рукой по волосам и взъерошил их, глубоко вдыхая воздух, который ему не

приходилось больше цедить сквозь проницаемую мембрану. Встряхнув маску для просушки, он сложил ее и сунул обратно в пустой карман у себя на поясе. Поднявшись с кресла, обернул служебный пояс вокруг талии и застегнул его.

Второй раз за это утро он пригнулся, укрывшись за позаимствованным зеркалом, и медленно двинулся обратно через крохотный закуток при входе. Как только инспектор миновал смертельную прихожую и вернулся во внешний офис, то сразу отставил зеркало в сторону и потянулся. Не желая расстраивать любезного порядком помогшего старого смотрителя, он собирался водрузить зеркало обратно на место, воспользовавшись одной из промышленных липучек, входивших в набор из множества всяких штучек у него на поясе.

К несчастью, одна из сигналок на поясе выбрала как раз этот момент, чтобы забибикать. Громко. То ли он сделал наконец что-то, возбудившее подозрения у системы безопасности, охранявшей помещение, то ли сам запустил какой-то скрытый защитный механизм.

Он не увидел ничего, указывающего на проникновение газа, и не учуял его, но вот встроенные в пояс сенсоры заметили. Любой, застигнутый в этом помещении без подобной защиты свалился бы, так и не узнав, что же его поразило, чтобы очнуться лишь через некоторое время. Или никогда. Оставив зеркало и зажав ладонью нос и рот, он со всех ног бросился к выходу. Бибиканье стихло, лишь когда он взбежал по пандусу и промчался через чулан в уборную.

При обычных обстоятельствах он бы не пожалел времени для возвращения замаскированной двери в первоначальное состояние. Но со смертью Мока инспектор не видел причин скрывать тот факт, что кто-то имел доступ к командному центру. Уж это-то он мог предоставить и смотрителю. В данный момент его интересовало лишь одно — как бы обогнать тянущийся следом за ним газ. Спеша из уборной, он не притормозил, хотя сенсор у него на поясе уже умолк. Порталы в два других наружных помещения, которые он обследовал сразу по прибытии, оставались закрытыми, какими он их оставил. Никаких признаков старого уборщика не наблюдалось. Когда Карденас вышел из уборной, дверь за ним захлопнулась. Не имеет значения. Он увидел все, зачем пришел, и узнал все, что мог. Осталось лишь вернуться в номер отеля, собрать немногие личные вещи, какие он привез с собой, и успеть на следующий рейс обратно в Ногалес.

Как и раньше, лифт в конце узкого коридора не откликнулся на его прикосновение. Не ожидая ничего иного, он не стал

задерживаться и собирался вернуться на поверхность тем же путем, каким пришел, поднявшись по лестнице. Он взялся за ручку расположенной поблизости двери и потянул на себя. Та не поддалась, и он попробовал вновь. Все попытки отпереть дверь, пустив в ход «сезам», оказались такими же бесплодными. Нахмурившись, он вернул устройство на место в сумку, отступил на шаг, ухватился обеими руками за дверную ручку и потянул изо всех сил. Ничего. Выпустив ручку и отступив еще на шаг, он принялся с размаху бить ногой рядом с гермозамком. Звук ударов по металлической преграде вызвал в коридоре гулкое эхо. Как и дверь, гермозамок не поддался. Истощив все силы он прошлепал назад, гадая что же он сделал не так.

Прошлепал?

Пришел в действие еще один защитный механизм.

Опустив взгляд, инспектор увидел, что вокруг его ботинок стремительно подымалась вода. К тому времени, когда он добрался до дверей на противоположном конце коридора, она уже плескалась выше его голеней и подступала к коленям. Все три двери оказались запертыми, загерметизированными, неприступными. То, как захлопнулась за ним дверь в уборную, обрело теперь зловещий смысл. Доступный еще воздух начал пропитываться вонью каботажного водного пути: едкой смесью соленой воды, горючего из судов подревнее и коммерческими отходами с Западного Падре # 3 & 4.

Прошлепав обратно к лифту и лестнице, он снова протянул было руку к дверной ручке, но остановился. Достав из поясной сумки компактный полицейский резак, инспектор торопливо обследовал металлическую преграду. Дверная ручка гнездилась в бронированном замке. Борясь с подступающей водой, он сдвинулся влево и активировал резак, начав со средней из трех дверных петель. Сплав оказался прочным, и резаку потребовалось на рассечение петли больше времени, чем хотелось Карденасу.

К тому времени, когда он взялся за нижнюю петлю, вода уже достигла груди и подымалась быстрее, чем прежде. И даже лихорадочно работая резаком и жалея об отсутствии более мощной коммерческой модели, инспектор невольно восхищался простотой западни. Заполнение входного коридора морской водой было не только способом создать препятствие на пути вторгшихся с поверхности, но также и средством очень эффективно разделаться с любым, кто уже приобрел несанкционированный доступ и пытался после этого уйти. Покуда затопление коридора делало свое дело, сотрудники могли расслабиться в своих изолированных водонепроницаемых офисах и беспрепятственно продолжать работу.

Теперь на месте оставалась только самая верхняя петля, крепившая дверь к металлическому косяку. Обеспокоенно ожидая, когда резак рассечет металл, инспектор гадал, сколько же обидевших Мока гостей в конечном итоге уплыли от него вместо того, чтобы самостоятельно уйти. Уж когда Мок присутствовал тут, визитеров определенно обыскивали, прежде чем впустить. И прежде чем допустить их, наверняка конфисковывалось любое оружие, способное дать им возможность спастись.

Вода поднялась до подбородка. Смоделированный для работы в любой среде и сделанный в соответствии с жесткими требованиями СФП, резак продолжал рассекать упрямую оставшуюся петлю. Вокруг него бурлила морская вода. Он почти ожидал увидеть проплывающих мимо семг или сардин. Трижды ему пришлось наполнять легкие воздухом и работать под водой. В последний раз воздуха в прослойке между подымающимся морем и непроницаемым потолком едва хватило на вдох.

Снова нырнув, он приставил резак к петле, работая при свете его горения. Когда луч наконец перерезал последний всаженный болт, инспектор выключил инструмент, сунул его в карман и принялся изо всей силы пинать по средней петле в месте ее соединения с дверью. Окружающая вода ослабляла его удары. Но при всех трех перерезанных петлях дверь все равно начала поддаваться. Чувствуя слабину, вес окружающей воды добавил к его усилиям и собственное давление.

На какой-то ужасный миг ему подумалось, что дверь останется заклиненной, несмотря на все его усилия освободиться. Прожив всю жизнь в пустыне Юго-Запада, он не особенно любил океан. Из всех возможных смертей, какие он представлял для себя в ходе почти тридцатилетней службы в департаменте, из всех тесных соприкосновений с костлявой, какие испытал, работая на убогих улочках Полосы, он менее всего мог себе вообразить возможность утонуть при исполнении служебных обязанностей.

Давление подымающейся воды оказалось неудержимым. После удара правой ногой преграда наконец поддалась. Ручка и замок остались накрепко запертыми, но дверь отошла с перерезанных петель как раз достаточно, чтобы пропустить единственное человеческое тело.

Почти истощив запас воздуха, протискиваясь через проем, увлекаемый вырывающейся на волю водой, Карденас поймал себя на вознесении мрачных благодарностей за свое невнушительное телосложение. Хаяки никак не смог бы прорваться.

Он стукнулся головой о перила, когда ревущая вода с силой швырнула его на лестницу по другую сторону нижней лестничной

площадки. Оглушенный столкновением, втягивая в легкие огромные бодрящие глотки воздуха, инспектор остановился на третьей ступеньке. Поскольку вода хлынула за ним из коридора, он с трудом поднялся на ноги. И, спотыкаясь, побрел вверх по лестнице, опираясь на перила и перетаскивая себя.

По счастью, дверь наверху оказалась незапертой, и не пришлось доставать уже спасший жизнь резак из кармана, куда тот был рассеянно засунут. Пара рабочих в касках увидела, как он, пошатываясь, выходит с лестницы, и сразу же двинулась к нему. Все еще откашливаясь от морской воды и с трудом дыша, Карденас начал шарить под промокшим насквозь плащом, нащупывая шокер.

Более рослый из пары могучего вида бородач протянул к нему руку, чтобы поддержать, взяв за плечо.

— Фасиль, хомбер. С тобой все в порядке? У тебя такой вид, словно ты побывал в настоящей лягушкодавильне!

Его равно озабоченный спутник успокаивающе улыбнулся инспектору.

— Мы здесь, компадре, предпочитаем рыбачить с удочками. — Искреннее недоумение на лице второго рабочего, когда он поглядел мимо Карденаса, подкрепляло присущий ему простодушный вид. — Что там внизу собственно случилось, черт возьми?

Карденас позволил руке обвиснуть, не выхватив шокера. Его озабоченность оказалась напрасной. Подобно своему начальнику Чанаю, эти рабочие пребывали в блаженном неведении о незаконной деятельности, которой занималась контора под складом.

Порывшись в поясной сумке, он извлек вместе с водорослями свой идент-браслет и слабо мелькнул перед рабочими и тем и другим.

— Анхель Карденас, инспектор, СФП. — И кивнул на лестницу, с которой вышел. Оттуда уже отчетливо доносилось журчание быстро подымающейся по лестничному колодцу воды. — У вас, кажется, протечка в одном из подвальных помещений. Не могу сказать наверняка. Я немного устал и не слишком хорошо себя чувствую. Интересно, не мог бы один из вас — не мог бы?..

Одновременно потянувшись к нему, оба рабочих успели подхватить его, когда он упал ничком.

17

Очнулся он, сухой и расслабленный, на больничной койке в Масматаморосе, со все еще упрямо цепляющимся за уголки его рта слабым, постепенно тающим привкусом залива. Покуда он остаток дня восстанавливал силы на койке, нашлось время поразмыслить и о том, что пребывание в больнице оказалось физически куда менее тягостным, чем у напарника.

Едва добившись на следующее утро официальной выписки, он сразу же связался с Пэнгборном и доложил ему обо всем случившемся. Капитан позаботится о том, чтобы за пустующим командным центром Мока внимательно следили, на случай, если кто-нибудь из подчиненных покойного фелеона попытается воспользоваться его оборудованием. В соответствии со специфическими инструкциями инспектора, власти не станут пытаться проникнуть туда или вмешиваться в скрытую работу центра, пока не удастся гарантировать безопасность Катлы Моккеркин.

Пэнгборн также уведомил его, что сказанное уборщиком Родриго проверено. В указанный смотрителем период времени перед торговой галереей «Бразос» в Харлингене и правда произошел несчастный случай с двумя людьми. Интересно, что оба пострадавших путешествовали без каких-либо документов, и окончательная идентификация обоих все еще не была произведена.

Приятно было снова оказаться в Ногалесе, где влажность колебалась между низкой и нулевой, а запах соли наполнял ноздри, только когда лицо приближалось к краю бокала, заполненного плещущей «маргаритой». Хаяки был столь же рад его видеть, как инспектор — вернуться домой.

— Как спина? — спросил Карденас, когда они забирали патрульную машину из подземного гаража СФП.

— Да в порядке, насколько может быть отросшая заново, — повел массивными плесами Хаяки. — Я едва не изжарился, а ты чуть не утонул. Для одного дела это чересчур. Я готов отправиться в отпуск.

Карденас расположился на пассажирском сиденье.

— Ты только что побывал в нем, не забыл? В прекрасной Коста-Рике из Центрально-Американской Федерации. Разве ты не провел приятного времени в живописном тропическом лесу Всемирного Наследия?

Хаяки направил патрульную машину из гаража на яркое сонорское солнце.

— О си, разумеется. Есть лишь одна проблема: не могу больше смотреть на бананы, как раньше.

Оставив позади бесконечный сплошной аркомплекс Полосы, шоссе сузилось, начав петлять по изрезанной каньонами местности, ведя в отведенную под заповедник территорию вокруг пика Бобокивари. Универмаги и длинные торговые галереи, крутая кодо-застройка и, наконец, дорогие частные резиденции сменились пламенеющими окотилло и оливиновыми паловерде. В вышине кружила над чем-то далеким и мертвым тройка сарычей. Раз через шоссе перебежала мексиканская земляная кукушка, с опущенной головой, вытянутым хвостом и болтающейся в клюве мертвой змеей, похожей на добытые на помойке спагетти. Змея подскакивала и подпрыгивала в такт движениям птицы, словно большая резиновая лента.

Въехав в заповедник, они оставили коммерческую застройку позади. Скучающий охранник у въездных ворот слегка оживился, когда Хаяки мелькнул своим идентом. Работник заповедника, он был далек от системы СФП и не имел ни малейшего представления о том, что происходило в пределах его собственной юрисдикции.

Переоборудованный кордон лесника, дом безопасности располагался на дне извилистого каньона, куда можно было попасть только по воздуху или по ухабистой грунтовой дороге. Невзирая на современную воздушную подушку, патрульная машина все же среагировала на несколько крутых ухабов, пока Хаяки петлял по этому неудобному тракту. Федералы поймали себя на воспоминаниях об оборудованной для поездок по джунглям «4Х4», которую они брали напрокат в Сан-Хосе. С нежностью вспоминая ту машину, Карденас сожалел, что оставил ее в виде сгоревшего остова.

Оба федерала возблагодарили судьбу, когда в поле зрения замаячило одноэтажное строение. Сооруженное из серых каменных глыб, с белой островерхой крышей и термотропическими пуленепробиваемыми окнами с тремя рамами, оно было оборудовано собственным водо — и энергоснабжением. Установленная на крыше «тарелка» связи держала находящихся внутри здания в постоянном контакте с внешним миром, с Полосой и со штаб-квартирой СФП в Ногалесе. Принадлежащая заповеднику вертолетная площадка позади дома предоставляла возможность быстрого прибытия и отбытия, случись такая необходимость. Карденас предпочел ехать на патрульной машине, чем лететь, потому что предпочитал иметь маневренность, обеспеченную наличием собственного транспорта, а также поскольку знал, что они с напарником смогут

расслабиться и насладиться поездкой.

Они были не единственными, кто предпочитал наземный транспорт. Под козырьком навеса для машин между парой больших «4X4» стоял припаркованный патрульный автомобиль без номерных знаков. Когда они приблизились к воротам огороженного участка, Хаяки притормозил. Его проволочная ограда с виду не производила впечатления. Но Карденас знал, что напряжение на ней было более чем внушительным.

Как только им дали разрешение на въезд, ворота поднялись, давая проехать. Хаяки провел машину через ворота на свободное место под навесом для автомобилей. Несмотря на разрешение миновать ворота, их встретили два сотрудника в форме служащих заповедника. Как бы они не были облачены, оба на самом деле служили не в министерстве охраны природы, а в СФП.

Прежде, чем новоприбывших пустили в здание, они обменялись с дежурными рукопожатиями и приветствиями. Третий сотрудник, встретивший их уже в дверях, оказался старым другом Хаяки. Покуда эти двое отправились на кухню в поисках холодных напитков и теплой беседы, Карденас отправился на поиски сотрудника департаментской службы помощи неблагополучным семьям, которому поручили присматривать за Катлой. Это было необходимо, пока ее безопасность не будет гарантирована и для девочки нельзя будет организовать постоянное место проживания.

Сотрудница нашла его первой.

— Вы Анхель Карденас, не так ли? Мне передали, что нужно ожидать вас.

Обернувшись, он уставился в глаза привлекательной темноволосой женщины лет тридцати пяти-тридцати восьми. Она была столь же высокой, как он (или столь же невысокой, зависит от точки зрения), с волосами, коротко подстриженными с одной стороны по принятой среди многих государственных служащих моде. На выбритой стороне головы покачивалась единственная длинная серьга из серебра и сугилита, вероятно, сделанная навахо. Косметика было наложена умеренно, лишь с целью подчеркнуть свои необычно большие глаза и широкие скулы. Руку ему она пожала твердо и уверенно, рукопожатием опытного профессионала.

— Я Минерва Форхорсес[60].

— Рад с вами познакомиться, — обворожительно улыбнулся Карденас. Его взгляд устремился мимо нее. — А где Катла?

— Катла, так запросто? — Его свойское упоминание девочки пришлось ей по душе. — Вы, должно быть, о многом говорили с ней, там в Коста-Рике.

— Достаточно, чтобы у меня возникло чувство, будто я знаю ее давно и хорошо, говорить с ней на неформальной основе, не напоминая, что я федерал. — Шагая бок о бок, они двинулись по коридору. Пол, заметил он, был укрепленным, покрытым приклеенной эпоксидной смолой плиткой «Сальтилло». Обувь сотрудницы службы помощи громко цокала по полу, словно у той были кастаньеты вместо каблуков.

— Это полезно. Она девочка молчаливая, хотя беседует достаточно охотно. Но сдержанная. Остерегающаяся. — Тон женщины открывал искреннюю озабоченность, признак первоклассного работника службы помощи. — Это и неудивительно, учитывая в какой обстановке она росла и через что ей пришлось пройти. Я прочла официальные отчеты.

— Такое никак не назовешь нормальным детством, — знающе кивнул Карденас.

— Узнать, что ее мать убили. — Форхорсес плотно сжала губы. — Если бы не доступ к ящику, думаю, она просто сидела бы, уставившись на стенку. Она смотрит на него как на пристанище. Оно приемлет ее, и ей не требуется оправдываться или объясняться. — Темные, как два омута, глаза встретились с ним взглядом. — Я никогда не видела никого, что столь мастерски работал бы с голкомом. Даже среди спецов в центре города.

— Она техантка, — объяснил Карденас. — Прирожденная.

— В отчете об этом говорится, — кивнула сотрудница службы помощи. — Но одно дело читать об этом, и совсем иное — наблюдать такие способности в действии.

Они свернули в еще один коридор. Сидевший посередине полицейский в штатском оторвался от экрана, с которого читал. Узнав Форхорсес, он улыбнулся и пропустил их дальше.

— Именно эта способность и причинила ей столько неприятностей, — объяснил Карденас. — И возможно также, что именно она и гарантирует ее будущее.

Опасение Форхорсес сделалось прямо-таки осязаемым.

— Надеюсь, вы не собираетесь просить ее сделать что-нибудь, что усилило бы стресс. Внешне она, возможно, выглядит и говорит, словно находится в добром здравии. А мои собственные наблюдения, сделанные за эти последние несколько дней говорят, что на самом деле она очень хрупкая. — Голос ее посуровел. — Я не могу дать одобрения на что-либо, способное нанести вред ее психическому здоровью. Ей сейчас нужно ничто иное, как стабильность и утешение. И больше всего, ей нужна надежда.

— Именно это-то я и хочу ей дать. — Он улыбнулся заметно озабоченной женщине. — Мы с вами хотим для нее одного и того же, миз Форхорсес.

— Минерва, — рассеянно поправила его сотрудница службы помощи, когда остановилась перед двустворчатыми деревянными дверями. — Катла будет в туннеле, за работой. Она всегда этим занята. — И трижды постучала в дверь.

Долгий миг Карденасу думалось, что они так и не дождутся никакого ответа. Затем раздался тихий девичий голос, который он так хорошо помнил по своему недавнему пребыванию на юге.

— Заходите, миз Форхорсес.

Идя первой, сотрудница службы помощи открыла одну из двух дверей.

— Доброе утро, Катла, — услышал Карденас, когда последовал за ней. — Здесь кое-кто хочет тебя видеть. — И шагнув в сторону, Форхорсес с явным интересом принялась наблюдать за реакцией своей подопечной на появление визитера.

Повернувшись на вращающемся кресле, Катла Моккеркин сразу узнала смуглого усатого федерала. И ее улыбка, пусть и не чрезмерно радостная, была все же не просто вежливой.

— Здравствуйте, инспектор Карденас. Я вас помню.

— Хох, Катла. Рад снова видеть тебя. — Пройдя дальше в комнату, он расположился в пустом кресле и подкатил его поближе к ней. — Я хотел бы немного поболтать с тобой — если ты не против?

Она пожала плечами и положила голком, который держала в руке. Почувствовав это движение, вит-камера ящика, с которым она работала, затемнила светившийся перед Катлой туннель.

— Ты не обязана беседовать с инспектором Карденасом, если не хочешь, — напомнила ей наблюдавшая женщина.

— Все в порядке, миз Форхорсес, — робко улыбнулась девочка. — Я знаю мистера Карденаса… Анхеля. Он был добр со мной, когда я была в… когда мне пришлось покинуть Резерву. Он хороший человек. — Ее улыбка превратилась в робкую усмешку. — Даже если он спаззанутый федерал-интуит.

На недоступный никакому другому полицейскому лад Карденас знал, что это было не оскорбление. Форхорсес внимательно наблюдала за ним.

— Как у тебя дела, Катла?

Она с тоской поглядела на приглушенный, слабо светящийся туннель.

— Полагаю, нормально. — В голос снова вкрался намек на озорство, который у него уже ассоциировался с ней. — Но вы ведь и так это знаете, верно? И просто завязываете вежливый разговор.

— Когда я был в твоем возрасте, другие ребята, бывало, говорили мне, что я чересчур умен, — усмехнулся он. Она пристально посмотрела на него. — И поэтому я знаю, что такое

чувствовать себя отличающимся от всех остальных. От всех своих друзей. Значит, ни с кем не поболтаешь. — Он слегка наклонился к ней. — У меня есть для тебя кое-какие новости. Твой отец, Мок, умер.

Выражение ее лица не изменилось. Но он заметил легкое напряжение мускулов на шее и предплечьях, засек участившееся дыхание. Она этого не проявляла — по крайней мере, для всех других — но таки реагировала.

— Его сбил автобус, когда он переходил через улицу.

Она кивнула в знак того, что услышала, почти без всяких эмоций.

— Рада слышать. — А затем, несколько удивив его, равно как и бдительно следящую Форхорсес, девочка язвительно фыркнула. — Я как-то раз слыхала, как он говорил о смерти. Он сказал, что федералам его никогда не схватить. Что, если он не умрет от старости, то сгинет в огненной буре. Его сбил автобус? — Карденас кивнул. — Просто великолепно! Совершенно заурядная гибель. Именно это он и заслужил — умереть, как все прочие, незамеченным, без показа его подлой, мерзкой, леперовой рожи во весь вит. Я рада, что это случилось именно так! — Когда гнев девочки поутих, возобладал ее исключительный интеллект. Карденас терпеливо ждал, зная, что это произойдет.

— Но, — начала она заново, слегка запинаясь, — если папа умер не один месяц назад, то кто же тогда приказал убить маму всего несколько недель назад? — Опустив взгляд, она глубоко задумалась. — Мистер Бруммель не мог этого сделать, так как он тоже уже умер. Мистер Вандерберг не любит насилия, а миз Берил не знает, как оттранслировать нужные инструкции. — Ее замешательство и озадаченность были видны невооруженным глазом, когда она снова посмотрела на Карденаса. — Вы знаете, кто это приказал?

Он мрачно кивнул.

— Эти приказы исходят из того же источника, который по-прежнему пытается похитить или убить тебя. От ящика компании твоего отца, той, чья штаб-квартира в юго-восточном Техасе.

Ее рот открылся в удивлении.

— Это та глупая молли на Падре! Папа заграммировал ее так, чтобы она управляла всем, когда сам лично не контролировал операции. Но я ничего не знаю о той грамме, про которую вы говорите. Должно быть, он ввел ее в ящик после того, как мы с мамой сбежали вместе с мистером Бруммелем.

Форхорсес не могла больше этого выдержать. Разговор между ее подопечной и федералом уходил все дальше и дальше за

пределы разумения Минервы.

— Не понимаю. Кто пытается похитить или убить Катлу?

— Программа. — Карденас посмотрел в ее сторону. — Внедренная ее отцом. Он был, по всем сведениям, неумолимым, беспощадным сукиным сыном. — Он кивнул в сторону девочки. — Содержащая эту грамму молли поддерживает контакт со всеми элементами противозаконной империи ее отца. Она распространяла директивы подчиненным, приказывая убить Уэйна Бруммеля, который жил с матерью Катлы и был ее партнером в весьма крупномасштабном присвоении фондов. Затем по ее приказу недавно была убита ее мать. А теперь она пытается захватить или убить Катлу потому что она является техантткой, хранящей в памяти многие, если не все, деловые операции своего отца. — Снова повернувшись к девочке, он посмотрел на нее со вспыхнувшим вновь сочувствием. — Она ходячая моллисфера.

Тон Форхорсес показывал, что она все еще не совсем понимала происходящее.

— Но если отец умер, то почему эта чудовищная грамма по-прежнему интересуется ей?

— Потому что она не была формально отменена, — кратко объяснил он. — И до тех пор, пока это не сделано, она будет и дальше спускать директивы тем элементам империи отца Катлы, которые по-прежнему откликаются на команды центра. А те приложат все силы для выполнения этих команд, так как считают их исходящими от ее отца или от его заместителя — кем бы он ни был. В конечном итоге, даже до низших рядов дойдет распоряжение оставлять без внимания любые директивы, исходящие всего лишь от молли. Вся проблема лишь в том, что мы не можем ждать, когда же это произойдет, когда природа возьмет свое. Потому что к тому времени для Катлы может оказаться уже слишком поздно.

Форхорсес двинулась в его сторону, просительно разведя руки.

— Ну так экспиайте тогда эту проклятую молли, которая составляет такие приказы! Вырубите, отключите ее — взорвите ее!

— Нельзя. То есть, можно, конечно, но если мы уничтожим ту молли, нет никакой гарантии, что встроенные резервные копии не раскидаются по всему ящику. А не зная, где находятся все желпровода, мы не можем быть уверены в полном отключении граммы. И не можем позволить ей распространиться по вспомогательным хабам, местонахождение которых неизвестно, потому что тогда нам вообще никогда не распылить эту грамму.

Она словно змея. Ей можно отрубить голову, но тело будет извиваться еще много часов.

Несчастное выражение лица Минервы показывало, что она поняла.

— Значит, никто не может приказать этой грамме самоликвидироваться?

— Я был там. Разговаривал с ней. Она настаивает, что ликвидация граммы может быть достигнута только вводом «командной парадигмы, оттранслированной Клеатором Моккеркином» — отцом Катлы.

— Но ведь… ее отец умер, — воскликнула Форхорсес. Инспектор кивнул. — Значит, не осталось никого, способного закрыть эту грамму.

— Возможно, кое-кто и остался. — Карденас снова повернулся лицом к Катле Моккеркин. Также как и Минерва Форхорсес.

И упал духом, когда она ответила на его незаданный вопрос.

— Я не могу этого сделать.

— Почему же? — Он всем сердцем сочувствовал ей; этой бедной, забитой, блестящей девочке, у которой не было никакого настоящего детства. Она заслуживала лучшего. Все дети ее возраста заслуживали лучшего.

— Потому что я не знаю этой парадигмы. Как и приказ убить, мой лепero отец, должно быть, оттранслировал и ввел ее после того, как мы с мамой убежали с мистером Бруммелем.

У них не осталось никакого выбора. Придется ему отдать приказ вывести из строя молли, которая по-прежнему вращалась в недрах той подводной цитадели в Техасе. Если им повезет, грамма не распространится по всему уцелевшему ящику Мока. А если не повезет…

Она робко обратилась к нему жестом, прервав его печальные думы.

— Что такое, Катла? — спросил он как можно мягче.

— Я не могу ввести парадигму, потому что не знаю ее. Но, думаю, я смогу сделать нечто другое.

— Что именно, Катла? — Позабыв, что ей полагалось во время визита Карденаса держаться на заднем плане, Форхорсес поднялась со своего места и встала рядом с федералом.

Юные, но далеко не наивные глаза пристально смотрели на них обоих.

— Возможно, я сумею стереть всю систему. Это совершенно иная парадигма. Дело это непростое — понадобится сделать много шагов — но выполнимое. Я так думаю.

Мысли Карденаса так и закрутились в голове. Стирание

ящика Мока, безусловно, ликвидирует грамму, настойчиво приказывающую похитить или убить Катлу, но это также приведет к потере неисчислимо ценной для центрального управления СФП информации. Фамилии, цифры, статистика, места, истории совершенных и планы ожидаемых преступлений: все это будет утрачено. Он так и сказал, и заработал мрачный взгляд со стороны Минервы Форхорсес.

— Ничего из этого вы не потеряете, мистер Карденас, — умоляюще возразила Катла Моккеркин. — Федеральная Полиция сможет все это получить. Я ведь собираюсь попробовать стереть только ящик. — Она многозначительно коснулась виска кончиками пальцев. — А остальное, все прочее муй мало содержимое — оно по прежнему здесь.

В своей сиюминутной заботе о ее безопасности, он как-то позабыл о способностях девочки, и о том, почему Мок вообще так высоко ценил ее. Он поклялся никогда больше этого не делать.

— Скажи мне, какое тебе нужно оборудование.

Она показала на настенный аппарат.

— Думаю, это можно проделать и отсюда. Покуда у меня есть непрерываемый доступ к мегаскоростной связи и достаточно кранча. Только я… — на этот раз она не встретилась с ним взглядом — …только я не знаю… смогу ли я это делать.

Он успокаивающе положил руку ей на плечо.

— Почему же нет, Катла?

Она по-прежнему избегала смотреть ему в глаза.

— Мама моя умерла. У меня нет ни братьев, ни сестер. А если есть какие-то дальние родственники, то я не знаю ни кто они, ни где они. А теперь и отец мой тоже умер. Я не очень-то любила его. Он причинил зло многим людям. Но… он был моим папой. Материалы в ящике — это все, что от него осталось. Стереть их… это будет все равно как самой убить его.

— Оттранслированная им грамма в ответе за убийство твоей матери.

— Знаю! — Она вдруг чуть не расплакалась. — Неужели вы думаете, будто я этого не помню? Неужели вы не понимаете, что если бы я обращала больше внимания на ящик, то могла бы наткнуться на эту гнусную, ужасную грамму и что-то сделать с ней до того, как убили маму? Если б я постоянно следила, как мне следовало, ее могли бы и не убить. Но я держалась подальше от папиной системы. Я не хотела приближаться к ней, иметь к ней какое-то отношение. Думала… думала, если буду чересчур много зондировать, то она может выследить меня и выяснить, куда мы исчезли. Но мне следовало поступить как раз наоборот. Мне следовало сохранять с ней связь. Это я виновата. Мама не должна

была умереть! Она не должна была умереть!

Катла, рыдая, упала к нему в объятия. Он крепко обнял ее, прижимая к себе. Подняв взгляд он увидел, что Форхорсес странно глядит на них.

«Я знаю, что тут узы, — мысленно воззвал он к этой женщине, хоть и знал, что та не сможет почувствовать его мыслей. — Ты видишь это, а я это чувствую. Но да поможет мне Бог, у меня никогда не было своего ребенка, и я не уверен, что же делать. Тридцать лет интуитской тренировки, и я не знаю, что же делать».

Форхорсес знала, что делать. Она мягко освободила плачущую двенадцатилетнюю девочку из сочувственных, но неловких объятий Карденаса и, обняв залитую слезами Катлу, принялась медленно укачивать ее взад-вперед, постоянно шепча ей что-то. С темными пятнами от слез на груди тонкой рубашки, Карденас откинулся на спинку кресла и смотрел. И когда почувствовал, что прошло достаточно времени, то обратился к девочке со всей возможной эмпатией.

— Я понимаю, как это может быть для тебя трудно, Катла. Но если ты не остановишь сейчас эту программу, она будет и дальше отправлять людям приказы, велящие изловить тебя. Это было б не так уж и страшно. Но могут быть и другие приказы, повелевающие людям сделать нечто худшее. — Он умоляюще подался вперед. — Ты единственная, кто может положить этому конец, Катла. И я вынужден не согласиться с тобой по поводу того, о чем ты недавно говорила. Это не все равно, как если б ты кого-то убила. Ящик Мока всего лишь системная компиляция, коллекция бездушных внедренных грамм. Точно так же, как и любой другой ящик.

Тон Форхорсес отражал тщательный подбор каждого слова.

— Вы просите двенадцатилетнюю девочку, пережившую громадное эмоциональное напряжение, нырнуть прямиком обратно в самую середину источника ее дискомфорта.

— Это… это ничего, миз Форхорсес. — Катла отодвинулась и вытерла глаза тыльной стороной обеих рук. — Мистер Карденас прав. Я единственная, кто может это сделать. А сделать это нужно. — Она шмыгала носом между фразами. — Это следовало сделать давным-давно. Возможно, будь это сделано, мама была бы все еще здесь. — Поднявшись, она прошла к маленькому столу в углу комнаты. Взяв голком, она покрутила прибор в руке, манипулируя своими изящными, миниатюрными пальчиками на тот же лад, на какой разогревает палочку дирижер перед концертом.

Покуда Форхорсес и Карденас продолжали наблюдать за

действиями Катлы, сотрудница службы помощи наклонилась к нему и со страхом прошептала:

— Если девочка в результате этого пострадает от каких-нибудь вредных последствий, мне придется возложить ответственность на вас и СФП.

— Я давно уже принял на себя ответственность за серьезные происшествия, Минерва. — Он кивнул в сторону девочки. — Единственный, кто может спасти ее от этой граммы — это она сама. — В голове у него внезапно возникла парафраза из давно читанного. Плохие граммы, созданные людьми живут после них; а хорошие зачастую погребают вместе с их прежними молли. Он придвинулся немного ближе к Катле.

— Ты действительно можешь сделать это отсюда? — Он показал на голком, соединенный со стандартной коммерческой молли, которая в свою очередь соединялась через тарелку «Нокаролы» на крыше с далеким Большим Ящиком. — Тебе не нужно еще что-нибудь? Какое-нибудь сделанное на заказ оборудование, или связи с резервными копиями, или техническая помощь? Свежие желпровода или специализированные «вафли»?

На все еще не высохших слезах на лице Катлы мелькнул отблеск света, когда та живо замотала головой. И ответила она с полной уверенностью.

— У-у. Но проблемо, федерал. — Легкая улыбка, которую она сумела выдать, заставила девочку выглядеть намного младше ее дюжины лет. Выражение лица у нее при этом было обнадеживающе детским.

И то и другое поразительно контрастировало с ее словами и действиями, которые вполне подходили опытному зондировщику и ээ-улану. Когда Карденас вновь присоединился к Форхорсес, двое взрослых замерли в молчании, дивясь скорости и мастерству, с которыми девочка сперва получила доступ, а потом начала зарываться глубоко в Большой Ящик. С ее уст без всяких затруднений сыпались команды, которые зачастую были столь же непонятными, сколь и сложными. Образы в туннеле текли и возникали так стремительно, что Карденас не мог за ними уследить. И сам далеко не средний ящикорез, он с благоговейным трепетом наблюдал за этим ловким, словно бы не требующим никаких усилий представлением.

В плечо его впились пальцы. Заставив себя оторвать взгляд от происходящего прекрасного танца девочки с голкомом, он уставился в пораженные глаза Минервы Форхорсес. Рот ее был разинут, но никаких слов не раздавалось. Вместо этого она тыкала перед собой пальцем другой руки.

В ногах большой двуспальной кровати по другую сторону

комнаты возникло полдюжины крошечных машин. Самая большая достигала всего сантиметра в высоту и щеголяла тремя крутящимися антеннами. Стоявшая рядом с ней была одноглазым созданием с тусклой поверхностью и походила на миллипед с танковыми гусеницами. Другие четыре устройства выглядели ничуть не менее диковинными. И чтобы понять, чем они занимаются, вовсе не требовалось быть инженером или дизайнером.

Точно так же, как и находящиеся в комнате люди, они наблюдали за Катлой Моккеркин в действии.

— Бопсы, — кратко заметил он.

— Чего они хотят? Как они сюда попали? — Реакция Форхорсес на совершенно неожиданное появление миниатюрных механизмов ничуть не отличалась от реакции всех прочих. Она была одновременно и заворожена и насторожена. — Сюда ничто не должно было проникнуть. Это же дом безопасности.

— Он по прежнему безопасен. — Карденас не мог дать гарантии этого утверждения, но опыт показал ему, что, к чему бы не стремились бопсы, это никак не связано с насилием. Если, конечно, не считать человеческого насилия, направленного против бопсов. — Они не станут ее тревожить. Просто не обращайте на них внимания.

— Именно это все и советуют делать. — Внимание Форхорсес по-прежнему осталось прикованным к загадочно симпатичным маленьким битботам. — Я больше беспокоюсь за Катлу.

Карденас кивнул в сторону девочки.

— Тело ее, может, и здесь, но ее церебро носится где-то внутри Ящика. Сомневаюсь, что она сейчас осознает наше присутствие. — И в самом деле, отсутствующее выражение на лице у девочки показывало, что та работала в состоянии, близком к самонаведенному трансу, насколько такой посилен для двенадцатилетней девочки.

Поэтому Форхорсес сохраняла спокойствие, не двигалась в сторону крошечных визитеров и не выкрикивала предупреждения Катле. Бопсы, со своей стороны, сидели или стояли, в соответствии со своей конструкцией, и смотрели в почти абсолютной, непроницаемой тишине. Как и Форхорсес, Карденас поймал себя том, что гадает, чего же они хотят, что же они думают. Если они думали. Все наверняка известное о бопсах не заполнило бы и единственного чипа в молли размером с шарик подшипника.

Тут они напрочь забыли и о самих бопсах, и о их происхождении, и о их намереньях. Вдали что-то громыхнуло, и комната слегка вздрогнула.

— Звук, словно кто-то врезался в стену на грузовике, — нахмурилась Форхорсес. — Или уронил что-то крупное.

Карденас уже вскочил на ноги и направлялся к единственному окну комнаты. Щелкнув кнопкой, опускавшей стеклянную раму над нижним воздуховодом, он прищурясь посмотрел сквозь заряженную противомоскитную сетку. Взгляд его скользнул по гравию и декоративному ландшафту, равно как и по выбеленной бетонной стене, устремляясь вверх по каменистому склону горы, замыкавшему западный конец каньона. В поле зрения ничего не двигалось, чему он порадовался. При неожиданном грохоте Катла Моккеркин оторвалась от своей работы, но лишь ненадолго. Когда она снова принялась зондировать, предчувствующая недоброе Форхорсес пригнулась рядом с Карденасом.

— Что это? Вы что-нибудь видите? — Ее глаза расширились, когда она увидела в его руке пистолет. То была довольно массивная департаментская модель. В отличие от ультра-компактного оружия, которое он брал с собой в Коста-Рику и Масматаморос, этот большой трехобойменный пистолет был каким угодно, только не прозрачным. — Для чего это? — спросила она, почти сразу же осознав глупость этого вопроса.

— Пригнитесь. — Схватив женщину за рукав рубашки, он увлек ее на пол рядом с собой. — Это был не грузовик. — Едва он договорил, как по спальне прокатилась рябь нового грохота, миниатюрный звуковой удар, раздавшийся на расстоянии излишне близком, на вкус инспектора. — Кто-то стреляет по дому.

— Но это невозможно! — Сотрудница службы помощи была до крайности потрясена — и, как увидел Карденас, напугана. — Мне говорили, что никто не может въехать в этот каньон без разрешения охраны СФП.

— Обязательно скажем об этом тем, кто стреляет. — Карденас был не в настроении тратить слова на светские любезности. Если Форхорсес не нравится его тон, она может запереться в ванной. Повысив голос, он крикнул: — Как там у тебя дела, Катла?

Ответ девочки представлял собой приглушенное бормотание, словно донесшееся откуда-то издалека.

— Отлично, полагаю. — Уточнять она не стала, а Карденас благоразумно решил не нажимать на нее. Пусть занимается своим делом. А он тем временем займется своим. Поглядев в одну сторону, он увидел клокочущий в ящичном туннеле водоворот информации. Взглянув в другую, увидел шестерых бопсов, стоящих на полу, блаженно игнорируя его, и увлеченно

наблюдающих за усилиями Катлы. Они не двигалась и никак не прореагировали на пару взрывов.

Что-то бухнуло по двери. Резко втянув в себя воздух, Форхорсес попыталась двинуться к Катле, но Карденас удержал ее. Одновременно он сел на пол и прислонился спиной к стене под окном. Жаркий сухой воздух пустыни вливался в комнату у него над головой, ероша волосы, сталкиваясь с кондиционированным воздухом комнаты. Подымая дуло служебного пистолета, он прокрутил диск настройки через «Нарколептические» и «Паралитические», прежде чем установить на «Разрывных». Теперь он мог при желании разнести в клочья дверь, добрый кусок коридорной стены за ней и все органическое, имевшее несчастье оказаться между ними.

Покуда инспектор и сотрудница службы помощи ждали, не шевелясь, дверь широко распахнулась. В комнату девочки ворвалась массивная фигура, сжимающая очень крупногабаритное автоматическое оружие. Глаза Форхорсес расширились, она втянула в себя воздух, а палец Карденаса напрягся на спуске пистолета.

18

Выпустив дыхание, которое он, сам того не сознавая, задержал, Карденас опустил оружие и сделал Хаяки знак пригнуться. Упав на четвереньки, сержант заполз в комнату и присоединился к сотруднице службы помощи и напарнику. Грохот, который насторожил инспектора, раздавался теперь громче, ближе и чаще. Эхо выстрелов говорило, что защитники дома открыли теперь ответный огонь.

— Сколько?

Хаяки вежливо кивнул съежившейся Форхорсес.

— Пока нельзя сказать наверняка. С десяток, а может, и больше.

— Как они получили доступ?

— Не знаю. — Подняв голову в теплый поток воздуха, Хаяки выглянул в окно. — Об этом будем беспокоиться потом. А сейчас все больше озабочены из-за тех, кого мы не смогли подсчитать. Пара сумела добраться до самого навеса для машин. Главное здание по-прежнему цело. Мак-Карди занят попытками установить надежный периметр. — Он посмотрел в сторону бушующего туннеля. — Как я понимаю, она увлечена не игрой.

Выражение лица Карденаса избавило сержанта от любых нужных объяснений.

— Я так и подумал. Что она делает?

Повернувшись, инспектор слегка приподнялся и оперся дулом пистолета о подоконник. На склоне горы напротив наблюдалось движение. Он с силой ткнул дулом пистолета вперед. Оно продырявило противомоскитную ширму. Тщательно прицелившись, инспектор выстрелил. Форхорсес вздрогнула. А погрузившаяся с головой в собственный мир Катла Моккеркин не обратила на этот шум за спиной ни малейшего внимания. Вдали за стеной приусадебного участка удивительно большой объем гранита, кедра и кустарника разлетелся в разные стороны градом новообразованного гравия и щепок. Движение на склоне горы не повторилось.

— Убивает своего отца, — уведомил Карденас своего напарника. — Хотя, возможно, более подходящим описанием будет изгнание нечистой силы. — И объяснил, продолжая обшаривать взглядом горный склон.

— Так ты думаешь, что рвущиеся сюда действуют по приказу этой граммы-одиночки? — Хаяки занял позицию рядом с напарником, проткнув противомоскитную ширму стволом своего куда более мощного оружия на другом конце окна. Форхорсес

сидела, прислонясь спиной к стене, обхватив руками прижатые к груди колени.

— Не могу быть уверен. — Карденас всегда хорошо стрелял. Конечно, разрывные пули, на стрельбу которыми был теперь установлен его пистолет, допускали большую погрешность в прицеливании. — Очень даже может быть. За мной могли проследить досюда. Или же кто-то сумел расколоть код и установить местонахождение через департаментский ящик. — Он кивнул на склон горы. — Это могут быть инзини, или озерники, или какая-то другая группа, которой очень хотелось бы выжать мозг девочки, как старую половую тряпку. Только этому не бывать.

— Да. — Расположив свое оружие, Хаяки выстрелил. Для столь впечатляющего убойного устройства, громыхнуло оно на удивление негромко. — Не бывать. — Заметив что-то справа и чуть позади, он кивнул в сторону наблюдающих бопсов.

— Откуда они взялись?

— Ответь на это сам, — отозвался Карденас, — и можешь потребовать за ответ любую цену и купить себе собственную полицию.

Что-то ударило по крыше западнее комнаты. На скрючившихся у окон посыпались осколки потолка, изоляции и пыль. Катла Моккеркин проигнорировала это вторжение. Карденасу никогда не доводилось видеть никого, ни ребенка, ни взрослого, настолько сосредоточенным на механике зондирования. Равно невозмутимые бопсы стояли не шелохнувшись.

— Не так-то легко напугать этих маленьких кукарачас[61], верно? — непочтительно заметил Хаяки.

— Не трудно быть бесстрашным, когда не понимаешь, что значит смерть. — Палец Карденаса начал было давить на спуск пистолета, но расслабился, так и не выстрелив. Замеченное им движение оказалось всего лишь перепуганным кроликом, давшим деру из норы с такой скоростью, с какой только могли нести его группы быстро сокращающихся мышечных волокон замечательных ног. Грохот стрельбы стал теперь постоянным, похожим на гром надвигающейся муссонной грозы.

— По крайней мере, — закончил он, — я полагаю, что они его не понимают. Я еще не встречал такой машины, которая понимает.

— Пожалуйста, не могли бы вы перестать говорить об этом? — Отражая профессиональную озабоченность, Форхорсес дернула головой в сторону девочки. Ей не требовалось беспокоиться, заметил Карденас. Катла углубилась в игру с

ящиком, не замечая стрельбы и шума.

Никто не прибежал, чтобы приказать им эвакуироваться или перебраться в другую часть дома. В этом отношении, размышлял Карденас, отсутствие новостей не было хорошей новостью — невзирая на противоположное мнение Линкольна.

Однако кое-кто прибежал, но с другой целью. Эта женщина была очень тоненькой, очень ловкой и чрезвычайно решительной. Но за время, которое ей потребовалось на то, чтобы распахнуть дверь, быстро окинуть взглядом комнату и обнаружить Катлу, Хаяки с Карденасом успели переключить внимание с окна на нее. Когда ворвавшаяся подняла пистолет, а Форхорсес попыталась выкрикнуть предупреждение, оба мужчины одновременно выстрелили. Когда пыль рассеялась, от матары очень мало что осталось — как, если уж на то пошло, и от двери.

— На ремонт, вероятно, вычтут из нашего жалованья. — Хаяки кивнул на дымящиеся обломки, бывшие некогда входом в комнату.

— Полицейская работа не отличается аккуратностью, — равнодушно отозвался Карденас. И показал на видневшуюся поблизости на стене точку, где в композит вонзился крошечный шприц. Та женщина сумела-таки сделать один выстрел, прежде чем федералы разнесли ее на атомы. И этот шприц наверняка содержал мизерную дозу чего-то неприятного и, вероятно, смертельного. Проведя мысленную линию, Карденас прикинул, что заряд прошел всего в полуметре над головой Катлы. Насколько он мог судить, та и ухом не повела.

А в туннеле бурлили странные образы, когда девочка играла на ящике, как на электрической скрипке. Особенно беспокоило множество стремительно появляющихся и исчезающих трехмерных призраков. Они, похоже, не тревожили серьезную двенадцатилетнюю девочку, которая продолжала что-то тихо шептать в голком. То, как она крутила его двумя пальчиками, позволяя парить над губами, граничило с извращением.

— Анхель!

Обернувшись на крик Хаяки, Карденас вновь навел пистолет на разрушенный дверной проем. Глаза появившегося в проеме человека с пистолетом вылезли из орбит. Ноги его пытались найти точку опоры, оскальзываясь среди обломков и останков несостоявшейся убийцы.

— Господи, поосторожней, ребята!

Оба федерала опустили оружие. Новоприбывший был одним из своих. Он тяжело дышал, и взгляд его перескакивал с работающей за ящиком девочки на испуганную сотрудницу службы помощи и на вооруженных готовых к стрельбе коллег.

— Мы надежно обеспечили три азимута на периметре, с четвертым, переходящим под контроль. — Раскрасневшийся от притока адреналина, этот молодой парень ухитрялся выглядеть одновременно и напуганным, и измотанным, и возбужденным. Такое бывает с людьми, когда в тебя стреляют, Карденасу это было хорошо известно. — Лейтенант Мак-Карди говорит, что если вы хотите перебраться в холл, там уже безопасно.

Держась в стороне от окна, Карденас медленно поднялся на ноги.

— У нас здесь все в порядке. Передай Митчу.

Молодой федерал энергично кивнул.

— Если будут какие-то изменения, я дам вам знать.

— Как им удалось проникнуть в охраняемую зону? — Хаяки тоже встал. И тоже избегал стоять перед окном.

Вестник покачал головой.

— Это выясняют. Митч просит не беспокоиться. Брешь найдут и заткнут. — И с этими словами он снова исчез в коридоре.

Внимание Карденаса привлек треск, раздавшийся в глухо бурлящем туннеле. Когда он посмотрел подольше, бушующие образы растаяли, а в туннеле наступило затемнение. Катла Моккеркин положила голком на стол. Возможно, ее последние слова достигли звукоуловителя, — а возможно, и нет. Справа на полу возникло некое движение. Карденас мельком увидел, как уносятся прочь чуждые человеку конструкции из керамики, металлизированного стекла и композита. Приблизив голову к полу и повернув ее вбок, он попытался заглянуть под кровать. Там было темно, и он не увидел норы. Но бопсы исчезли, так же бесшумно и незаметно, как и появились.

— Прощай… папа, — услышал он последние слова Катлы Моккеркин. Прозрачные глаза посмотрели на него, когда он поднялся на ноги. — Я устала, мистер Карденас.

— Знаю, Катла, — сочувственно ответил он. — Знаю. — Он показал на погасший теперь туннель и на все, что совсем недавно было внутри. — Все кончено?

Она кивнула и смахнула с лица волосы.

— Исчезло. Все исчезло. Я стерла всю систему, от Южного Техаса до Санхуаны, по всей Полосе. От Мэна до Мадагаскара. Там все исчезло. Все, что создал мой отец. Я перерезала все нити.

— Молодец, — вот и все, что додумался сказать Карденас.

Маячивший рядом с ним массивный Хаяки не побоялся высказать собственное мнение.

— У местных филиалов будут резервные копии.

— Для местных нужд. Любой расширенный ящик, хоть законный, хоть противозаконный, все равно, что дракон.

Отрубишь ему голову, а прочие его части все равно могут причинить тебе немало неприятностей. Но только если они способны сотрудничать друг с другом. Главное было гарантировать безопасность Катлы. Сосредоточившаяся на Катле грамма была высокоцентрализованной. При стертом ядре согласованности больше нет. Нечто подобное, носящее личный характер, не будет поддерживаться на местном уровне. Такого не позволил бы себе даже такой лепero, как Моккеркин. — Он встретился взглядом с озабоченной Форхорсес. — Теперь, когда эта опасность стерта в порошок, мы можем, ничем не рискуя, нацелиться на уцелевшие изолированные сегменты скверного бизнеса Мока. Катла расскажет, как и где их найти.

Хаяки многозначительно кивнул.

— А как насчет других, которые тоже гонялись за ней? Немоковских элементов? — Он показал за окно. — На них-то ведь ликвидация команды захватить или убить девочку не повлияет.

— Да, — признал Карденас, — но они хотели заполучить ее в свои руки с целью добыть сведения о внутренних механизмах бизнеса их конкурента. И когда этот бизнес начнет разваливаться, либо от истощения, отсутствия руководства из центра, либо из-за того, что СФП будет энергично арестовывать народ, они живо потеряют интерес. Подробное знание Катлой дел рушащегося предприятия быстро утратит всякую ценность. Что же касается воображаемого квантового средства похищать разные виды ценного кранча, то скоро пойдет гулять слух, что это не более чем дурацкая несбыточная мечта. — Он откинул голову назад, обратив взгляд к потолку. В комнату вторгся глухой механический гул.

— Эвакуационный вертипроп подлетает, — заметил он. — Им потребовалось довольно много времени. — Сунув пистолет в кобуру, он оглянулся на девочку. Форхорсес стояла рядом с ней, по-матерински успокаивающе шепча ей что-то. Катла кивала в ответ. Инспектор слегка толкнул напарника локтем в бок. Хаяки уловил намек друга, и двое федералов безмолвно покинули комнату, предоставив сотруднице службы помощи и дальше утешать эмоционально опустошенную двенадцатилетнюю девочку. Как бы ни был Карденас озабочен состоянием девочки, он достаточно долго жил на свете, чтобы знать: бывают времена, когда, невзирая на личную заинтересованность, лучше предоставить делать свое дело кому-то другому, чем лезть в него самому.

Кроме того, он изнывал от жажды и проголодался, и безотносительно к текущему положению дел снаружи, ему очень настоятельно требовалось отлить.

Он только что вышел из душа, когда приятный женский голос кодо-синапса уведомил, что к нему пришли. Вытирая затылок прихваченным из ванной банным полотенцем, он прошел к всегда включенному туннелю, прилипшему в одном углу кабинета и солиситарил идентификацию. Усиленный для улавливания звуков во всей комнате, голком прямиком передал его запрос скрытой молли.

В глубинах туннеля материализовалось изображение. В нише для визитеров на первом этаже стояла, ожидая допуска в лифт, Минерва Форхорсес. По контрасту с последним разом, когда они виделись, она выглядела шикарно в костюме из вельфволокна, с сумочкой в тон к нему, в туфлях последней модели и широкополой термотропической шляпке. А внешность спутницы сотрудницы службы помощи, в противоположность последним случаям, когда он с ней встречался, еще больше приковывала к себе внимание.

Одетая в шнур-платье из зелено-голубого мигальника, обвивавшего ее расцветающую фигурку, словно сжимающий кольца питон, Катла Моккеркин выглядела не только на несколько лет старше своего реального возраста, но и откровенно изысканной. Соответствующий платью легкий радужный головной убор защищал ее макушку от сонорского утра и откидывался на затылок, перепутываясь с волосами. Когда она двигалась, он мигал и переливался даже в ограниченном пространстве входной ниши кодо-комплекса. Из висевшей у нее на плече сумочки с повышенной степенью сохранности выглядывала пара музолинз. Каблуки ее полупарадных туфель были отключены для пешей прогулки, их интегрированная внутренняя гидравлика бездействовала.

— Минерва, Катла! Какой приятный сюрприз. Заходите, — пригласил он их через туннель, произнеся после этого устный код допуска, который даст двум женщинам доступ в лифт кодо-многоэтажки.

Вытирая из волос последние остатки влаги, он быстро двинулся накинуть какую-нибудь одежду. С тех пор, как он в последний раз видел и дочь Мока и ее психунку, прошло уже несколько недель. Неотложная работа в Департаменте заставила его снова погрузиться в текучку и поток жизни на Полосе. Он не забыл о девочке, но вынужден был отодвинуть эту заботу в самый конец своих мыслей. Одно из первых правил, которые усваивал в полицейском училище любой новичок, заключалось в том, что поглощенный мыслями полицейский был полицейским, нарывающимся на раннюю смерть.

Перемена в Катле Моккеркин была совершенно явственной и далеко не ограничивалась ее модным нарядом. Глаза девочки смотрели на окружающий мир, а не внутрь, и стояла она выпрямившись, а не сгорбившись, как ребенок, постоянно ожидающий удара. Даже шаг у нее сделался иным, более широким и уверенным, словно она искала, куда б еще пойти, а не как обойти в страхе стороной. Стоявшая перед ним сейчас привлекательная, уверенная в себе личность намного больше походила на молодую женщину, чем на испуганного ребенка.

Но настороженность по-прежнему осталась, проявившись в том, как ее взгляд обшарил дальние углы помещения и быстро метнулся к окну, ведшему наружу. Со временем и при дальнейшей спокойной жизни страх и недоверие должны постепенно сойти на нет, хотя, как подозревал Карденас, они никогда не покинут окончательно.

Он двинулся было обнять ее, но сдержался. Те отношения, которые сложились между ними, были искусственными, следствием трагических обстоятельств, которые и толкнули их друг к другу. Они не выдержат испытания временем. А попытки укрепить их, пусть даже самые невинные и доброжелательные с его стороны, никак не посодействовали бы растущей независимости девочки. Он удовольствовался сердечным, насквозь профессиональным рукопожатием и улыбкой.

— Рад снова видеть вас обеих. — Он переключил внимание на сотрудницу службы помощи. — Чем обязан честью этого визита?

— У нас есть кое-какие новости. — Когда в Форхорсес никто не стрелял, она так и светилась. — Хорошие новости. Правда, Катла?

Девочка кивнула, сфокусировав половину своего внимания на Карденасе, предназначив оставшееся для интерьера его кодо. Было очевидно, что даже в доме федерала она все еще не чувствовала себя в полной безопасности.

— Я уезжаю. Покидаю Полосу. Я буду скучать по некоторым друзьям, но все говорят, что мне нельзя вернуться в мой соче. И я понимаю, почему. — Улыбка у нее по-прежнему оставалась робкой, а сама она — углубленной в себя. — Все будет в порядке. Я привыкла к переездам.

Проводив их внутрь, Карденас жестом предложил им присесть на кушетку. Минерва с благодарностью приняла холодную гарану, тогда как девочка выбрала ролу. Карденас как обычно заварил себе кофе со льдом.

— Тебе теперь ничего не должно больше угрожать, Катла, — сказал он ей. — Воспользовавшись той информацией, которую ты

нам предоставила, мы арестовали почти всех важных помощников твоего отца вместе с великим множеством более мелких и прикрыли их разбросанные повсюду операции. Другие скверные парни, которые охотились за тобой, взяли это на заметку. Насколько мы могли определить, это заставило их быстро утратить интерес к тебе. Но сотрудники Департамента Общественных Ресурсов и мои друзья в СФП правы: просто для пущей уверенности тебе будет безопасней и удобней жить под другим именем, в другом месте.

— Именно это мы и пришли вам сказать. — Форхорсес явно волновалась за девочку. — Отдел генеалогии сумел найти ее тетю и дядю, про которых она даже не знала. В Новой Англии. Небольшой городок, приятное окружение. Все тщательно проверили и сочли безопасным. У той пары есть двое детей: мальчик пятнадцати лет и девочка четырнадцати лет. Они согласились принять Катлу в свою семью. Через год будут инициированы официальные процедуры по удочерению. Я не предвижу никаких проблем. Катла станет Гармонией Джин Френсис.

Девочка робко наклонила голову.

— Мне всегда нравилась певческая гармония, но у меня ее никогда не было. А теперь я буду Гармонией. Это очень вакан.

— Я тоже так думаю, — согласился он. Щеки Катлы залил румянец смущения — или, возможно, надежды.

Он с миг поразмыслил.

— Как тебе понравится встретиться с одним моим старым другом? С таким, с которым ты сможешь без риска поговорить даже в своем новом доме в Новой Англии? — И в ответ на встревоженный взгляд Форхорсес поспешил успокоить сотрудницу службы помощи. — Не беспокойтесь. Это никоим образом не поставит под угрозу ее новую личность.

— Разумеется. — Девочка с любопытством посмотрела на него. — Я не прочь.

Поднявшись с кушетки, он жестом предложил ей проследовать за ним к противоположной стороне кабинета. Усадив ее в кресло перед столом, он встал рядом.

Взяв голком, он активировал туннель и проинструктировал молли-драйвер принимать открытые команды. А затем передал прибор устного ввода ей. Она выжидающе посмотрела на него, чувствуя себя внутри ящика уютней, чем в чьей-либо квартире. Наклонившись и приблизив рот к самому ее уху, он прошептал ей что-то, но очень тихо, так что Форхорсес ничего не расслышала. Сотрудница службы помощи продолжала неуверенно следить, лицо ее отражало озадаченность.

Катла внимательно выслушала, состроила гримаску, но наконец кивнула. Поднеся голком к губам, она повторила ожидающей молли команду, которую он ей шепнул.

— Входит Чарлибо: собака.

Возникший в туннеле голографический образ был настолько полон жизни и выразительности, что вошедшему в тот момент в комнату постороннему было бы простительно принять его за настоящую собаку. Образ этот, как знал Карденас, мог стать еще более аутентичным, но не сделает этого без специализированной провокации, с какой Катла, в скором времени Гармония, надо надеяться, никогда не столкнется. Подавшись еще дальше вперед, он проговорил в голком:

— Чарлибо, особу рядом со мной зовут миз Гармония Френсис. Она мой добрый друг. Я хотел бы, чтобы ты тоже стал ее другом.

Необыкновенно жизнеподобная голограмма большой немецкой овчарки смерила его в ответ серьезным взглядом. Затем она переключила внимание на девочку, свесив на левую сторону светящийся язык, живо виляя хвостом из переливающегося кранча, разглядывая ее глазами, составленными из бесчисленных накоплений замысловато оттранслированных окулярных грамм.

Катла была прямо заворожена.

— Что он умеет делать?

— Ты здорово удивишься, когда узнаешь. Сам я здорово удивился. Я мог бы тебе сказать, но предпочел бы дать поэкспериментировать самой. Чарлибо очень разносторонний. Он будет с тобой играть, составит тебе компанию и даже посторожит тебя. — Он успокаивающе, по родительски положил ладонь ей на плечо. — И ты сможешь брать его с собой, куда б ни захотела, куда бы ни отправилась. Везде, где есть доступ к Большому Ящику, ты всегда найдешь Чарлибо. — Он отступил на шаг. — Почему б вам не познакомиться?

Зачарованная, она с головой окунулась в завязывание дружбы с этой собачьей граммой. Оставив ее у экрана, Карденас с Форхорсес тихонько вернулись обратно к кушетке и креслам перед широким фототропическим окном.

Увиденное произвело на сотрудницу службы помощи не просто сильное впечатление.

— Это самая реалистичная программа животного, какую я когда-либо видела! Где вы ее купили?

— Я ее не покупал. Это продукт кой-какой работы, которую мне пришлось проделать некоторое время назад, в «ДженДайне». Чарлибо был настоящей собакой. Моей собакой. Некоторое время, много лет назад, он также был моими глазами. Он погиб, делая

свое дело, но сущность его удалось скачать и превратить в независимый психоморф. Не просите меня объяснить технологию. Ящичные дизайнеры получше моего все еще пытаются разобраться с этим. Но органический или граммический, он по-прежнему мой пес. А теперь он также и пес Катлы, даже если существует лишь в качестве морфологического резонанса, обитающего в самых глубоких щелях Большого Ящика.

Форхорсес усиленно пыталась понять.

— Вы сказали, что он сможет быть ей другом. Это мне понятно. Но что вы имели в виду, когда сказали, что он сможет и охранять ее?

Выражение лица Карденаса стало серьезным.

— Если того требует ситуация, Чарлибо может делаться совершенно осязаемым.

Челюсть у нее так и отвисла.

— Никакая частная грамма не может становиться осязаемой! Подобная технология предназначена только для военных. — Он ничего не сказал; просто посмотрел на нее в ответ. Она резко втянула в себя воздух и медленно кивнула. — Ладно, впечатление на меня вы произвели. — Она бросила взгляд на девочку перед туннелем в противоположном конце кабинета. — Вы уверены, что он не причинит ей вреда?

— Чарлибо не причинит вреда никому и ничему, одобренному мной. У нее все будет отлично. И даже если ей никогда не понадобится позвать его на помощь, она будет чувствовать себя в большей безопасности, зная, что он тут. Это все равно, что воображаемый пистолет, который отец положил тебе в детстве под подушку для борьбы с ночными чудищами.

— Что?

— Неважно. У меня есть два выходных. Что вы делаете сегодня вечером?

Выражение ее лица стало удивленным. По правде говоря, он и сам был немного ошеломлен энергичностью этого предложения.

Это было месяц спустя, когда он сидел перед активированным туннелем у себя в кабинете в центре города, прокручивая фоновую информацию по делу, которое им с Хаяки поручили расследовать, когда по всему инфовоиду перед ним нагло выплеснулось объявление.

МЕСТЬ ЗА МОКА!

Оно поразило его, а Анхель Карденас был не из тех, кого

легко поразить. Оно висело, неярко светясь у него перед глазами, плавающие в темноте туннеля буквы. Первой его реакцией была мысль, что это шутка, состряпанная, вероятно, Хаяки или кем-то из ребят в Архивном Отделе.

Но при быстром отслеживании идентифицировать отправителя не удалось, а более глубокое зондирование заблудилось в дальних туманах и тайнах Большого Ящика. Определить он сумел лишь одно: кто б там его ни отправил, исходило оно не из Департамента.

Это, конечно, не исключало возможности того, что данное объявление просто хохма, устроенная каким-то другом или коллегой. Но тем не менее… Он сделал запись самого объявления и относящегося к нему пути поступления, насколько ему удалось его отследить. Не могло ли оно исходить от одного из подчиненных Мока? Большинство из них сидело за решеткой, дожидаясь суда или уже отбывая срок. Но не было никакой гарантии, что в ходе зачистки, выполненной на основе подробных сведений, предоставленных Катлой Моккеркин, переловили абсолютно всех.

Была, конечно, еще и враждебная грамма. Та, которая пыталась захватить или ликвидировать дочь Мока. Та, которая чуть не утопила его в подводном командном центре Мока в юго-восточном Техасе. Та моллисфера, которая, когда ее демонтировали и проанализировали, снабдила богатой жилой инфокранча правоохранительные органы десяти стран.

Может, та центральная молли выплюнула последнюю мстительную команду перед тем, как ее отрезали от своего ящика и удалили? Вообще-то мстительность это не то качество, какое обычно приписывали инертным граммам. Что, если какая-то созданная в последнюю минуту ренегатская мутация главной молли Мока сумела остаться незамеченной и со своей базы в Белизе, на Барбадосе или в Ботсване замышляла месть федералу, ответственному за прекращение деятельности ее ядра?

Такая идея представлялась совершенно бредовой. Мало кто поверил бы в нее хоть на миг. Но Карденас провел больше времени за зондированием Большого Ящика, чем другие, и видел самое худшее из того, что тот мог сделать. Ящик был странной территорией. Местом, где никто, даже те, кто повседневно пополнял его, ремонтировал и использовал, не мог вполне понять природу того, с чем работал. Местом, которое постоянно эволюционировало. Обычно в согласии с эволюцией человечества — но иногда, в зависимости от того, кому предпочитаешь верить, и без оного. Кто мог сказать, что возможно, а что нет в этой таинственной, полумагической математической среде, которая

являлась Ящиком?

И не имело значения, что кто-то нацелил на него — пистолет или грамму: он к любым угрозам относился всерьез. И не станет обходиться иначе с этой. Если это хохма, он скажет пару ласковых тем, кто ее устроил. А если это грамма, то он доберется до ввода.

И взяв голком, он принялся давать отпор.

Опадали пожухлые листья. Гармония Френсис сидела на подоконнике второго этажа у себя в спальне в Вермонте и смотрела, как их сгребают в кучу на лужайке перед домом. Было тихое сентябрьское воскресное утро. Ее названные брат и сестра еще спали. Они вообще спали дольше, чем она, потому что они-то привыкли к тихим воскресным утрам. А поскольку Гармонии довелось наслаждаться в жизни очень немногим, для нее эти рассветы по-прежнему отдавали новизной. И потому она не хотела упустить или потерять понапрасну ни одного из них.

В поле зрения появился ее дядя Джим с электрограблями в руке и приступил к извечному спортивному упражнению ранней осенью в Новой Англии, известному как сбор листьев. Внизу, как она знала, тетя Луиза синтила жидкое тесто для вафель с черникой, подаваемых на стол вместе с яйцами и беконом и шоколадным китовым молоком.

Негромкий звук отвлек ее внимание от окна. Опустив взгляд, она увидела стоящую на ковре возле ее левой ноги шестиногую машину величиной с большой палец. Четыре крошечных линзы глянули на нее в ответ, когда миниатюрная головка с любопытством чуть склонилась набок. Устройство издавало тихое, непрерывное, и довольно приятное механическое мурлыканье.

— Ну, — воскликнула со спокойным удивлением она, — и откуда ты взялся? Из той мышиной норы на чердаке? — В голове у нее непрошено возникла знакомая детская песенка. «Сколько бопсов белый бопс бил бы батогами, если б белый бопс бил бы бопсов в барабане?»

Бопсы наблюдали, но не взаимодействовали. Это было общепринятой мудростью. А этот, вместо того, чтобы просто таращиться или убраться, приблизился к ней. Тетя Луиза ударилась бы в панику, если б его увидела, а дядя Джим, вероятно, замахнулся бы на него лопатой или ботинком. Поколебавшись с миг, она протянула руку вниз. Бопс сразу же шмыгнул вперед и к ней на ладонь. Подняв машинку, она уставилась на нее, дивясь на квартет миниатюрных рубиново-красных линз.

— Что вы собственно такое, малыши? Чего вы от нас хотите?

И чего вы хотите от меня?

Тут из под кровати, из ванной, из-под двери чулана появились новые бопсы. Десятки новых бопсов. От разнообразия форм и размеров просто дух захватывало. Не попадалось и двух похожих. Все выглядело так, словно они экспериментировали над самими собой, ища идеальную структуру, пытаясь найти наилучший способ быть тем, чем они были. Это она могла понять. Она и сама во многих отношениях шла тем же путем. Тихо стрекоча, жужжа и гудя про себя, они карабкались на подоконник, и к ней на плечи. Может, они вместе и эволюционировали, размышляла она, но кто из них щекотливей, не вызывало никаких сомнений. Покрытая любопытными жучками, она захихикала, а затем рассмеялась.

И гадала, что подумал бы об этом тот симпатичный федерал Анхель Карденас.

Эль Фин[62]

ГЛОССАРИЙ ИСПАНГОНА (испано-английского жаргона)

Выражения

«Андаль!» — пшел! Убирайся! От исп. andale — уматывай.
«Вердад» — правда; это точно. От исп. verdad — «правда».
«До опто» — взять что-либо по максимуму.
«Комо се происходит?» — «Что происходит?»
«Фаз» — сказочный, великий, чудесный.
«Хох» — восклицание на Полосе. Аналогично «Тпру!»
«Что за хрень?» — что стряслось?

Глаголы

Примечание: в жаргоне Полосы многие испанские глаголы «довешены» путем англицизирования их первоначальных суффиксов. Например, к глаголу солиситар (просить, ходатайствовать) вместо обычных испанских окончаний добавляется англ. — ed и — ing (или по-русски соответственно — ить, — ил или — ила). Получается, «он о чем-то солиситарил» или «она что-то солиситарила».

аблать — говорить или сказать что-либо. От исп. hablar — говорить

амбулать — идти, ехать, двигаться

аррибал — прибыл; аррибать — прибыть. От исп. arribar — прибыть

бунговать — употребляется в том же смысле, что и незить

веть — ошиваться, якшаться с кем-либо

витализировать — создать или сотворить что-либо (преимущественно — объемное изображение). От англ. vitalize — оживлять

вихрять — убираться прочь; рекомендовать кому-либо уматывать, сгинуть

волубать — сказать, говорить. От англ. voluble — говорливый, разговорчивый

дракулить — «увести» у кого-либо кровь

задокать — законопатить кого-либо (как в архаическом английском выражении «посадить в док», т.е. на скамью подсудимых — только хуже)

иденить — идентифицировать, опознавать, устанавливать личность

каньонить — глубоко резать

карнить — атаковать гражданина назойливой рекламой

когать — трахать. От мекс. жарг. coger

когитать — делать, творить, изобретать. От англ. cogitate — обдумывать, придумывать, размышлять, замышлять

козить — использовать. Например, «козить для чего-либо»

кохонить — делать что-либо еще круче. От исп. cojones — яйца

мессить — отправлять мессагу; связываться

миккить — выполнять что-либо по индивидуальному заказу; особенно если это делает мультинат индустрии развлечений «Дисони»

незить — напортачить

портажить — нести, везти

пшикать[63] — показывать рекламу

радужить — менять цвет

распылить — убить

респирать — вымогать, обычно деньги

ромпать — разрушать. От англ. romp & исп. romper — уничтожать

ротать — украсть; ограбить кого-либо

сабать — знать. От исп. saber — знать, иметь понятие

скипнуть — взять или уволочь. От англ. жарг. skip — слинять

скостить — «увести» у кого-либо кости и костный мозг

скрагать — излупцевать кого-либо

снекать — поймать, перехватить что-либо

солиситарить — просить, ходатайствовать. От исп. solicitar — просить, добиваться и т.д.

сомберить — говорить мрачно. От исп. sombra — тень

фактурить — создавать или производить что-либо

фасилить — не напрягаться, расслабиться. От англ. facile & исп. facil — легкий, не требующий усилий

чпокнуть — открыть

шлаковать — водить кого-либо за нос; дразнить. А также плавить что-либо

шрудать — отчетливо говорить или воспринимать. От англ. shrewd — проницательный, тонкий, трезвый, расчетливый и т.д. и т.п.

шунтить — синоним слова амбулать

экспиать — убивать. От англ. expiate — искупить (грех и т.п.)

юлать[64] — передавать что-либо

Другие

агро — агрессия. Агрессивная личность. Из новозеландского сленга

антиоб — антиобщественный элемент, криминальный тип

берли — особенно грязный или скверный мусор; барахло. Из австралийского сленга

биохир — хирург продвинутый по части мастерского управления механическими устройствами

блестка — нелегальный наркотик

Большой Ящик — современный эквивалент древнего, исторического Интернета

Бопсы — беспроводные (радиоуправляемые) обслуживающие подземные системы. Индивидуальные компоненты общественных ИИ форм жизни, обитающих на Полосе

буитры — от исп. buitre — стервятник (гриф, сип белоголовый и т.п.)

вакан — нечто крутое, в жилу. Из перуанского сленга

Вердес — экологические активисты. От исп. verde — зеленый

вертипроп — воздушное судно способное летать, как самолет, но с вертикальным взлетом и посадкой

вертушка — современный вертолет

вит — видеоглаз, камера, шоу… множество всяких употреблений, относящихся к видео

вольнар — вольнонаемный специалист по технологиям

вонкер — филон, дрянь. Из австрал. сленга

ВФЖП — Всемирный Фонд Живой Природы

вырубалка — карманное оружие для доставки парализующего электрического разряда

гейзхейз[65] — слухи. От англ. gaze — пристально вглядываться и haze — легкий туман

генженерия — генная инженерия, часто по косметическим причинам

глумер — секстель, где практикуется жесткий секс. От англ. gloom — мрачный

голком — прибор голосовых команд, который держат в руке, для управления электроникой

гразо — (исп.) жирный

грамма — компьютерная программа

гуфак (-чка) — (молодежный жаргон) дурак (дура), неумеха

динкам — правда; настоящий. Из австрал. сленга

«Дисони» — гигантский мультинат индустрии развлечений «Дисней-Сони»

дисраптор — устройство для разрядки мощного электромагнитного импульса

дронго — бродяга, неудачник, скверный парень. Из австрал. сленга

друл — «стукач». От англ. drool — пускать слюну

душевник — бедная часть большого города; не обязательно трущобы

дюробль — крепкий парень; от англ. durable — прочный, крепкий, надежный; и исп. duro — твердый, жесткий, суровый

желпровода — электронные нервные узлы

индукционная труба — массовая транспортная система на магнитной подвеске, пронизывающая всю Северную Америку

интегральный — нетронутый, целый, невредимый, непострадавший

инфовоид — удобный трехмерный участок открытого, активного ящика

йоббо — неудачник, бродяга. Из австрал. сленга

квилк — от англ. quick click — быстро щелкнуть. Магазин, торгующий высокотехнологичными компонентами

кейрецу — огромный торгово-промышленный конгломерат. Из японского

киломы — километры

кодо — кондоминиум, дом-совладение, кооперативный дом, квартира в таком доме

комерсио — лавка, магазин или бизнес. От исп. comercio

комм — телефон или иное средство связи

космобаза — нелегальный наркотик

Костезона — опасный, бандитский район

кош — как в выражении kosher cash — «кошерные наличные». Законные деньги

кранч — вычислительная мощность. От англ. crunch — хрустеть, щелкать как орешки

крильоснов — пища сделанная из криля

куло — жопа. Из исп. сленга

леперо — гнусный матерщинник. От мекс. жаргонного lepero — прокаженный

макиладора — производственный завод старой границы (Полосы)

макросье — большое полицейское досье

масальса — северо-мексиканская музыка в стиле кантри. От

мекс. salsa — разновидность музыки, и masa — кукурузные хлопья, из которых пекут тортильи (кукурузные лепешки)

матаро(а) — наемный убийца. От исп. matar — убивать

Медисоннный эжектор — устройство для навязывания беспомощной публике размножающейся, изменяющейся рекламы. От Медисон-авеню, улицы в Нью-Йорке, где обосновалось множество рекламных агентств

мед-очки — специализированные высокотехнологичные очки медперсонала

мероин — синтетический опиат, наркотик[66]

миражовка — миражная татуировка

молли — моллисфера. Сферический накопитель информации, подвешенный в магнитном поле, считывается лазером при вращении. Интегрированный лазер не только считывает информацию, хранящуюся на поверхности, но может и изменить фокусировку, что позволяет ему считывать с многих слоев, составляющих сферу — словно читая информацию, напечатанную на концентрических слоях луковицы

монгер — некто с жалобой; болтун

музолинзы — похожее на очки устройство для сенсорного воспроизведения

муй мало — очень плохой. От исп. muy malo

мультинаты — гигантские многонациональные корпорации, компании, конгломераты

муэрто — мертвец. От исп. muerto — мертвый. Употребляется также как глагол в значении убить

мьерд — дерьмо. От исп. mierda

натка — противопехотная граната

нача — зад. Из мекс. сленга

нег и поз — парень и девушка. От англ. негатив и позитив

нейпрон — очень прочное, но почти не имеющее массы волокно, созданное на основе на аэрогелевой технологии

нины; нинлокос — буквально «сумасшедшие ребята». От исп. nico & loco, ребенок и сумасшедший

нодестер — дилер, торгующий музплатами

нонзафадо — не в теме, не свой

обессол — обессоленная морская вода

ОТИ — Организация Тропических Исследований

пар — толки, разговоры, слух

пара-сайт — веб-сайт

паризрак — изображение образованное из «твердого» дыма. Аэрогельная технология

пенд — пенис. От мекс. жаргонного pendejo

пинче каброн — гребаный козел. Из мекс. сленга

платы — маленькие, гибкие электронные средства хранения информации

подкод — дитя до тринадцати лет

психуны — психологи и психиатры

пшикарь[67] — спец по рекламе. Может быть любого пола

Рара Авес — Редкие Птицы. От лат. Rara Aves

Санхуана — будущий аркомплекс, состоящий из Большого Сан-Диего и Тихуаны

Севамерика — Северо-Американский Союз, состоящий из прежних США, Канады и Мексики

секстель — узаконенный бордель

сильва — высококлассная шлюха

симивиты — порнуха. От англ. seamy — темный, неприглядный, непристойный

скав — от англ. scavenger — падальщик, уборщик мусора

скимник — мошенник. От англ. skim — снимать пенки, сливки и проч.

снаппер — полицейский снайпер. Из архаического американского сленга 20-го века

сок — наркотик любой разновидности

соче — аналог школы, среда для обучения детей полезным жизненным навыкам

спаззованный — растоптанный, подавленный

стимстик — легальный курительный наркотик

страйн — австралийский сленг

струт — правда, вердад. Из австрал. сленга

субсигнал — чип личной идентификации, инсталлированный под кожей

сумкодран — грабитель невысокого пошиба

СФП — Севамериканская Федеральная Полиция; федералы

сэрьор — уважительное обращение к мужчине; комбинация англ. сэр и исп. сеньор

тактиль — программа, которую можно «пощупать». Употребляет огромные количества кранча

тамбаки — очень крупная, очень вкусная рыба из бассейна Амазонки

техант — технологический гений, т.е. технический талант

тико/тика — прозвище жителя/жительницы Коста-Рики

тихарь — прибор, усиливающий тишину путем аннулирования других звуков

тодос — вот и все

тоймен — игрушка, содержанка мужского пола. От англ. toyman

тортуга — черепаха. Из исп.

траба-джоб — работа, халтурка. От исп. trabajo — работать, и англ. job — работенка

трохус — съедобный моллюск из южной части Тихого океана

трындель — некто слишком разговорчивый. На мекс. жаргоне — horicon

федерал — от исп. federale — фараон, полицейский

федоко — пренебрежительное обозначение федерала

фежоада — пряное бразильское блюдо

фелеон — очень нехороший скверный парень. От англ. felon — преступник (тяжкий) и мекс. жаргонного feon — безобразный лох

ферал(а) — незарегистрированный житель (жительница) низов Полосы

фиска — тонкий, как проволока, клинок ножа

фликер — пистолет, стреляющий зарядами для подкожного впрыскивания; невидим для большинства детекторов оружия

«хамелеон» — высокочувствительный снабженный сенсором прибор, надевающийся на лицо и способный изобразить черты лица другого человека

хардзин — печатная газета, журнал, брошюра и т.п.

хихило — комб. хихикать и жиголо

хомбер — человек, произносится на английский лад и означает парень, чувак. От первоначального исп. омбре

хуэвос — «что хуэвос, то хуэвос». От исп. huevos — яйца. В переносном смысле — мужество

хэнгл[68] — детальное обсуждение. От англ. haggle — торговаться и hang — висеть

цветополз — светящийся, похожий на неоновую рекламу, кинетический настенный декор

цедящий — работающий с ящиком (компьютером, Сетью, Паутиной и т.д.)

церебро — мозги; мозговитый

чика — цыпочка, девочка. Из исп. сленга

чингарун — очень крутой мачо. От исп. chingaron — крутой, и vinegaroon — особенно уродливый пустынный паук

чистяк — солидный, честный гражданин среднего класса

чифладо — главарь банды нинлоков. От английского chief — шеф, глава & исп. chiflado — сумасшедший

шейла — женщина, бабенка. Из австрал. сленга

шлаг-сезам — прибор для раскодирования и отпирания электронного замка

шокер — маленькое похожее на пистолет устройство, стреляющее электрически заряженными шариками

якк — болтовня, треп; способность говорить. От англ. yak —

болтать, трепаться

ящики — соединенные компьютеры. Интранеты с инфранетами и с самим Большим Ящиком

notes

Примечания

1

Muy rapido — (исп.) очень быстро. (Здесь и далее прим. переводчика.)

2

Feral — (англ.) хищный.

3

Акулья ремора — рыба-прилипала.

4

Миз — словечко придуманное американскими феминистками, комбинирующее слова мисс имиссис (обращение соответственно к незамужней и замужней женщине), которые им очень не нравились так как отдавали, на их взгляд, страшным «неравноправием», поскольку мужчин-то называют мистерами вне зависимости от их брачного статуса.

5

Капибара (Hydrocoerus capybara) — водосвинка.

Quien sabe? — (исп.) кто знает?

7

Хокку — японское трехстишие (размер 5-7-5 слогов в строках).

8

Паловерде — дерево покрытое зеленой корой и колючками, практически лишенное листвы.

9

Окотилло — разновидность мексиканской сосны.

10

Мобайл (искусств.) — подвижная абстрактная скульптура.

11

Vamos (исп.) — двигаться, пошевеливаться, ехать.

12

Compadre (исп.) — друг, приятель.

13

Gracias (исп.) — спасибо.

14

Nada (исп.) — ничего.

15

Ni uno, ni otro (исп.) — ни того, ни другого.

16

Jornada del Muerto (исп.) — День Смерти.

17

Cabeza vareza (исп.) — дурная голова.

Ноу (исп.) — эй.

19

Por favor (исп.) — пожалуйста.

То есть, если перевести с испанского, от морской свинки до водосвинки.

21

Hora (исп.) — час.

22

Egotista (исп.) — самохвал.

23

Noches (исп.) — ночь.

Tontos (исп.) — дураки.

25

Calle (исп.) — улица.

26

Tranquilo (исп.) — тихоня.

Caracter feo (исп.) — скверный тип.

Malo (исп.) — нехороший человек.

29

Dinero (исп.) — деньги.

30

Nonada (исп.) — малость.

31

Todo (исп.) — все.

Miro (исп.) — понимаю.

33

Ese (исп.) — это.

34

«Джелло» — товарный знак полуфабрикатов желе и муссов выпускаемых в порошке.

35

Находятся в Хэнкок-Парке в Лос-Анджелесе. Желающим узнать как они выглядят рекомендуется посмотреть штатовский фильм «Последний киногерой» (со Шварценеггером), а точнее тот эпизод где герои подцепляют заминированного покойника подъемным краном.

Соче-в-grande (смесь англ. и исп.) — общество в целом.

Seguro (исп.) — здесь , само собой.

38

Сокращенное название существующей и в наше время корпорации «Дженерал Дайнемикс».

39

Агуа-При — современный мексиканский город Агуа-Приете.

40

Seguro — (исп.) здесь в значении верный, преданный. В других местах — в смысле безопасный.

41

Coy Joy — имечко этой шлюхи (явно вымышленное) означает нечто вроде Скромница-Удовольствие.

42

Непереводимая игра слов. Англ. cocktail (означающее, буквально, «петушиный хвост») звучит точно также как название борделя Cocktale (это можно перевести как «Пенисказка»).

43

В данном случае имеется в виду район где сходятся границы четырех штатов: Нью-Мексико и Аризоны (США) и Соноры и Чиуауа (Мексика). Расположен между Ногалесом и Агуа-При.

Strewth — (австрал.) верно, правда.

45

Явная ошибочка автора. Ранее им поминался город Масматаморос (т.е. Большой Матаморос), крайняя восточная точка Полосы, куда наверняка и входит современный техасский город Браунсвиль. Кстати, если кто не догадался, Эльпасо-Хуарес образован (также как Санхуана из Сан-Диего и Тихуаны) путем слияния соседних Эль-Пасо (США) и Сьюдад-Хуареса (Мексика).

Cerveza — (исп.) пиво.

47

Названия этого населенного пункта (Friendship) переводится как Дружба.

48

La Ciudad Simiano (исп.) — Обезьяний Город.

Burritos (исп.) — кукурузные лепешки с начинкой из мяса, сыра или бобов; chorizo (исп.) — копченая колбаса с перцем.

В основном это очень агрессивные муравьи-ацтеки.

51

Уакари — короткохвостая обезьяна.

52

Бонобо — карликовый шимпанзе.

53

Тофу — китайский и японский соевый творог.

54

Сопапилла — мексиканское блюдо, оладья обычно макаемая в мед.

Exactamention (исп.) — именно, точно.

56

Olla (исп.) — привет, совершенно тоже самое что и английское «Хэлло». Олла-ло — гибрид обоих приветствий.

Насчет Эль-Пасо ничего не скажу, а в Ливерморе и Сандии даже в наше время находятся крупнейшие центры ядерных исследований занимающиеся в частности разработками лучевого оружия.

Gordo lordo (исп.) — здесь , большой треп.

59

Думаю не надо разъяснять что означает имя Angel прочтенное хоть на испанский, хоть на английский лад.

Фамилия Минервы (Fourhorses) по всей вероятности индейская (навахо?) и означает Четыре Лошади.

61

Cucaracha (исп.) — таракан.

62

Даже не знаю нужно ли переводить. Думаю любой читатель и сам догадается, что el fin означает по-испански «конец».

63

мелькать

кубарить

гляньтумань

от слов методон и героин

мелькарь

висбазар, базависа